

Дымбрылова Д.С., Пирожков С.П.

**Книга памяти
о Сергее Сергеевиче Евдокимове**

**Впрочем,
я ни о чём
не жалею...**

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ОТ АВТОРОВ	3
ЭПИГРАФ	4
УЖГОРОД	5
Первая «топосъемка».....	5
Ужгород.....	5
Туристы.....	7
Дюльфер.....	7
Детская туристская станция.....	9
Русская, 25.....	11
Коричневая тетрадь.....	13
Упорная.....	15
Угольское приведение.....	17
«Цветы» под землей?.....	19
ПЕРМЬ	23
Сергей Сергеич.....	23
Тросовые лестницы.....	24
14 сентября 1970.....	26
Переправа. Ноябрь 1971.....	27
Баня.....	28
Чусовая-79. Записки начальника экспедиции.....	30
Понышский Грифон.....	52
Голубое озеро.....	56
Школа. Алек-1979. Дневник начальника лагеря.....	63
ПЕРВЫЙ КИЛОМЕТР	80
КрЭ-01	108
КрЭ-01 – 1982 г.....	108
КрЭ-01 – 1985 г.....	115
КрЭ-01 – 1986 г.....	118
СУДЬЯ	124
Об АСУ.....	124
История создания АСУ.....	125
Матчи городов Урала.....	130
Спелеоподвода-83. Уроки первого всесоюзного семинара.....	136
Заметки на краях судебных протоколов.....	139
Мини-путч.....	139
Дела столовские.....	143
ПОСЛЕ БОЛЬШОЙ СПЕЛЕОЛОГИИ	145
Встреча с писателем В.П.Астафьевым.....	145
Огонь, вода и медные трубы.....	155
Медаль памяти А.Морозова «За успехи в спелеологии».....	161
Сергеичу (к 70-летию).....	162
Небо Евдокимова.....	162
ВОСПОМИНАНИЯ ДРУЗЕЙ	166

От авторов

Конечно, эту книгу должны были писать не мы. Семья, близкие друзья, очевидцы – вот список возможных авторов, которые бы написали эту книгу лучше. Но дали слово и нам – ребятам без опыта, совместно прожитых лет и общих воспоминаний. Хотелось и нам сказать слово благодарности человеку, который стал не просто учителем и другом – но стал примером и мериллом во многих вопросах жизни.

Мы долго думали над жанром книги и повествованием в ней, но в итоге решили, что лучше всего о Сергей Сергееиче расскажут он сам и его друзья. Ведь в спелеологии сложно найти более плодотворных в литературном плане людей. Поэтому в книге мы больше выступили компиляторами, чем полноценными авторами, собрав воедино рассказы Сергеича, его фотографии, а также воспоминания друзей-спелеологов.

Если вы знали Сергеича лично, то вряд ли из книги узнаете что-то новое, но, возможно, вспомните его, его голос и шутки в строчках, написанных когда-то им самим. И это значит, что цель наша будет достигнута.

К сожалению, из-за финансовых вопросов книга выходит только в онлайн публикации. Но, благодаря этому, мы можем дополнить или исправить ее в любой момент. Если у вас появятся замечания или вы захотите дополнить книгу воспоминанием, историей или просто хорошей фотографией – пожалуйста, напишите нам на seevdokimov@yandex.ru.

С уважением, Пирожков Семен и Дымбрылова Дарья

Авторы выражают благодарность:

Корректор текста: **Титова Елена**

Помощь в оцифровке текста: **Бердюгина Любовь, Бакланова Алиса**

Верстка обложки: **Байкова Антонина**

Эпиграф

Впрочем, я ни о чем не жалею.

- Был там, где пришлось быть немногим.
- Прыгал с парашютом.
- Нырял с аквалангом, по тем временам показывал рекордные результаты.
- Был на Байкале, в Саянах, Средней Азии, на Кавказе, в Крыму, Подолии, на Карпатах.
- Восемь лет отдал изучению глубочайшей тогда пещеры Союза – Пантюхинской (-1500м).

Хотя, наверное, можно было бы и больше, но много времени отнимала подготовка кадров.

Как-то подсчитал – больше тысячи человек через мои руки прошло, однако.

С.С.Евдокимов

Для себя я давно сделал вывод, что в том агломерате, который представляет из себя группа, занимающаяся спелео, не бывает лишних людей. Каждый член такой команды ценен сам по себе, и его присутствие в коллективе подобно пряности в изысканном блюде, придающей неповторимый вкус и запоминающейся надолго.

С.С. Евдокимов

Ужгород

Сергей Сергеевич родился 17 марта 1946 г. в семье военного. Началом его спелеологической деятельности можно считать топосъемку пещеры Опаловая под Ужгородом в 1962 году. В 1963 г. он пришел в туристскую секцию «Вперед и выше» в Ужгороде, а в 1964 г. участвовал в спелеолагере «Крым-64» под руководством И.В. Черныша в качестве слушателя.

В 1965 г. получил звание младшего пеше-лыжного инструктора.

До 1970 года участвовал во многих исследованиях пещер на Карпатах.

Первая «топосъемка»

Стаж моих занятий спелео слегка перевалил за сорок лет. Счет этот, я полагаю, следует вести с того знаменательного момента в 1962 году, как три пацана, лазавшие в поисках приключений по окрестным горам, составили свой первый план подземелья, среди аборигенов звавшегося просто «шахта на Лысой горе».

Стоит ли говорить, что чувствовали мы себя никак не меньше Колумба и прочих, слышать о которых доводилось не раз (в том числе, и в знаменитой рыжей детской энциклопедии).

Вспоминая юность, еще надо и о тренировках сказать. У нас с Чернявским Володей, моим приятелем и соседом через улицу, кроме легкой атлетики (три тренировки в неделю), было еще «современное пятиборье».

А это:

- стрельба из пистолета – три раза в неделю;
- плаванье в бассейне – два-три раза, как выпадало, но летом;
- фехтование – три раза в неделю. За исключением конного кросса, поскольку лошади в спорткомитете отсутствовали, а пограницы к своим не пускали.

Чуть позже, в 1963 году мы познакомились с настоящими туристами-альпинистами, общение с которыми содрало пижонскую шелуху (в нашей среде не было худшего оскорбления, чем прослыть пижоном), которые и привили мне дурную привычку иногда записывать для памяти некоторые события...

Ужгород

Небольшой приграничный городок на юго-западной границе Советского союза. Место, где склоны Карпатских гор кончаются, просто банально уходя под землю, и начинается Придунайская равнина. Из горной теснины на ее просторы вытекает речка под названием Уж, по имени которой и назван город, перекрывающий пеший проход на равнину.

Это Ужгород.

До государственной границы от его центра всего-то километра четыре, территория местного аэропорта (в войну с него взлетали «Мессеры») так даже вдается правильным прямоугольником в территорию сопредельного государства.

Из видимых следов прошедшей войны – ухоженное мемориальное кладбище погибших советских воинов на склоне горы, в народе называемой «Калвария» – кладбищенская, так как на ней расположилось несколько погостов, по-западному основательных и прибранных. Да неприметный след на брусчатой мостовой, уходящий за границу, на Прагу. Брусчатка с истинно немецкой точностью аккуратно расколота по прямой линии в полуметре от правой бровки дороги. Говорят, что отступающие немцы эвакуировали «Тигр» с заклиненной ходовой частью, и это след его гусеницы.

Ужгород – город, который обворожил меня своими тихими благоустроенными улочками, по полгода утопающими в густой чудной зелени. Это моя юношеская любовь, приковавшая к себе сразу и надолго. Начало шестидесятых годов. Уже работает местный телецентр, пытающийся быть противовесом вещанию хоть и дружеских, но все-таки забугорных стран.

Центр. В повседневной жизни нашего конкретного города – это отрезок улицы Суворова от Театральной площади до следующего перекрестка, который образуют четыре магазина: «Спортовары», «Одежда», «Золотой ключик» и «Гастроном», где за сущие копейки можно при желании купить прессованный кубик (по 1 сантиметру все грани) сухого кофе с сахаром и молоком (7 копеек), или такой же кубик какао (9 копеек). Это наше пацанячье лакомство. Граждане посостоятельнее и постарше захаживают в «Ключик» на миниатюрную чашечку истинного кофе – «Экспрессо» (36 копеек порция), приготовленного в настоящей эспрессо-кофеварке, весьма редкого импортного аппарата в те далекие времена.

Проход по этому маршруту неспешным прогулочным шагом занимает минут пять.

В рабочее время это обычная центральная советская улица в обрамлении западного интерьера.

К вечеру, по окончании рабочего дня и до закрытия магазинов, которые в этой части города стоят вплоты друг к другу, по ней прогуливаются пары.

г.Ужгород

Такое место есть в любом городе. В начале семидесятых их называли «стометровка»; у нас, в шестидесятых, это место фигурировало под названием «Корзо». Здесь назначаются деловые встречи, любовные свидания, да и просто это место «людей посмотреть да себя показать».

По выходным празднично приодетая молодежь собирается здесь на общегородские «тусовки» (слова такого еще нет в молодежном лексиконе), заключающиеся в ритмичном передвижении взад и вперед по этому довольно ограниченному отрезку городской территории.

В обычные дни Корзо начинает собирать своих служителей часов с шести. Часа два улица поглощает все новые и новые порции приходящих, которые умудряются каким-то совершенно непостижимым образом разместиться здесь, при этом энергично перемещаясь во встречных направлениях. Часов в восемь вечера – здесь пик людского коловорота. После девяти же – только редкие прохожие неспешно пересекают Корзо.

Туристы

Очевидно, не стоило бы это место поминовения, кабы бы не одно регулярное в те годы явление на его территории. Всегда оно происходило в воскресенье, ближе к девяти часам вечера и возникало в проулке между «Золотым ключиком» и «Гастрономом».

В этом парадном коловращении приодетой общающейся публики вдруг возникало резкое несоответствие. Сначала, в самой теснине праздной толпы, стремительно раздвигая ее, возникала фигура человека, одетого во все походное (чаще всего это был сухощавый мужчина, лет за сорок, в зеленой штормовке и с рюкзаком, реже – невысокая смуглая женщина с таким же рюкзаком). За ней следовала цепочка по-походному одетых людей с рюкзаками. Было их немного, человек до десяти.

Поскольку в Ужгород мы переехали совсем недавно, за справкой я обратился к своему соседу Вовке Чернявскому, с которым мы составляли одну из молекул этого столпотворения:

– Это кто?

На что получил исчерпывающий ответ:

– Туристы, – большего мой приятель не знал.

А так хотелось попасть в эту очевидно дружную компанию, которая идет сквозь праздность, продолжая давно начатый разговор. Позднее эти странные проходы получили простое, я бы сказал банальное объяснение. Это не было вызовом обществу. Просто это была единственная прямая дорога от конечной остановки пригородного автобуса до квартиры Балташниковых на улице Русской, на другой стороне реки. Так случилось, что довольно скоро мы попали-таки в эту компанию. Звалась она ВИВы. Потом, пройдя вивский «курс молодого бойца», и мы из чистой солидарности удлиняли свой путь домой на несколько сотен метров, переходя через пешеходный мост, где прощались традиционно по-вивски, сложив руки в единое общее рукопожатие и прокричав по складам «ДО-СВИДА-НИ-Я!». После чего прощаться еще раз считалось верхом неприличия.

Дюльфер

Еще до вивов с их пещерами, для меня первым учебником спелеотехники стала книга Ласло Якуча «В подземном царстве», выпущенная в популярной серии «Рассказы о природе» госиздательства географической литературы (Москва, 1963) и купленная летом того же года.

В ней доступно, с рисунками, и, главное, вполне повторяемо, рассказывалось, как спускаться в колодцы при помощи «сидячей» петли. И, конечно, как подниматься из колодцев по веревке с помощью трех петель. Вкупе с рассказами о необыкновенных происшествиях под землей по прочтении книги можно было считать, что мое спелеологическое образование закончено.

Собственно, я так и считал. Иначе, чем можно объяснить то, что когда отец Володи Чернявского (между прочим, полковник медслужбы в отставке) нечаянно захлопнул дверь в квартиру и остался без ключей, я, ни капли не сомневаясь, предложил свои услуги по спуску на приятельский балкон из окна вышерасположенной квартиры (с третьего этажа на второй).

Для справки:

- нужно отметить, что квартиры в том доме имели потолки под четыре метра высотой;
- все мои познания в прочитанном были чисто теоретическими, я не удосужился до этого ни разу, хотя бы на ровном месте, попробовать, как это выглядит на практике.

Но слово не воробей, сказано – сделано. Прихватив из дома «толстую» веревку (аж 6 мм), – с высоты сегодняшних знаний, можно бы было сказать, кабельной конструкции, – что не так давно купила мама для сушки белья, мы смело отправились к верхним соседям Чернявских. Решив положительно все оргвопросы и пропустив вокруг батареи конец бечевки (так будет вернее охарактеризовать это мамино приобретение), выровняв ее концы, я сел в петлю.

Как узнал позднее – сел «по Дюльферу» и почти сразу почувствовал, как мое мнение о себе самом резко меняется в худшую сторону. Нет, страха не было никакого. Откуда страх, когда не видишь опасности? Просто ужасно резало все то, чего бечевка касалась (весил я тогда около 70-ти кг и, в противовес себе сегодняшнему, был поджар и спортивен). Отступать было выше моих моральных сил, вдруг окружающие подумают: «Струсил!?!» Поэтому процесс спуска закономерно продолжился. Но, чтобы продвигаться к цели, хорошо просматриваемой под ногами слегка пониже ступней, необходимо было ослаблять сжатую руками петлю, позволяя веревке скользить вдоль тела.

Так я в прямом смысле «на собственной шкуре» познакомился еще и с простым физическим постулатом, что при трении движущихся предметов между ними выделяется ба-альшее количество тепла. О том, что тепло это трансформируется в банальные волдыри ожогов, мне стало известно по возвращении домой. И мне оставалось только медленно продолжать передвигаться к вожделенному второму этажу, упираясь ногами в стену. Ноги шире плеч. Понимание этого простого правила спуска пришло само собой. Очевидно, сказались многолетние тренировки в легкоатлетической секции «Динамо», куда ходила почти половина одноклассников. А чтобы оправдать неторопливость передвижения, я усиленно изображал интерес к раскинувшейся под ногами картине: ночная улица, высланная брусчаткой; ярко сияющие уличные фонари ниже собственных ног; необыкновенно яркие звезды над головой. Так, до боли сжимая зубы, я все-таки преодолел эти четыре метра и победоносно открыл дверь хозяевам, старательно скрывая обожженные ладони. Остальное скрывалось под одеждой (вот они, истоки промалыпа!).

Для полноты картины следует добавить, что на мне была летняя рубашка с короткими рукавами и так называемые «китайские» брюки из тонкой хлопчатобумажной ткани, кажется, синего цвета. Об особенностях одежды Якуч почему-то не упоминал ничего, вероятно, не придавая значения таким «мелочам».

Дааа, все это я проделал, еще не попав в руки настоящих туристов. Что говорить: несмотря на понесенные лишения и полученные раны, нос я держал высоко.

Правда, волдыри от ожогов вызвали неуместные вопросы пляжной компании (был конец августа), отвечать на которые было не очень удобно. Куда сложнее было объяснить родителям, откуда взялись белые двойные полосы на брюках и рубашке, бесповоротно испортившие внешний вид, в общем-то, новых вещей, за что попало мне изрядно. Так состоялось мое первое знакомство со знаменитым Дюльферзитцем (в просторечии просто «Дюльфер») – способом спуска по веревке с использованием единственно физических кондиций индивида. Немецкое происхождения названия ясно указывало на некоего Дюльфера, очевидно, предложившего этот способ.

Способ требовал определенной физической подготовки и соответствующей одежды, плотной, достаточно толстой, закрывающей все участки тела, контактирующие с веревкой.

Ну, а варежки – варежки просто категорически необходимы.

*Вот таким было начало спелеологии для
Сергея Евдокимова*

Детская туристская станция

В сентябре 1963 года, придя после летних каникул в школу, в 11 класс, мы узнали, что физику у нас будет преподавать новый учитель. Выпускник нашей же СШ №3, года два назад окончивший физфак местного университета и вернувшийся в город после отработки обязательного распределения учителем физики в какой-то горной деревне, – Назаренко Петр Николаевич.

Физик нам понравился, во-первых – молодостью, во-вторых – непринужденностью в общении и, конечно, несомненным знанием предмета.

Особенно он заинтриговал нас сделанным однажды в конце урока объявлением, предложив всем желающим заниматься альпинизмом, спелеологией и туризмом, собраться после урока в физкабинете. Как принято сейчас говорить – «три в одном флаконе». Было это 27 сентября.

Собралось нас там человек десять. Петр Николаевич объяснил, что занятия будут проходить на Областной ДТС (детской туристской станции), что заниматься можно будет во всех трех кружках сразу, и что занятия будет вести мастер спорта по туризму.

Для справки: в те годы не было разделения туристов по видам. Поэтому собирались все вместе: водники, пешеходники, ориентировщики, скалолазы и прочие.

На следующий день, в субботу, физики не было, и Петр Николаевич, отловив нас на перемене, предложил пойти в поход «с ночевой», для чего надо было: отпроситься у родителей и, взяв у них денег на дорогу и продуктов на полтора дня, в четыре часа прийти на ДТС.

«Смею утверждать, что это объявление достаточно круто изменило всю мою дальнейшую жизнь. Но обо всем по порядку»

Из школы нас пришло четыре человека: я, мой сосед Володя Чернявский и два его одноклассника. Встретившая нас невысокого роста женщина с непляжным полевым загаром назвалась Ириной Васильевной Пташниковой. Она сказала, что будет вести все три кружка, чем посеяла в наших душах немалые сомнения: «А где же обещанный мастер спорта?».

Тем не менее, взяли у ДТСовского завхоза рюкзаки и спальные мешки, присоединили к ним (скидав, как придется) выданные родителями бутерброды и, взгромоздив поклажу на плечи, тронулись в путь.

В пять были на автовокзале, где влились в поджидавшую нас компанию из трех студенток, дочери и мужа нашей руководительницы (итого с нами – десять человек).

Минут через двадцать, выгрузившись на конечной остановке пригородного автобуса в селе Невицкое и перебравшись по подвесному мосту через речку Уж, все бодро зашагали вдоль его левого берега.

Для нас с Володей места были знакомые, так как уже года два мы самостоятельно бродили здесь. То в поисках Голубых озер, то Синатории, чудного места где-то недалеко от самой вершины (когда-то кратера вулкана), главенствующей над долиной и дивно названной «Анталовецкая поляна», то на саму Поляну, то просто отправляясь за грибами в окрестные леса.

То есть – дорога как дорога. Однако минут через двадцать началось странное. Тропа к тому моменту вывела нас на безлесый увал, продолжение одного из отрогов хребтика, образующего левый борт речной долины.

И вот все наши попутчики, познакомиться с которыми толком мы не успели, вытянувшись цепочкой вдоль склона и замедлив шаг, что называется, «уткнулись носами в землю», старательно высматривая в вечерних сумерках неведомое нам нечто. Высказанное мною вслух предположение, не потерял ли здесь вчерашний день, не вызвало никакой реакции, на что я втайне рассчитывал. Еще пара таких же «острот» остались незамеченными.

«Выделывался» я, конечно, перед дочерью нашей руководительницы, которая была единственной нашей сверстницей, но училась в другой школе. Мне до сих пор неловко за ту сцену, и, вспоминая ее, я все еще краснею от стыда.

Ирина Васильевна же негромко так объяснила мне, что здесь была стоянка наших далеких предков, неандертальцев, и что ищут они «подъемный материал». Как будто слово это мне что-нибудь объяснило. Тем более особого доверия не вызвали какие-то осколки мутновато-темного стекла, которые она мне продемонстрировала. Ирина Васильевна же пояснила, что у археологов этот процесс называется «ходить с привязанным носом».

...Не пройдет и месяца, как и я сам буду ходить «с привязанным носом», с энтузиазмом разыскивая те самые осколки вулканического стекла – обсидиана, которые оставались на месте древних

Сентябрь 1963г

На поиски подьёмного материала

Чернявский Володя Евдокимов Сергей Шахов Александр.

мастерских. Удачей считалось найти ножевидную пластинку с микроретушью (мелкими сколами по краям) – так наши предки затачивали свой инструмент. В словарь мой прочно вошли новые слова: нуклеус, отщепы, ножевидные пластины и пр. А школьный музей, которым руководил историк и завуч дядя Саша, получил бескорыстных поставщиков археологических древностей...

Русская, 25

Но этот рассказ к ВИВам имеет только касательное отношение...

В доме Балташниковых, нам, тогдашним пацанам, было все интересно:

- И загадочно пахнувшие Древним Востоком бусины (кажется, из сандалового дерева).
- И черепки ольвийские, древнегреческие. Черный лак по обожженной красной глине. Секрет лака до сих пор не разгадан.
- И монетки-дельфинчики из позеленевшей меди. Представить только, что ими на берегах Ольвии купцы больше двух тысяч лет назад (по большому счету, рукой подать!!!), расплачивались за свой товар.
- Или изображающая в квартире подставку под утюг, небрежно брошенная плитка азиатского кирпича с отпечатком собачей лапы. Ну, бежала себе собачка по кирпичной мастерской, да нечаянно наступила на только отформованный кирпич. Делов-то! Только вот не вчера собачка пробежала, а во тьме веков, несколько сотен лет назад! С ума сойти можно, как представишь!
- И битые осколки обсидиана вообще вдруг оказываются ножевидными пластинками из такой глубины веков, что и подумать страшно.

• И томик Обручевского «Справочника путешественника», в котором можно было найти ответы, кажется, на все вопросы подготовки путешествия.

• Или вот предлагается задачка: по карте мадьярской, вернее, ее фотокопии, маршрут проложить надо. По памяти. Куда в давешний выходной ходили. А подписи все на венгерском.

• Или завязать на скорость альпинистских семь узлов, да с закрытыми глазами, да за спиной?

• А незабвенная игра в «Доп-доп»?

• А стихи ужасно запрещенных в ту пору Есенина и Гумилева, или до этого мне неизвестных Павла Когана, Николая Майорова (я с той поры стихи читать начал).

• А история с братом Володи Лисецкого, в самом начале той Великой войны потерянного, в поиске которого радиостанция «Юность» и сама Агния Барто тогда немало поучаствовали. И нашли ведь!

Так что был повод побыстрее с уроками разобраться и – на Русскую, 25...

Балташниковы поразили меня тогда насмерть свободой и непритязательностью быта (отсутствием мебельных гарнитуров, в частности). Оно и понятно – много средств забирали походы. Зато насколько был высок уровень общения!!! Разговоры шли не о том, как устроить быт: как, что, у кого и где приобрести.

Разговоры были о том, как, куда, с кем отправиться, чтобы посмотреть что-то, испытать, сравнить.

Нет, вопросы быта возникали непрерывно и в этой жизни, но они не становились глобальными проблемами и решались быстро и радикально.

Хотя при этом мы были все такие разные...

Тяга ко всеобщему общению в породе человеческой сидит крепко. Вспоминаю эту бесконечную череду личностей, останавливающихся под гостеприимной крышей на Русской:

• Бригада коммунистического труда им. Фиделя Кастро (помнится, звали их втихую не иначе как «кастратами»). Она состояла из молодых монтажников с завода «Ужгородприбор» (в просторечии – «Боздош модуль корпорейшен»). Женя Барабаш там был главным, Наташа Балакина активно участвовала. В этой квартире за столом они добивали свой промплан.

• Егор Семенов, токарь того же «Ужгородприбора». По словам Ирины Васильевны, разошедшийся во взглядах на жизнь с родителями и нашедший здесь, на Русской, многолетний приют.

Сбор вивов перед походам

- Игорь Черныш, председатель Ялтинской спелеосекции, который повздорил с тогдашними боссами советской спелеологии Дублянским и Илюхиным. Учил нас азам топосъемки.
- Костя Мышелов, в гражданской жизни Панютин (прозвище такое, так как мышами летучими занимался). С ним я ползатка в Ужгороде облазил в поисках рукокрылых.
- Борзов Володя, его появление у ВИВов вообще – одна большая легенда.
- Димка Змеелов (Попович). Приехал после армии поступать на биофак в Ужгородский универ (как я понимаю – не в последнюю очередь из-за Балташниковых) и приволокший с собой из Средней Азии в дембельском чемоданчике несколько удавчиков изрядной длины (желтопузиками, помнится, звались).
- Ребята из Гипрограда, приехавшие в Ужгород по распределению и тоже частые гости в этом благословенном месте.
- А наше пермское вторжение в ташкентскую уже квартиру к Степанычу, собору «Советского спорта», в 1976-м! Серьезная компания тренеров азиатских республик, на фоне телетайпа горячо обсуждающая некую важную проблему. Все, как один – в роскошных семейных трусах, что на моих пермяков произвело неизгладимое впечатление. Да и то сказать – было жарковато.

Коричневая тетрадь

Я давно искал ее. Еще лет десять назад при подготовке материалов для бюллетеней по истории пермской спелеологии, она нет-нет да и возникала перед моим внутренним взором – эта общая тетрадь в клеточку, в коричневом клеенчатом переплете, вмещающая полузабытые сокровища теперь уже полувекковой давности.

Сокровища эти – песни, распевавшиеся тогда нашей вивовской компанией. Еще в ту самую первую поездку с ВИВами мы «причастились» к этой странице их жизни...

Бедные родители!

С той поры по выходным дням они нас почти не видели. И если бы только это. Чадо стало напевать какие-то жуткие песни. Если из громкоговорителя бодро несло:

– *«Сегодня мы не на параде,*

Мы к коммунизму на пути» –

(только что отгремел «судьбоносный съезд», на котором нам всем коммунизм был обещан и всего-то через двадцать лет, к 1980 году), – то дитя умиротворенно мурлыкало:

– *«Помаши рукой земле,*

Дядьке лысому в Кремле»...

(это при власти находящемся Хрущеве, известного на весь мир своей лысиной!)

Или еще хлеще того:

– *«Не бродяги, не пропойцы за столом семи морей*

Вы пропойте, вы пропойте славу женщине моей...»

У какой матери не дрогнет в жутких предчувствиях сердце?

Нет, до того мы, конечно, ходили «на природу», пели в подворотнях и на набережной:

– *«Гоп со смыком – это буду я...»*

или:

– «У старушки-бабушки, бабушки-старушки

Шестеро налетчиков отняли честь»

Кстати, и популярный совсем недавно «Сиреневый туман» тогда считался «подворотной» песней, но в исполнении нашего одноклассника Александра Голованова (попросту – Сашки), ныне, говорят, контр-адмирала в отставке, а тогда хулигана и гитариста, производил неизгладимое впечатление на одноклассниц и просто подружек. Но здесь, у вивов, всего за один вечер, мы услышали столько песен! И что это были за песни!..

Всю неделю я ходил под их магическим воздействием.

И вот опять выходной и опять новая порция впечатлений. Душа не смогла такого напора выдержать. И вот тогда-то на свет появилась первая заветная тетрадошка, куда торопливо и по памяти вписывались запавшие в сердце слова. Это был, пожалуй, мой первый конспект по спелеологии.

О репертуарном объеме говорит только то, что, уходя в первый свой многодневный лыжный поход первой категории трудности (тогда были не сложности, а трудности), мы за весь поход не спели ни разу ни одной песни дважды!

...Я, наверное, крепко «достал» тогда Ирину Васильевну, потому что однажды, взяв с меня слово не распространяться о том, где я был, что видел и слышал, отведен был к какой-то ее знакомой, где был представлен «интересующимся песнями человеком» и оставлен наедине с тогдашним чудом звукозаписывающей техники по имени «Дніпро-2». На оном резво крутились два металлических блина, интенсивно перематывавшие с бобышки на бобышку пятьсот метров магнитной ленты (тип-1), с прогрессивной тогда скоростью 38см/сек. Процесс перемотки сопровождался волшебными звуками. И пока женщины на кухне обсуждали свои проблемы, я не отрывался от динамика – неторопливо, голосом чуть уставшего человека, рассказывающего под нехитрый гитарный перебор о простой ежедневной жизни.

Я пропал.

Я погиб!

И, когда хозяйка дома, памятуя о тяге молодежи к запретному плоду, предложила мне послушать записи симфоджаза (явления в то время оч-ч-чень не одобряемого верховной властью, но горячей поклонницей которого, очевидно, была сама хозяйка). Я только отрицательно качнул головой, не в силах прервать текущей магии обычных слов. Придя домой, я по крупицам восстановил слова десятка песен, и как потом оказалось, почти все запомнил правильно. С той поры одним из первых вопросов, задаваемых всем приезжим или вернувшимся из странствий был: «А новые песни привез?».

Магнитофонов в то время было очень мало, и песни передавались в прямом смысле слова «из уст в уста». Конечно, возникали неизбежные при таком способе передачи искажения.

Чаще всего мы не знали настоящих авторов. Авторство иных песен приписывали не тем людям, но это не мешало нам наслаждаться изреченным словом.

Я погрешил бы против истины, если бы не назвал еще два источника песен, появившихся уже после посвящения меня в туристы:

1. Радиостанция «Юность» начала свою работу в эфире, и на ее волне стали исполняться наши песни.

2. А следом (весна 1964 г.) стал выходить звуковой журнал «Кругозор», на шести гибких виниловых пластинках которого размещались двенадцать звуковых страниц. Но самое главное – корреспондентом этого журнала был Юрий Визбор. Его звуковые репортажи мы ждали с особым нетер-

пением.

Помню, на Русскую к Степану Степановичу приходила моя мама, чтобы выяснить, что это за компания такая.

У меня ведь прямая дорога была в военное училище. Офицер...

Но вот связался с ВИВами и все полетело в тар-тарары. Желание путешествовать пересилило разумные доводы.

Упорная

КАРПАТЫ, 14 СЕНТЯБРЯ 1970 г. Темно, только где-то вдали раздаются голоса ребят. Опускают Женьку. Сейчас она подойдет, и начнется то, что называется топосъемкой подземной полости. Теперь это открытая полость, а еще восемь часов назад мы не знали, что нас ждет внизу. Начинался обычный день в нашем лагере на склонах Карпатской горы Вежа. Завтракали, шутили, строили предположения. Кто-то бросил: «Упорная!» Упорная? Да, теперь это уже название, принятое нами. А когда-то были слухи: «Есть новая дырка, колодец метров 15, сверху все сыплется, пробка из камней и глины, бросишь камень – летит метров сорок и гудит». Первое наше знакомство состоялось летом этого года.

Мы стояли перед небольшой дырой. Внизу виднелось дно, и только в углу чернело небольшое отверстие, да слышался стук брошенного камня. Через полчаса мы знали, что до пробки десять метров вертикали и что закрывает она не весь колодец, оказавшийся довольно длинной и узкой щелью, а только самое широкое место его, расположенное под входом. Это дало возможность оценить объем завала в 0,7 кубометра. НИЧТОЖНЫЙ объем из обломков породы, листьев и глины, при нормальных условиях – работы на час. Но когда стены дают тебе место только для того, чтобы повернуться одним боком, когда единственной точкой опоры является пробка, которую надо разобрать, а за воротник комбинезона целит со снайперской точностью струйка воды, бьющая из расселины, — работа не кажется легкой. Понадобилось почти двадцать часов, чтобы убрать преграду и продолжить путь. Да и то последний камень в 25 кг весом мы убрали только вчера, 13 сентября. Дальше? Дальше нас ждала еще одна пробка, да и колодец сужался до ширины ступни. Зато слева, если протиснуться, цепляясь за стены, по щели, метра на два над пробкой, щель переходила в трубу, уходящую вниз, «близок локоть, да не укусишь». Путь к трубе преграждали два скальных ребра, и прошло еще два часа, пока удалось взяться руками за края трубы, но это было уже в понедельник, 14 сентября, в начале последних десяти часов нашего штурма. На этот штурм нас уходило четверо: Всеволод Владимиров, Владимир Кубиний, Женя Черноок и я. Для троих это было первое первопрохождение, в остальном все шло, как учили. Когда удалось добраться до трубы, то оказалось, что протиснуться в нее не дает скальный гребень. Пройдено только три метра, и опять препятствие. Полчаса работы молотком — и путь свободен. Свободен, но только лишь на следующие три метра. Дальше труба сужалась до таких размеров, что пролезть туда могла бы только изящная туфелька Золушки, но не наши бранные тела. Труба отчаяния или труба надежды? Когда, внимательно исследовав поверхность ее, вдруг обнаружили трещину, а за ней еще одну вертикальную трубу, хоть

отделена она была от нас двумя десятками сантиметров породы, – радости нашей не было границ. Еще два часа работы молотком в узком пространстве, остающемся от лица до камня, с неестественно прижатой рукой и зажатыми в расселине ногами, и щель, через которую можно протиснуться, извиваясь всем телом минут 15 (способ передвижения, известный под названием “пресмыкание”), готова. Можно, наконец, встать в полный рост, по-человечески осмотреться. Колодец наклонен, на стенах причудливые головы дивных зверей, выточенные водой из известняка. Вниз уходит щель, которая (опять, и уже в который раз за этот день) сужается, но ровно на столько, сколько нужно, чтобы с трудом пропустить самого хлипкого из нас. Если выдохнуть воздух, а еще лучше – обрубить вот эти гребешки, то получится проход, достаточный и для большего из нас. И самое главное, внизу, метрах в 8, просматривается горизонтальный ход и видно дно. И еще мы наконец-то можем собраться вместе. Пусть тесно, но какой радостью сияют перемазанные глиной лица ребят! Кто-то говорит: «Жень, а ты цветешь». И тут оказывается, что цветом мы все и что мы все хотим дальше, вглубь. Семь метров вниз. Горизонтальный ход метра полтора шириной в обе стороны заканчивается колодцами. Правый – вверх, а левый – вниз. Несколько камней в сторону – и вперед. Довольно круто уходит вниз стена зала. Вверх летит восторженный вопль – и я скатываюсь вниз.

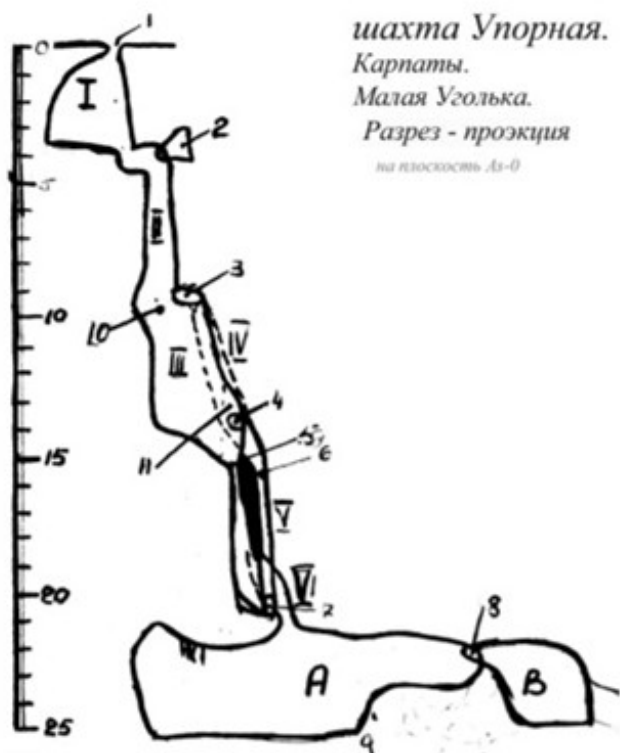
Первое впечатление – ПРОСТОР. Такой простор после узких щелей, после бесконечного мелькания перед глазами стен и трещин, когда начинает казаться, что до любой точки в этом мире можно достать вытянутой рукой, вдруг оказывается возможным стоять во весь рост и даже бегать. На стенах зала множество натеков, сплелись причудливо сталактиты, и все покрыто, как ковром, слоем глины. Сажусь прямо на пол, у струящегося под стеной ручейка и выключаю свет. Темно.

Только где-то вдаль раздаются голоса ребят. Опускают Женьку.

Сейчас она спустится сюда, в мир, еще минуту назад не знавший, что такое свет, и мы начнем снимать топографический план нашей шахты.

Теперь это уже наша шахта. И что из того, что длина ее ходов не достигает ста метров, а глубина всего 25 метров. Мы будем приходить сюда, как к себе в дом, но уже не повторятся эти часы напряженного труда, и, может быть, будет труднее, но это будет во второй, третий, двадцатый раз. Спасибо тебе, Упорная, за подаренную радость первого открытия. Спасибо за твой характер. Мы стали сильнее. Мы преодолели тебя. А в лагере, всего в полусотне метров от входа, горит костер. Его неверный свет освещает силуэты Севки и Жени. Они уже вылезли, и теперь я страхую поднимающегося Володю, все еще пыхтящего под землей. Он близко, но что-то не ладится у него там, а я в предчувствии близкого отдыха, предстоящего ужина начинаю торопить и подтягивать его. А в благодарность из-под земли летят проклятья. Лунная южная ночь вокруг. Огромные стволы буков сказочно расплываются на фоне пятнисто-серых скал. Воздух, кажется, напоен призрачным светом, заплутавшим в листве, зыбко и неверно проливающимся на землю, порождающим тени и призраки. Против воли проникаешься чувством первобытного охотника, наделившего душой все, что видел глаз. Проходит вечность, пока из треугольного входа, наконец, появляется голова в каске. Луч фо-

наря разгоняет роившиеся тени. И на свет божий появляется нечто ужасно грязное, даже отдаленно не напоминающее нашего сердцеда и франта Кубиния. Висят ключья комбинезона, все перемазано глиной, и нет ничего, кроме сверкающих восторгом под козырьком каски глаз: «Сакра, та нэ тягны ты так». На радостях выдергиваю его как пробку. Кажется, пещера даже вздохнула облегченно. Но мы уже сматываем веревку и торопимся к костру, к друзьям. Нас весело встречают, помогают сбросить пудовые вериги измазанных комбинезонов. Жерди, на которые они падают для просушки, только обреченно потрескивают.

*шахта Упорная.
Карпаты.
Малая Уголька.
Разрез - проекция
на плоскость Аз-0*

Магнитом манит пламя костра, но во исполнение наших традиций торопимся вниз, к ручью. Предстоит отдраивать наши физиономии, да и прочие части тела от глины – этой, слегка подсохшей, пещерной коросты. Веками пробивал ручей себе дорогу среди скал. И вот теперь вода предоставила в наше распоряжение множество каменных ванн, в одной из которых мы и совершаем омовение после трудного, но счастливого дня в честь победы над пещерой. Эти ежедневные омовения мы ввели еще летом, когда под собственные вопли бросались в студёные воды ручья, плескались, мылись и, ожесточенно растеревшись полотенцем, гордо шли к лагерю под завистливыми взглядами своих товарищей, зябко кутающихся в штормовки и натягивающих на себя свитера.

Ты же рождаешься на свет заново. Таким образом мы «рождались» по два-три раза на день. Когда, проснувшись, выскакиваешь из теплого спального мешка в зябкую тишину горного утра, такое омовение приводит тебя в боевое состояние, снимает озноб. Вечером же, смыв с себя пыль и пот дневных трудов, ты чувствуешь себя легко и чуть-чуть устало. Вот и сейчас, воздав должное крепко заваренному чаю, мы лежим, тесно прижавшись друг к другу, у костра, и под сонные переборы гитары вполголоса поем. Где-то там, в глубине, где, говорят, скрывается душа, легко клубится и поднимается вверх что-то ослепительно светлое, хорошее. Мир исчезает и остается только благодарность: ручью – за то, что смыл пот и пыль; костру – за свет и тепло; друзьям – за верность и дружбу.

Угольское привидение

Я вообще-то скучный человек. Иного путешественника послушаешь: такие страсти-мордасти с ним происходили, что оторопь берет.

Однако основы восприятия мира, заложенные когда-то старшими ВИВами в наши, тогда еще неокрепшие души, позволяют смотреть на все необычное под ироническим углом, заключенным в короткой фразе: «Чудес не бывает, чудеса люди делают».

Чему в подтверждение история с единственным в моей жизни привидением.

Произошло это в небольшой нашей экспедиции летом 1970 года.

Школа в Малой Уголке

Стояли мы лагерем на берегу Малой Уголки, горной речушки, пересекающей карстовый район на Карпатах. Лагерем было трудно назвать двухэтажное старинное мрачное здание с узкими окнами, высоким деревянным крыльцом, обрамленным мощными контрфорсами.

Сложенное «паном ще за чехив» из неотесанных, позеленевших от древности глыб, взятых первым хозяином с развалин Угрянского женского монастыря (так, по крайней мере, утверждали аборигены).

Несло оно в советские годы мирную службу на ниве народного образования, в урочное время предоставляя крышу маленькой школе-интернату (5-7 классы) для окрестной детворы. Сейчас, среди лета, по договоренности с завхозом интерната, высокие его потолки прикрывали от ненастья нас. Где-то уже посредине нашего мероприятия погода резко поменяла имидж: два дня горы окутывала мелкая водяная пыль, сеющая, по всей видимости, с небес. Определиться точнее было невозможно по причине почти полного отсутствия видимости, обусловленной наличием той самой водной пыли.

Стены нашей обители промокли и сурово глядели закрытыми ставнями на непривычную суету походной жизни, усугубляемую присутствием в наших рядах племянника Севы Владимирова – восьмиклассника Вовки, с фамилией, являвшей полную противоположность характеру, – Голубка.

Вот и в тот раз, пользуясь кратковременным перерывом в полевой работе, устроенном стихией, приволок он из леса здоровенную гнилушку и донимал старших вопросами, выясняя физические основы и химические процессы, вызывающие в простом куске дерева потустороннее зеленое свечение.

Как бывает порой в тесной компании, сидящей в непогоду у камина, разговор с обычных биохимических процессов закономерно переключился на процессы потусторонние. Продолжились эти разговоры и в комнате, отведенной комендантом под спальню, когда мы уже лежали в спальниках.

Перебрали упырей и ведьм...

Прошлись по вурдалакам и чертям...

Слегка коснулись нежити, леших, русалок и берегинь...

Помянули покойников, бандеровцев и басмачей...

Неизвестно, куда бы еще завела столь «богатая» тема, но экспедиционное начальство командным голосом провозгласило: «Отбой». В дальнем углу вдруг вспомнили про неотложные уличные дела и резво прошлепали босыми ногами по направлению одиноко стоящего домика без особых удобств...

Туда...

Обратно...

Щелкнул замок. Волной прокатилось шевеление. «Бегуны» отвоевывали утраченные позиции. Прошелестели смешки. Дрема наполнила наш будуар. Морфей распростер было над нами свои крылья. Как вдруг...

Раздался ЗВУК! Он шел откуда-то изнутри. Именно из-ну-три. Ниоткуда. Его ватная осязаемость и нереальность...

Сознание, начиненное вечерней беседой, мгновенно озарилось догадкой: «Привидение!».

Тишина стала липкой. По коже забегали мурашки.

Из середины нашего лежбища вдруг жутко взвизгнула Татьяна третья (в той нашей команде было три Татьяны, и чтобы не путать их, по старой морской традиции присвоили им порядковые номера):

– Что это там?

В том месте, где положено было быть окну, фосфорически зеленело размытое пятно.

И ЗВУК! Звук ПОВТОРИЛСЯ! На голове зашевелились и встали дыбом волосы.

Я страхнул оцепенение:

– Господи, да гнилушка же это. Сами на подоконник поставили вечером.

Общий вздох облегчения шевельнул даже старую добротную дверь. Волосы в беспорядке вернулись на место.

ЗВУК тем не менее повторился опять. Кто-то нервно хихикнул. Кто-то зажег свечу. Со всех сторон посыпались предположения. Одно занятнее другого. Прихватив ломик, на двор кинулись Севка с Клемой – проверить, не шутки ли это местной молодежи (попугать городских – святое дело).

Никого и ничего. А звук все повторялся и повторялся. В его неотвратимой будничности было на самом деле нечто потустороннее. Говорили шепотом. Девчонки жались к парням.

Неловко повернувшись в своем спальном мешке, я замер.

Звук!

Тот же звук!!

Но... звук был вызван мной!!

Вернее, моей пяткой!

Это требовало немедленной проверки. И я легонько снова бросил свою пятку на пол... Глухо, потусторонне отозвалось старое дерево половиц. Всего-то...

Секундным делом было вычислить и автора этой забавы.

– Голубка! Прекрати брякать ногой по полу!

Так перестало существовать Угольское привидение.

«Цветы» под землей?

История эта приключилась в нашей маленькой самостоятельной экспедиции летом 1970 года в Угольском карстовом районе Закарпатской области Украины. Тот день проходил как обычно, по легко установившемуся экспедиционному порядку хорошо схоженной группы...

Утренний подъем, легкая зарядка с купанием мужественной части экспедиции в Малой Уголке, горной речушке в четыре воробьиных скока шириной, тем не менее, за огромным валуном припрятанной приличную лагуну глубиной «по горло», позволявшую даже свободно проплыть несколько метров.

Завтрак, двухкилометровый переход вверх по течению М.Угольки с переходом на правый берег по стволу огромного бука, рухнувшего поперек протока и существенно облегчающего наш путь к сегодняшней нашей цели: пещерам скалы ВИВ, усеявшим ее, словно дырки в голландском сыре...

Первые из этих пещер (скорее, пещерок – из-за их небольшой протяженности) были обследованы ужгородскими ВИВами еще в 1962 году под руководством Виктора Николаевича Дублянского по

некой программе министерства обороны.

Публика в нашей экспедиции подобралась вся практически из новичков – студентов физфака местного университета, а я (будучи тоже студентом того же факультета) исполнял при них обязанности руководителя, проводника и справочного бюро, как нынче говорят: «Три в одном флаконе».

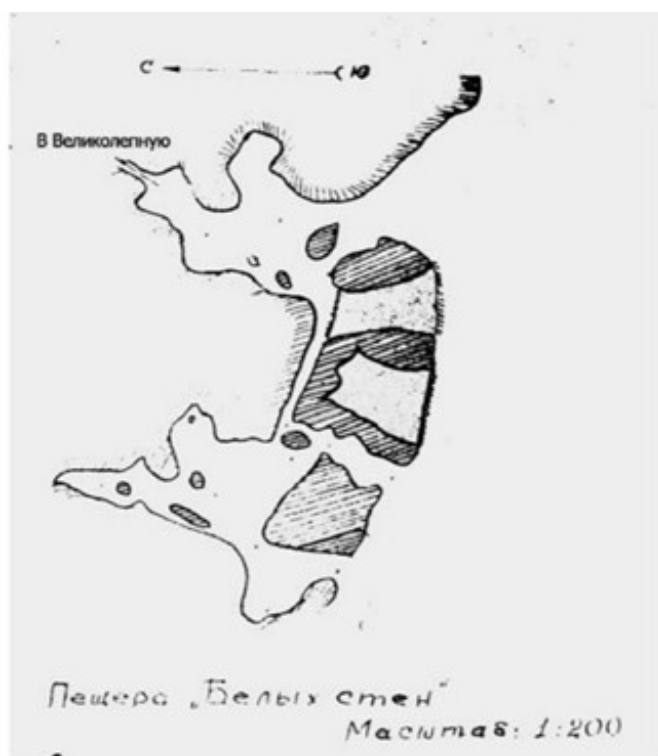
Как всегда, в подобных случаях возникает масса возможностей для незлобивых шуток и розыгрышей. И когда в пещере Белых стен «вдруг» обнаружился ход, ведущий неизвестно куда, то вопрос к «справочнику» звучал вполне тривиально:

– А куда он ведет?

Стандартным был и ответ:

– А ты посмотри, там продолжение.

Я-то знал, что выводит он в соседнюю пещерку Великолепную, со входом с другой стороны скалы, правда, через два «ужасных шкуродера». А если обойти скалу, пока любопытствующие будут продирааться сквозь шкуродеры, и встретить их с другой стороны? Вот будет сюрприз! То-то будет охов!!

А сколько капель амброзии прольется на суровую инструкторскую душу!!!

Задумано – сделано.

Быстренько добрался до входа Великолепной, попросту оббежав скалу, протиснулся по крутой галерее и залег в нишу возле выхода из шкуродера от Белых стен. Ниша как раз подошла по габаритам, да еще натек у ее входа как бы прикрывал. Заметить меня было невозможно, зато я мог легко дотянуться рукой до противоположной стены хода. Надо сказать, что он имеет здесь высоту всего сантиметров 50, а поперечное его сечение напоминает разрезанную пополам колбу.

Устроился.

Свет погасил.

Жду, предвкушая переполох, который произведу своим внезапным появлением.

Вначале только тихий гул голосов доносился. Минут через пять появилась Нина Величко (в обычной студ. жизни еще и КМС по гимнастике), энергично двигая локтями, она напористо рвалась к видневшемуся ей впереди расширению...

Писк удивления, восторженные взгляды – приятная щекотка самолюбию. Перекинулись двумя-тремя фразами. Уяснил, что ползущая следом Евгения Черноок, кажется, застряла, и ей не мешало бы хоть советом помочь.

Отвлекаясь от темы: с Женей мы одновременно поступали в университет и, когда пришла пора искать себя в списках поступивших, она своей фамилии не нашла. Все было просто: кто-то в ректорате УЖДУ (Ужгородский Державный Университет) перевел ее фамилию почему-то как Черноглаз. Хотя по общему правилу фамилии не переводятся, но на Украине уже тогда были свои правила. Сразу после армии я работал на заводе союзного подчинения токарем, за станком напротив трудился

крупный мужчина средних лет с простой украинской фамилией Горобэць (воробей по-украински), так вот табельщица (чистопородная хохлушка, чем очень гордилась) упорно называла его Воробец, мотивируя это именно всесоюзной подчиненностью предприятия. И никакие резоны ее не могли убедить в обратном.

Выбираюсь из своего укрытия и ползу на подмогу. Продвинувшись метра на два, краем глаза замечаю яичную скорлупу. Лежит себе половинка скорлупы от выеденного яйца, вызывающе белея на фоне желтоватых стен.

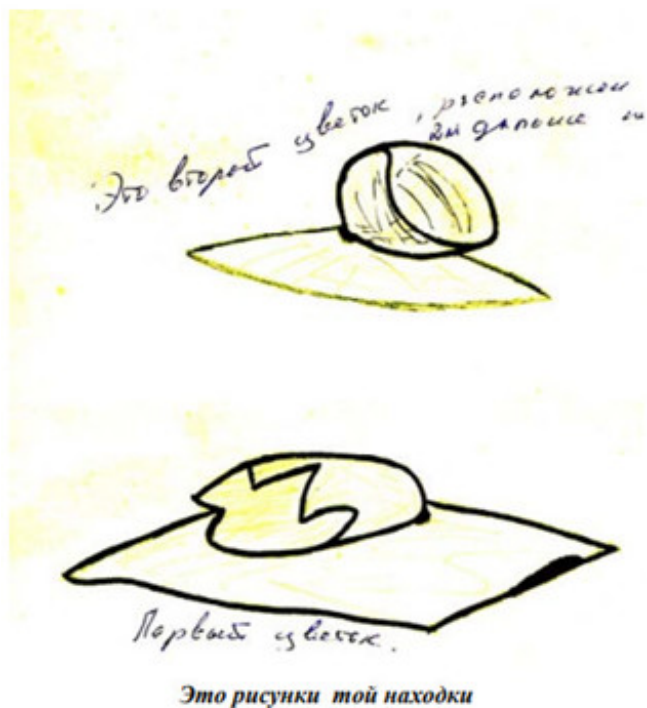
Про себя возмущился: «Как какой-то дурак здесь яйца ел? И не прибрал за собой!» Только вижу: не скорлупа это вовсе. Лежит оторванный бутон белого тюльпана. Если бы встретил на лесной тропе саламандру, что в изобилии водятся в этих местах, попросившую закурить – изумился бы меньше.

Ясно осознаю, что событие сродни чуду, но в чудеса не верю. Знаю, что чудеса люди делают.

Лихорадочно пытаюсь сообразить: «Кто мог подстроить такую шутку?» Нинка только что проутюжила это место. Женька еще только корячится – вон как пыхтит. Боковых ходов нет. Кто же? И где только его откопали?

Пока все эти мысли толклись под каской, обратил внимание, что тюльпан-то – восково-белый. Вроде как из воска слеплен. Подлез вплотную: в самом деле, цветок, но не тюльпан.

Без лепестков. Вся чашечка – единое целое, как фарфоровая, но живая. Там, где должен быть стебель – крохотный бугорок касается камня, и бледно-молочное пятно на нем, причем видно, что все это единое целое и принадлежит ПЕЩЕРЕ.

И тут пьянящая радость охватывает меня: «Вот это да! Вот это находка! А вдруг нечто неизвестное науке. Ведь ничего подобного в литературе не встречал!»

Окликаю Нину:

– Нин! Ты тут ничего интересного не видела?

– Нет. А что?

Без сил ложусь на пол. Это надо же? Ведь только по счастливой случайности не втоптала в глину, не уничтожила его. Но какова девица? Пропустить такое? Где глаза-то были?

– Ты куда так неслась? Ты посмотри, что пропустила!

– А ну, покажь.

Я продвигаюсь вперед, освобождая место, и тут вижу... еще один цветок.

Дальнейшее помню смутно. Кажется, я изображал квочку, прикрывающую цыплят от беды, что-то кричал. Вскоре сюда набилась вся группа. Все хотели посмотреть, все хотели потрогать. По лицам ребят блуждали счастливые улыбки. Такими я их никогда не видел.

Местный парнишка лет четырнадцати, что на протяжении всей экспедиции крутился возле нас и которого мы пытались расспрашивать о нашей находке, похоже сходу придумал легенду про коварных шпионов, якобы посадивших их на могиле погибшего в перестрелке с пограничниками собрате.

Мы сфотографировали (при налобниках – вспышки не было) это чудо, сделали рисунки. Потом заспиртовали, что в корне было не верно: от тряски при переноске-перевозке они разрушились. Растения надо сушить – это нам потом биологи объяснили. Увы, мы все были с физфака.

По правде говоря, спирта у нас по этическим соображениям не было, пришлось довольствоваться водкой, чекушку которой купили в сельмаге в преддверии переговоров с лесником и которую в переговорном процессе сэкономили. Но это отдельная история, и о ней как-нибудь в другой раз.

Письмо с описанием происшедшего с фотографиями и рисунками направили в редакцию журнала «Наука и жизнь». В ноябре пришел ответ за подписью Гарибовой.

Его можно прочитать во втором номере журнала за 1971 год.

Да, этого в пещерах не видел никто. Но это не цветок. Скорее всего, гриб. Только споры гриба способны развиваться в темноте, образуя причудливые творения.

Вот так. Грустно немного.

Я вспоминаю лица друзей, вспоминаю пережитое потрясение, опять, в который раз из кладовки появляется ворох всякого «барахла» и опять тянет куда-то.

Ведь, право же, стоит тянуть ляжку своего потертого рюкзака, чтобы испытать это чувство еще раз.

Июль 1971 г.

P.S. Почти полвека спустя в отчете о той экспедиции история эта озаглавлена так: «Цветы шпионов, или удача оборванцев в касках».

P.S.2 Странно, но и сейчас, спустя почти полвека, начинает щемить то чувство непознанного.

Это все что сохранилось из фото с той поры в подтверждение нашей находки. Это второй "цветок."

Пермь

Осенью 1970 г. Сергей Сергеевич женился на пермячке и переехал в Пермь. Практически сразу он находит себе друзей-спелеологов и начинает заниматься любимым делом на новом месте и с новыми людьми. В 1971 году он становится членом Пермской городской секции спелеологии (ПГС), участвует в высших инструкторских сборах (ВИС) под руководством Полуэктова и получает звание инструктора спелеотуризма. В этом же году он участвует в экспедиции на Алек в шахту Назаровская (-500 м, Хребет Алек).

Сергей Сергеевич организует спелеологическую секцию «ВиВ» при туристском клубе «Компас», перенеся в нее ценности и тепло ужгородской секции.

В 1975 участвовал в экспедиции в шахту Заблудших (-470м, Хребет Алек).

В 1976 было совершено знаменитое первопрохождение шахты Киевская (-990 м, плато Кырк-Тау) – тот самый первый километр, рекорд мира по глубине.

В 1978 новое первопрохождение – шахта Каскадная (-410 м, Крым), в этом же году Евдокимова награждают знаком Центрального совета по туризму и экскурсиям ВЦСП (ЦСТиЭ) «За развитие туризма и экскурсий».

В 1979 Сергей Сергеевич получает звание инструктора подводного спорта. Примерно с этого времени начинается развитие спелеодайвинга в Перми и многочисленные исследования обводненных пещер Пермского края. Им были исследованы пещеры в районе реки Чусовой и ее притоков, в том числе:

- 1978 – грифон Поньшский;
- 1979 – воклюз Гремящий;
- 1980 – первопрохождение воклюза Голубое озеро (320/-56).

В 1981 Сергей Сергеевич организует и становится начальником общественного контрольно-спасательного спелеологического отряда (КССО) при Пермской областной спасательной службе.

В 1982 становится председателем правления туристского клуба «Компас» (г. Пермь). И продолжает им оставаться вплоть до 1989.

Только в 1984 получает звание старшего инструктора спелеотуризма.

В конце 80-х участвует в создании АСУ и с 1988 по 1993 становится членом Исполкома АСУ от Пермской области, а также координатором Комиссии АСУ по безопасности.

Удивительный человек Сергей Сергеич!

Кряжистый, поперек себя шире. Хотя и не крымчак, а к Панте прикипел, в пещерах спал, комбезом укрывался.

Образование даже на «Электронике БЗ-18А» два числа перемножить может.

Одно слово – спелеолог. Еще со службы в СА умных разговоров не переваривал. Когда затевался спор о любви там, или о стадиях развития пещер на Урале, молча поворачивался и уходил в мастерскую. Брал пару аппаратов и в комнату к спорщикам... Шутил. Кровь молодая, горячая.

Молчун. Безответный, слова не вытянешь. Но смеяться любил, смачно, заразительно, без при-

чины. И пил. Жену свою видел два раза. Любил крепко. А интеллигентной пижонинки и гегемонов там разных не терпел. Слов на ветер не бросал. Да и знал их немного: от силы тридцать пять - сорок, в том числе «на пле-чо!» /По команде на плечо ставилась рюмка, а затем выпивалась./

Зато работник был замечательный, золотая голова, дуралево сердце, медные волосы, титановые кулаки. Однажды на него напал пещерный медведь. На крик медведя сбежались спелеологи из соседних карстовых районов. Прибежали, видят - мокрое место, а Сергеич сидит и плачет - добрая душа! Как-то доверил слушателю ШПП трещину в скале взрывом расширить. За динамитом в Симферополь МИ-шестой восемнадцать рейсов сделал. А сам на ту скалу лег спать, умаялся в пещере, забыл... Под Хостой дело было. Очнулся на Поньше. Ну раз такое дело, в Пермь заехал. Не понравилось. Квартиры отдельные, спать на кровати, сидеть на диване, если что - санузел. Махнул рукой и махнул назад. А слушателю тому только и сказал, усмехнувшись:

– Булинь твою в грифон, с-с-су-удорога!

Сколько шахт покорил на Кавказе, сколько членов ЦМКК обложил по Москве-матушке, о том одни крымчаки знают. Знают, но молчат.

Зело борзой, однако! Своей смертью не помрет!

Материал взят из сборника отчетов Пермских ВИВов

Тросовые лестницы

На ПМЖ в Пермь я перебрался осенью 1970 года и по протекции тещи устроился на работу электромонтажником в Элетротехническую лабораторию (ЭТЛ) завода им. Калинина (начальник – Изоргин Игорь Викторович). Рабочим местом мне определили монтажный стол во втором ряду, в непосредственной близости от стола начальника. Время было предпраздничное (5 ноября), и первый рабочий день пролетел незаметно. После праздников начались будни, вот только соседний стол слева стоял пустым. На вопрос: «Что так?» – мне сказали: «Да спелеолог тут у нас, в Дивью пещеру уехал». Вот так! Стало быть, судьба в чистом виде. Дня через два появился мой сосед. Невысокого роста, худощавый мужичок, сразу понравившийся простотой и доброжелательностью. Весь день он периодически куда-то исчезал и появлялся вновь, что-то горячо обсуждая с начальником. Уже перед самым звонком с работы он резко тормознулся у моего стола:

– Ты спелеолог? – спросил.

– Да, – скромно ответил я.

– Лестницы как делать, знаешь?

– Знаю, – не вдаваясь в подробности, – все так же коротко ответил я.

– Хорошо, – кивнул он головой. – Завтра поговорим, – добавил он, буквально, исчезая у какой-то двери.

На завтра с утра меня определили в помощники к Кошкину Валере (это был он) заканчивать монтаж щита управления какого-то испытательного стенда. Поскольку щит лежал у него на столе, то на время монтажа я переселился сюда со своим инструментом. Этой невинной хитростью (работа есть работа) Валера обеспечил нам возможность говорить без помех на любые темы в течение дня.

Дня два Валера дотошнейшим образом выпрашивал все, что мне было известно о предмете. Потом из очередной своей отлучки (кроме монтажа щита, он еще занимался наладкой программируемых гальванических линий), он пришел с пучком длинных (метра по три) тонких алюминиевых трубок и объявил, что это будущие ступеньки. Серьезно это заявление я не мог воспринять. Весь мой предыдущий опыт протестовал против этих (всего 10 мм в диаметре, правда, с толщиной стенок 2 мм) «палочек».

1973 г.

*На фото – Кошкин Валерий Борисович
(АСУ, журнал 25, стр 58)*

Так появился пробойник для высечки пробочек и кондуктор, с помощью которого пробочки устанавливались на нужную глубину.

Поскольку, помимо всего прочего, мы еще вели и монтаж щита, то дело это продолжалось неторопливо на протяжении почти полутора месяцев. Последней деталью в этой заготовительной компании стало изготовление шаблона для установки ступенек. Представлял он из себя простую полоску дюрала толщиной 3 мм и длиной 35 см. К этому времени ступеньки были нарезаны в размер. В них были засверлены отверстия под трос (3 мм, паспортная прочность на разрыв 900 кг), сняты все

Но Валера таки убедил меня (на его стороне был богатый производственный опыт – не то что мои три года армии да год работы токарем) в своей правоте и определил мне задачу: как только выдается свободное время, нарезать на токарном станке в размер трубку, снимая наружные и внутренние фаски.

Размер определили тут же, замерив ширину моего ботинка 43 размера. Сам он в это время занялся изготовлением кондуктора для сверления ступенек (поз. 1 на рисунке) и еще совсем уж непонятным делом: стал полировать мелкие (20 мм) гвоздики:

– Для расклинивания троса в ступеньке, – коротко пояснил он.

– Зачем полировать? – глупо спросил я.

– Чтобы пряди троса не повредить, – скупое бросил он.

Вот в этом скурпулезном внимании к мелочам весь Валера Кошкин.

возможные заусенки, и – финал подготовительной операции – на положенную глубину забиты пробочки. Оставалось только разжиться эпоксидной смолой и, договорившись с начальником лаборатории, остаться на пару часов после работы для монтажа нашего сооружения. Да, один нюанс: перед сборкой трос свободно вывешивался в лестничном пролете с третьего до первого этажа. Целью этой нехитрой операции было снять напряжения в тросе, которые неизбежно возникают в сбухтованном состоянии и могут привести к перекосам ступенек в висящем изделии. Пустячок, а приятно.

14 сентября 1970 г.

Так случилось, что 14 сентября 1970 года туристами пермского городского клуба туристов «Компас» у пещер Октябрьских были проведены некие соревнования на туристской полосе (куда входили и пещеры), результатом которых стало выраженное участниками желание заниматься спелеологией серьезно.

14 же сентября 1970 года группа начинающих спелеологов закончила первопрохождение небольшой карпатской карстовой вертикальной пещеры (-25; 76), назвала ее «Упорной» и сочла это событие достаточным основанием для того, чтобы заявить о рождении небольшой общности людей, изучающих пещеры. Имя себе выбрали простое – ВИВ, что расшифровывалось просто: «Вперед И Вглубь».

В начале ноября того же года судьба свела апологетов обеих групп Кошкина Валерия Борисовича и Евдокимова Сергея Сергеевича за соседними монтажными столами в Электротехнической лаборатории завода им. Калинина, куда последний устроился на работу.

Результатом этого стало практическое объединение двух групп под одной крышей (т/к Компас) и именем (ВИВ), на многие годы вперед определивших направление развития спортивной спелеологии в области и крае.

Дату рождения выбрать не пришлось, сразу было понятно, что ею может быть только 14 сентября 1970 г.

Рассказ С.С.Евдокимова о том, что происходило в этот день на Карпатах, читайте в главе «Упорная».

Переправа. Ноябрь 1971 г.

Два дня шел снег. Он ложился на окружающие горы, на деревья, еще не полностью сбросившие свою листву, укрывал белоснежным ковром долины, и только горные потоки черными строчками перечеркивали его первозданность.

Завхоз школы-интерната, в хозблоке которой мы обрели временное пристанище на время посещения местных спелеодостопримечательностей, озабоченно качал головой: «То нэ добрэ. То повинь буде». Повинь – наводнение, а они в Закарпатье бывают чаще, чем в других краях.

Мы еще видели следы прошлогоднего июньского потопа, вызванного недельным ливнем высоко в горах. Пастухи с полонины говорили: «То хмара за Говерлу зачэпылась, та прольялася». (Говерла — высшая точка Советских Карпат, 2061 м над уровнем моря.)

Однако мы легкомысленно думали, что к нам-то это не имеет никакого отношения. Нас трое: ужгородец Володя Кубиний (в обиходе просто «Куба»), пермяк Валерий Борисович Кошкин, и я, чуть больше года сменивший по семейным обстоятельствам ПМЖ (Ужгород на Пермь).

Проснулись мы, как и предвещал завхоз, под глухой шум ручья и звон капли. Ночью потеплело, намокший снег осел и посерел. По склонам сочились ручейки. А чистая вода потока вздулась порывевшим пузырем и, тяжело ворочая камни, пенилась на каскадах.

Под сочувствующими взглядами поварахи и шумной ватаги интернатских ребятишек мы собирали рюкзаки. Ничего не поделаешь, хоть и мерзкая погода, но отпуск подходит к концу, а в кармане уже лежат билеты на завтрашний поезд, до которого еще полторы сотни километров автомобильной дороги да два невысоких перевала к конечной остановке автобуса, должного доставить нас на железнодорожный вокзал.

Под ногами чавкает снег, раскисший склон норовит сбросить нас вниз, а мы упрямо карабкаемся в гору. Гребень последнего перевала рядом, и мы торопимся выбраться на него, чтобы оценить ситуацию, в которую, кажется, попали по милости погоды. Десять минут назад встретился нам почтальон, который, узнав, куда мы держим путь, тяжело вздохнув, доложил, что дороги нет, а по долине идет вода, и лучше сидеть дома и потчевать гостей сливовицей.

Идем вперед. Уже рядом три сосны, одиноко стоящие на самом перевале. Жестокие ветры обломали все ветки на их удивительно ровных стволах, и только на вершинах раздувается парусом несколько развесистых лап. Ни дать, ни взять – пальмы.

На самом хребте задерживаемся на несколько мгновений, чтобы обозреть панораму. Увиденное, откровенно говоря, радует мало. Вся неширокая долина реки (метров 150) залита водой, сквозь которую щетинятся вершинки прибрежного лозняка. Только у противоположного берега видна полоска чистой воды, очевидно, отмечающая меженное русло.

Над ней же гордо высится инженерное сооружение, в обычных условиях играющее достойную роль подвесного моста, соединяющего два берега потока. Сейчас он соединяет в одно целое два островка: побольше и поменьше. Который поменьше, стоит вообще впритык к невысокому берегу, на котором ограда огорода с приветливой калиткой, ладный домик под черепицей и веселый дым над трубой.

Комментировать просто нечего.

Определенность, возможно, появится, когда спустимся в долину.

Молча бредем по склону. Дорога приводит к зарослям, сквозь которые несется вся эта напасть в

виде разлившейся воды.

Еще наверху, у почтальона, Валера осторожно навел справки насчет моста. Один в 13 км выше нас, другой в 8 ниже. Автобус через два часа, последний. Задача!..

Однако вблизи картина не столь ужасна, как виделось с хребта. Да вода, вроде, не так уж и глубока. Решение напрашивается единственное.

Где-то под ложечкой тянет холодком...

Первый шаг – как в прорубь. Второй – вода выше колена, внутри пустота, кажется, летишь в пропасть. Рюкзак закидываю повыше на плечи (не промок бы). Третий шаг – вода почти по пояс, в ноги впиваются тысячи игл. Про себя решаю что, если дальше будет хоть чуточку глубже, то возвращаюсь на берег. Но нога нащупывает подъем, и дальше бежим по воде, не поднимающейся выше колена.

Вот и мост. Не сдерживаемый кустарником ветер ревет, как в трубе, раскачивая это не очень основательное сооружение. Мокрые брюки мгновенно становятся колом, звенят и ломаются на каждом шагу. Обледеневший мост и ледяные ботинки, – кажется, я начинаю понимать, что чувствует корова на льду.

Чудом проскальзываю по настилу и съезжаю на правый берег, вернее, на то, что осталось от него. Еще два десятка метров через второй рукав – и я у цели. Оглядываюсь: через мост, выделявая танцевальные па, летит замешкавшийся в начале Кошкин. Куба уже гремит ботинками на крыльце первой же хаты.

Что бы сказали вы, если бы к обеду вдруг отворилась дверь и с грохотом влетели три здоровенных рюкзака на заросших щетиной мужиках, под которыми мгновенно набегают озера воды?

А в горнице пьянящее тепло печки, наваристый дух борща, изумленные хозяйева за столом.

Через минуту уже шла оживленная беседа, выяснялись последние политические новости за рубежом, уточнялись цены на фрукты «у вас и у нас». А еще через полчаса, обласканные, сухие и сытые, мы сонно брели к автобусной остановке, тщательно обходя все встречные лужи, жуя яблоки, невесть как оказавшиеся в карманах наших штормовок.

Где-то бесконечно далеко, ревел ветер, пенилась Теребля. Где-то там, в далеком прошлом, оставалась и наша переправа.

Баня

История с баней тянется издавна. Знают ее многие, но даже знающие кандидаты в спелеологи в решительный момент начинают сомневаться (чем черт не шутит, а вдруг все так и происходит, у этих все может быть), в результате чего безупречно четко клюют на наживку. Начало ее можно вполне отнести ко временам доисторическим, когда многих из попадающихся ныне на эту удочку не было даже в проекте.

Секционные «саксаулы» начинают ее обычно так.

Проводили как-то раз мы в Карпатах экспедицию с московскими своими коллегами, руководимыми Володей Борзовым, и было в их команде некое хрупкое, воздушно-нежное создание, не видевшее досель в своей столичной жизни ничего, кроме шикарной московской квартиры с отдельным санузлом и высоких сводов консерватории. Синие дали гор, безбрежные купола небес, светлый буковый лес приводили ее в неумный восторг, доставляя немало веселых минут грубому спелеонаселению нашей экспедиции. Да и была она единственной представительницей прекрасной половины челове-

чества. Когда пришла пора возвращаться домой, обнаружили мы в небольшом городке, лежащем по пути нашего отступления «Городскую баню». Тут же спонтанно возникла коротенькая дискуссия, завершившаяся кратким общим резюме, мол, если идти в баню, то только в общую. В отдельных номерах удовольствие не то. Робкий дрожащий голосок внезапно прервал начавшуюся хвалу общей бане: «А как это...? В общую?».

За две недели, проведенные в совместных шатаниях по горам, учишься понимать друг друга с намека, с полуслова, не то что с целой, неосторожно оброненной, фразы. Поэтому судьба хозяйки голоса была решена еще до того, как прозвучала буква «Ю».

В доходчивом стиле были даны пояснения, гласившие, что здесь, на «диком западе» явление это повсеместное, в шок никого не повергающее, традиция такая. А поскольку в чужой монастырь со своим уставом соваться не принято, то соответственно нам привередничать не приходится – и мы как все. Кому-то это даже нравится. Спинку там потереть и вообще... Что до разных дверей в раздевалки, так это просто с эстетической точки... Мало ли у кого исподнее какое, может не совсем свежее.

Уходя в раздевалку, своей спутнице назначили встречу «у третьего крана» – фраза, ставшая сакральной на все оставшиеся времена. А когда вернулись, намывшись властью, то застали немытое столичное создание, скучно сидящее на лавочке в палисаднике. Серьезно пожурив за излишнюю щепетильность да пожалев немытую деву, разъехались по домам, изредка вспоминая этот случай как курьез, байку.

* * *

Долго ли, коротко ли, но в марте 1979 года расположились мы лагерем первого года обучения в клубе юных техников в поселке Кизеловской шахты Северная, среди полномасштабных и, надо заметить, действующих самолетов, глассеров, аэросаней и прочих чудес местных умельцев (а посмотреть там было на что). И вот, по случаю международного женского дня, решено было организовать, помимо традиционного пиршества еще и помывку в бане шахты Северная.

Кто-то из новичков спросил: «А баня какая?». Кто-то ответил: «Общая».

В суматохе утреннего развода фраза затерялась. Отделения разъехались по своим объектам. Вечером же, перед планируемой общей «помойкой», возникает в рядах прекрасной половины некое напряжение, нечто вроде зреющего бунта. Однако дежурный инструктор на грозные признаки – ноль эмоций, громкогласно предлагает собираться всем у выхода, откуда Володя Сидоров всех уведет в баню. Зримое сопротивление воле дежурного повергает меня в изумление. Недоуменно подхожу к слегка напуганной стайке девчонок и получаю в лоб вопрос: «А разве и вы с нами?» Еще «не врубаюсь» в ситуацию и совершенно искренне отвечаю: «Конечно». На что раскрасневшаяся Роза робко, но весьма решительно, протестует: «Н-е-ет».

Быстренько начинаю прозревать, а тут еще ловлю лукавый взгляд нашего инструктора Люды Спириной. До меня, что называется, доходит. «Ну, если вас Володя не устраивает, то могу и я сходить», – роняю равнодушно, полностью проникшись ситуацией. А из угла несется дружное: «Ну вот еще!»

В другом углу уже в открытую хохочут инструктора, Люда рассказывает: оказывается, утренняя фраза заронила червячок сомнения в неокрепшие души наших слушательниц и они всю дорогу расспрашивали: «Как? Что? Неужели? В самом деле?» «Ну, я их уверила, что все так и есть. Особенно приятно, когда мужик тебе спинку потрет».

А в баню наши курсанты все-таки сходили. И был потом прекрасный вечер с пиршеством и задушевными песнями.

* * *

Нет, не переводятся на земле доверчивые люди, попадающие под обаяние инструкторского опыта. Стоило сказать на построении, что в полевой бане, сооруженной по прихоти инструкторского совета, помывка будет осуществляться строго по отделениям, как прекрасная половина рода человеческого дружно отказалась от такого гигиенического мероприятия, предпочитая сладострастно почесывать невымытое тело. Странное неприятие традиционного гигиенического мероприятия (увы нам) не насторожило многоопытных инструкторов, списавших «любовь к грязи» на неважные климатические условия (было таки заметно холодно). Еще больше удивила инструкторов пламенная любовь к гигиене, внезапно проснувшаяся у драгоценных подруг по окончании помывки мужской части лагеря. Причина была все та же. Но выяснилось это только через несколько лет. Когда одна из бывших слушательниц смущенно призналась, что неясный слух про «Общую баню» витал над личным составом лагеря, рождая смутные опасения и трепет в душах и этой новой поросли спелеологов: «Мы, конечно, догадывались, что какой-то подвох тут кроется, но чтобы вот так, при всех, идти с мужиками в баню?»

Чусовая-79. Записки начальника экспедиции

Цель

Неспокойный дух непознанного, дух Гриновской Фрези Грант, бродит по земле. И, повинувшись его шемящему призыву, бродят по земле люди. По-разному бродят. Кто, с удобством облокотившись в автобусном кресле, уверенно вертит головой, так сказать, в плановом порядке, по команде экскурсовода; кто, взвалив огромный рюкзак, в порядке самодеятельном, пробирается сквозь уральскую тайгу или кольскую тундру. Автор далек от мысли противопоставлять друг другу эти две струи мощного туристического потока, захлестывающего старушку-землю. Ему просто ближе и дороже тот ручеек самодеятельной струи, что зовется спелеология, в котором почти десять лет назад забил и наш скромный ключик под названием ВИВ (Вперед и Вглубь).

Как бывает со всеми начинающими, мы довольно быстро обследовали все известные окрестные дыры и, верные одному из своих принципов: делать все «фирмово», нанесли их на бумагу. Жажда деятельности уводила нас и в чужие края – на Кавказ, в Крым и Подолию. Года через четыре мы стали ощущать в своем крае легкий вакуум в области приложения сил. Ездить за границы области было далеко и накладно. Не зря одна из прописных секционных истин гласит: «Жених говорит о сердце, муж о печени, а спелеолог о том, где взять денег для следующей экспедиции». В обозримом будущем выдвинулась необходимость переквалифицироваться в подводники или управдомы. Мы уже имели крышу над головой и неплохое положение в городском клубе туристов «Компас», когда вдруг судьба постучалась к нам в двери несколько неожиданным образом.

Однажды, поздним осенним вечером, дома у меня раздался звонок, и в дверном проеме, косолапо переминаясь с ноги на ногу, возникла невысокая коренастая фигура в ватнике, невообразимом треухе и валенках 56 размера. Из распахнутого ворота, в обрамлении голубой «Дружбы» китайского

производства торчала медно-красная шея, увенчанная лобастой широкоскулой русоволосой головой. Такие личности обычно заходят спросить стакан для выпивки.

Фигура пожелала видеть меня и вежливо представилась: «Сыропятов Владимир, лысьвенский спелеолог». Пригласив гостя пройти в квартиру, я, конечно, не предполагал, какие последствия будет иметь для нас этот визит.

Для начала мой новый знакомый потребовал, чтобы я выложил все, что знаю о золоте и алмазах, и, убедившись в скудности моих знаний, с гордостью заявил, что найдет не только коренное месторождение золота, но и кимберлитовую трубку с уральскими алмазами в придачу. На мои слабые возражения, что дело это, очевидно, непростое, было заявлено безапелляционно: «Плохо искали».

Затем разговор перешел в более понятную мне сферу пещерных исследований. С меня требовались люди, деньги, аппаратура, а взамен обещано было 100 никому неизведанных пещер Лысьвенского района, в том числе и крупнейшие в мире!

Прошло немало времени, пока мой визитер не уяснил себе, что организация мы не государственная, а самодеятельная, и все, чем богаты, сделано исключительно своими руками. Но что мы работаем на заводах, в это он, кажется, не верит до сих пор.

С той поры пошли в секцию странные письма без конца и без начала, были они как продолжение какого-то неведомого нам спора. Порой желчные, порой курьезные, иногда оскорбительные, но неизменно фанатичные. Секционные остряки окрестили их «Дад-зы-бао Энтузиаста».

Нас звали в эти края, манили небывалыми открытиями, сулили множество чудес, клеймили позором нашу лень и бездеятельность, презирали за неповоротливость.

И летом 75 года мы вдруг сорвались, бросив все дела, и провели небольшую экспедицию на Чусовской приток – Поньш. Исследовав пять пещер, поняли: наскоком этот район не взять. Нужна солидная подготовка, нужно специальное снаряжение, нужны люди, нужно осваивать подводную технику (шутка ли, реки под землей по 8 километров текут). Поэтому года три не предпринимали никаких попыток продолжать работы в том районе, копили силы, опыт, умение работы в других районах, много плавали. А в прошлом году выбрались сюда на неделю, чтобы осмотреться. И вдруг осознали, что проведем в этом суровом и прекрасном краю диких скал, глухой тайги и ледяных исчезающих рек все ближайшие годы.

Так появилась цель. А коль скоро она появилась, то началась невидимая окружающим работа по подготовке экспедиции, «призванной (как писал наш Энтузиаст) двинуть с места дело исследований пещер Лысьвенского района». В отчетах это обычно называется подготовительным периодом. Мне же это порой напоминает арктический айсберг, где, во-первых, сама экспедиция – это видимая вся надводная часть, покоящаяся на 8 из 8/9 подводных невидимых глазу дел и событий, ей предшествующих. А во-вторых, плывет себе эта гора, невзирая на дующие ветры наших личных мнений и притязаний, повинуюсь незаметным, но мощным течениям нашей общей воли. Впрочем, у каждой самодеятельной экспедиции лежит на пути три подводных камня, способных если не остановить, то задержать надолго движение вперед. Это кадры, снаряжение и время. Обойти их должна команда, которую называют «Штаб экспедиции».

– Штаб?

– О!!! Это да!

А что такое штаб? Это и заказчик, и подрядчик, конструкторское бюро и отдел снабжения, производственный отдел и трест столовых, бухгалтерия и плановый отдел с микро ИВП, это, наконец,

отдел кадров со своим учебно-производственным комбинатом, именуемым у нас скромно «Школа спелеологов». И при всем том – демократический централизм, где одернут любой твой правый или левый «-изм».

Первое, что делает штаб, как всякий порядочный кабинет: распределяет портфели. И в отличие от некоторых западных правительств, царит здесь взаимная вежливость: «Что вы, что мы, только после вас!» Каждый знает, что так называемый портфель с целым сводом полномочий – всего-навсего обычный хомут в общей штабной упряжке, на котором в данный момент начертано «Даешь Чусовую!»

Штаб – это косяк будущей экспедиции. Глядя на его работу, я всегда с легкой завистью вспоминаю Арсеньевские строчки, относящиеся к подготовке его экспедиций: «Мне представлено было право выбора стрелков из всех частей округа... Благодаря этому в экспедицию попали лучшие люди».

И дальше: «Наилучшее снаряжение состояло из следующих инструментов» (следует полное перечисление). Нам бы эту легкость. Ни один пункт проката не смог бы предоставить нам и четвертую часть всего необходимого. Приходится рассчитывать целиком на себя, своих друзей и знакомых.

А, кроме всего, все мы работаем, и начальство наше весьма критически относится к нашим увлечениям. И это, несмотря на признание их значимости и пользы. Твердо установлено, что каждый спелеолог переживает в своих отношениях с администрацией три этапа.

Первый – ты приходишь с письмом-освобождением в первый раз. На тебя смотрят с одобрением, тебе улыбаются: «Молодец, чем бестолку шататься, займись полезным делом». Письмо после некоторого колебания подписывают. Но с каждым годом бледнеют улыбки и, когда очередную твою просьбу встретят кислой миной – это значит, наступил второй этап в ваших отношениях. «Чудак, пора угомониться, семья, дети. Сиди дома. Сколько можно шататься бог знает где. Добро бы деньги за это платили», – выговаривают тебе в порыве откровения. Самые решительные заявляют прямо: «Лучше два пьяницы, чем один спортсмен». Писем не подписывают, освобождений не дают. Приходится идти на самые невероятные ухищрения, вплоть до увольнения, и так не один год. Постепенно администрация свыкается с мыслью, что у тебя точно не все дома: «Старый дурак (это в тридцать лет-то?). Все равно уедет» Для производства вы человек потерянный, в выходной вас выйти не заставишь, сверхурочные лишние раз – тоже ни-ни, сидят в своем клубе и что-то делают. Письма уже подписывают равнодушно: «Пусть себе, все равно не перевоспитать». Это значит, что наступил третий этап. Чтобы плыть по Чусовой, нужно какое-то средство передвижения. Это ясно даже первокласснику. Учитывая множество факторов (литература по сплаву богатая), остановился наш штаб на камерных плотках. Вкратце, это решетка из подручного дерева, к которой привязываются автомобильные камеры, на каждого члена экспедиции минимум две камеры, да не какие-нибудь легковесные – легковые, а от машин работающих – грузовых. Итого на двадцать человек 40 штук + 5-6 запасных. Весь вопрос в том, где их взять. Купить? Н-н-н-нет! Этак можно остаться без штанов. В очередной понедельник объявляется просьба опросить на сей предмет всех своих родственников и знакомых. Потом знакомых наших знакомых.

Круги расходятся, возвращаясь разномастными камерами. С каждой из них можно рассказать легенду. Но камеры все б/у (попросту списанные) и посему подлежат капитальному ремонту. И вот день за днем, неделя за неделей идет их ремонт. Ищутся дырки, зачищаются, вулканизируются, надуваются вновь, опять ищутся дыры, и, если их нет, накачаные откладываются в угол на длительное испытание. Потом еще одна контрольная операция и свернутая камера с заглушкой упакована.

вываается в мешок.

А ведь кроме камер у нас акваланги, гидрокостюмы, радиостанции и еще добрая сотня наименований разного снаряжения. Все надо проверить, при необходимости отремонтировать, упаковать. За несколько дней до отправления начинаешь наткаться в разных углах на задумчивого завснара. Лихорадочным блеском скупого рыцаря блестят его глаза, в очередной раз пересчитывающего несметные свои богатства. Его можно понять: забудь он что-нибудь, и может сорваться целый раздел задуманных исследований. Сейчас, по-моему, его гордость – транспортный баллон со сжатым воздухом, который должен заменить нам компрессор и обеспечить требуемое количество погружений. Вес у него, конечно, для двоих жлобистого вида мужиков, зато математически доказано, что:

- а) не нужен человек, следящий за такой капризной штукой, как компрессор с фильтром;
- б) вес компрессора, фильтров, горючего – на один килограмм меньше веса плотностью заряженного баллона.

В углу шелестит банкнотами казначей, мучительно решая нелегкую задачу: где достать непромокаемый кошелек.

Остальные шьют, режут, пилят. Изредка является рейдовая бригада под руководством завхоза, совершающая налеты на продуктовые магазины. Растет гора продуктов, трещат наши домашние холодильники. Бегают взъерошенный рембрат. У него тоже проблема. Во-первых, кто-то спер драчевый напильник, а какой может быть ремонт без напильника? Во-вторых, на день отъезда экспедиции назначена свадьба у какого-то друга, куда он приглашен свидетелем. Друг грозит обидеться смертельно и на всю жизнь и даже не разговаривать больше, будущая теща предприняла даже диверсионный акт: попыталась напоить до бесчувствия и запереть в комнате, но «шишаньки им, не дался».

Таких проблем у каждого великое множество. И одна – общая для всех: как нам официально зарегистрировать свое существование? Мы ведь водно-пеше-спелео-подводная экспедиция. И если «Правила туристских путешествий» еще разъясняют, как быть со смешением двух видов туризма, то о трех там нет и полслова, не говоря уж о том, что подводное плавание и вовсе чужеродное дитя в системе туризма – ДОСААФовское. Переговоры с членами городской маршрутно-квалификационной комиссии грозят затянуться, пока кто-то из них не заявляет решительно:

- Да что вы мучаетесь? Основная часть по протяженности водная?
- Да, но...
- Никаких но, оформляйте себе на здоровье водную единичку с радиальными выходами.
- И на каждый по маршрутке, – подсказывает другой, – все равно у вас на каждом плоту должен быть капитан. А нам лишняя группа с книжкой.

Уф. Наконец-то. Правда, остается нерешенным окончательно вопрос с поименным составом. Заявлено тридцать человек. А сколько поедет? Здесь окончательная ясность появляется только после отправления автобуса. За двадцать минут до его отправления в клуб ввалилось взъерошенное существо в перекошенной штормовке, со сбившимся на один бок рюкзаком: наш будущий летописец Света. Она кается, сумела уговорить свою маму, клятвенно заверив, что лучшего места для подготовки к вступительным экзаменам, чем плот, не найти.

Автобусная дверь скрипнув своими суставами, подвела итог: двадцать четыре человека. Весь наличный состав, включая сюда и трех помощников: «Мы только на выходные, дома начальство не пускает».

Бойко завертелись колеса нашего «дилижанса», унося нас от городской суеты, навстречу ЦЕЛИ.

Начало

Назад пути нам не было.

Автобус, уезжая, долго и натужно гремел своим мотором на крутом подъеме, а мы стояли у груды мешков, ящиков, ящичков и мешочков: огорошенные стремительностью нашего расставания и тем невообразимым количеством вещей, которые оказались сваленными здесь по воле тактического плана нашей очередной экспедиции. Меня всегда занимало то неизведанное свойство течения времени, когда с приближением какого-то события, оно (время) начинает уплотняться, сжиматься в тугую пружину лиц, событий и дел, чтобы развернуться вдруг вот в такую лесную деревушку, берег ручья, копну вещей, фигуры товарищей, неотвратимость поставленной цели.

Кто-то мудро заметил: «У каждого свой Рубикон». Наш оказался здесь, на болотистых берегах Кумыша, одного из притоков Чусовой, пройти до устья которого нам было необходимо в ближайшие пять дней, чтобы встретиться с основными силами, совершающими сплав на плотках от Кына.

И теперь все, что бы мы ни делали, было направлено туда, на север, к берегам Чусовой. Уже одно то, что мы стояли вот здесь, было чудом, ибо за последние 12–18 часов жизни произошло огромное количество событий, каждое из которых могло поставить крест на наших устремлениях.

Впрочем, началось все чрезвычайно удачно (я бы сказал, подозрительно удачно, чтобы хорошо все кончилось). Мы – народ не суеверный, в бога, черта, ведьм не верим. Но живет где-то в глубинах нашего Я неверие в благосклонность и постоянство того, что зовут судьбой.

Заказной автобус подали вовремя. Его новенькие бока, сияющие хромом фары и зеркальные стекла переводили предэкспедиционную суету в новую плоскость экспедиционных хлопот.

Удивительно быстро загрузили полторы тонны снаряжения и продуктов, точно в срок выехали. Новички горланили песни из репертуара народных хоров, старые кадры молча отходили от нервных потрясений последних дней, предвкушая свободу и свежий воздух. А первый камень судьба бросила в нас часа через два у стен древнего города Кунгура, из-под колес встречного грузовика. Натуральный камень, разнесший с мгновенным хрустом лобовое стекло автобуса, осыпавшее всех впереди сидящих хрустальным дождем. Впрочем, кроме нескольких царапин, травм и жертв не было.

Тут же встала дилемма: либо домой, либо вперед – наперекор судьбе. Решили: «Наперекор». Последствия обнаружились часа через три, когда мы с изумлением убедились, что вместо северного Кормовища проезжали южные Броды. Правда, карта у нас была семикилометровка четверть вековой давности, но ведь у каждого встречного спрашивали дорогу, и все аборигены согласно кивали головой, подтверждая правильность выбранного нами направления. Шофер забастовал, с трудом удалось его уговорить ехать до Лысьвы. У казначея засеребрилась седина, а кошелек экспедиции стал худым, как лист подорожника. Утешением осталась в нем поговорка: «Бедность – не порок». Экспедиционное начальство успокаивало себя тем, что пока ничего не потеряно и вроде все на месте.

Комендант и диспетчер по туризму-транспорту (оба в одном лице), взяв помощником Свояка, под покровом утреннего тумана стали ловить шабашника.

Лысьвенцы, спешащие к утренней электричке, сулящей субботний отдых их на лоне природы, с удивлением глядели на табор, раскинувшийся у непреступных вокзальных стен (нас выперли из зала ожидания под предлогом его уборки две крикливые тетеньки, едва посерело небо). Живописно висели, лежали, стояли самые невероятные вещи от носков и платков до огромного черного баллона с непонятной пугающей надписью «Свежий воздух». Угрожающе шипели красные примуса, буль-

кало в котелках зеленоватое варево, в стороне усиленно работали ложками пестрые, чуть тронутые щетиной личности. Успокаивало наличие женщин и детей. Со словами: «Есть дают», – из-за забора вынырнули Свояк с комендантом. Бэз-ре-зуль-тат-но. Проснулся Леня и проворчал: «Что за молодежь пошла? Машину добыть не могут». Пошел к ближайшему телефону.

Начальство показывало класс. Скоро стало известно: в 12 дня в Кын уходит автобус Пазик с ремонта, в который по гос.цене можно будет загрузить экспедицию, оставшуюся без транспорта по причине его поломки, и немного снаряжения.

Так мы оказались у этой речушки. Десять минут назад нам пообещали лошадь с проводником, который должен был показать дорогу, помочь с заброской самого тяжелого снаряжения, а заодно довести до пещеры и знаменитого Нырка Кумыша, где река вдруг уходит под землю, чтобы восемью километрами ниже выйти опять на поверхность.

Пять минут тому назад ушел автобус с остальными участниками нашей выправки, конечная цель которой: «Изучение карстовых явлений в бассейне реки Чусовой», а это только при беглом взгляде на карту огромная площадь. Заглянув в Энциклопедию, с изумлением обнаружили – 47 600 км², больше, чем Эстония или Швейцария. Длина ее больше 700 км, от места слияния Западной и Полдневой Чусовых, собственно и образующих Чусовую. Было бы неверным считать, что замахивались мы на эту огромную территорию. Нет. Эти самые «карстовые явления» изучать собирались только на территории Пермской области от села Кын до города Чусового. Это около 120 км среднего ее течения, где, как услужливо подсказали справочники: «Ее правильнее будет отнести к рекам сильно разрушенной низкогорной страны, у которой есть некоторые черты, свойственные и горным рекам (узкие долины, обрывистые берега) и равнины (сильная извилистость, отсутствие порогов и водопадов, длины и глубокие плесы с очень медленным течением)». Средний уклон равен 37 см на один километр, значит спуститься за это время мы должны всего на полста метров. Эти крайние точки нашего маршрута выбирались из соображений удобства заброски.

На нашем пути должно было встретиться 26 притоков, 32 камня и, по непроверенным слухам, 157 пещер. Забыл упомянуть, что за Кыном, ниже камня Мултык река течет 36 км по территории Свердловской области, и поэтому в перечисленные выше цифры эти километры со своими притоками и скалами не входят. Задача на много лет работы. Мы же – фактически разведка, способная только внести ясность в этот ворох сведений, почерпнутых из доступной литературы, слов, рассказов и писем фанатичного энтузиаста этого района Сыропятова Владимира. Флегматично притрусил на неоседланном коне наш проводник и стал задумчиво созерцать, философски ковыряясь в носу, наши отчаянные попытки придать разбросанным вокруг вещам некое подобие вьюка.

Наконец, все возможное увязано и утянуто. Тащим поклажу к лошади. Наш же «сократ» промямлил что-то про бригадиршу, которая не дает седло и вообще заругается, и, хлестнув коня, был таков. Мы обалдело смотрим друг на друга: «Каков гусь?». Димка кипятится: «Какого черта торчал тут? Лучше бы не появлялся». Деревня вымерла. Найти бригадиршу было не легче, чем Тунгусский метеорит: следы есть – человека нет. Ситуация же требовала действия, потому вьючиться пришлось самим. А поскольку из шестерки оставленных трое принадлежали к прекрасной половине человечества, а треть сильной половины стать таковой собиралась лет через 7–8, то почетная роль вьючного транспорта пала на нас с Димкой.

Мы правда имели с собой все для того, чтобы соорудить мини-плот из двух мазовских камер и сбросить на него всю поклажу, но коренные жители отговорили нас от этой затеи. Ближайшие 15 км

Кумыша – это бесконечная череда завалов и сухих русел. Первый шаг принес и первое открытие: каждый из нас приобрел, и притом совершенно бесплатно, по призраку. Вы делаете шаг вперед, но на вашем месте еще мгновение держится серое ваше подобие, ваш силуэт тут не настигающий вас. И горе вам, если в одежде обнаружится хоть одна дырочка, пусть это будет даже отверстие, оставленное иглой в шве. Туда немедленно забирается любопытный нос и: «...Ой!».

Ваши руки приходят в непрестанное круглосуточное движение по замысловатым орбитам, чтобы получить кратковременный отпуск уже только у Чусовой. Стоит вам только остановиться, взять фотоаппарат, бинокль или обеденную ложку, как бледная кожа горожанина приобретает пепельный оттенок постепенно наливающийся собственной кровью. Это комары. Летописец экспедиции обреченно записал в вахтенном журнале: «...еще куча всяких гнусных существ, от которых не по дням, а по минутам пухнут наши лица и все больше становятся похожими на заурядные морды...». И это на Чусовой, где после Кумыша мы просто не замечали комаров.

Впрочем, вечером прошлого дня мы их тоже не замечали. Умотанные трехчасовым сражением с буреломом и топами, крапивой и грузом, преодолев только три километра, мы лежали по палаткам равнодушные ко всему происходящему. Утром все результаты столь «преступного» невнимания к собственным персонам были на лицо, точнее сказать на лицах: посиневших, вздувшихся волдырями и опухольями, словно побывавших в гуще вульгарной кабацкой драки. Одни утешались словами забытой песенки: «...Шрам на роже, шрам на роже для мужчин всего дороже». Другие были безутешны, но, к счастью, не нашлось ни одного зеркала. В уцелевший осколочек удавалось рассмотреть лишь фрагменты впечатляющей картины. А какая дама согласится добровольно, что выглядит она хуже всех? Таким образом, моральный дух оставался высоким, хотя новый день и не принес облегчений. Наметилось, правда, некое подобие дороги, и река очистилась от завалов, но груз по-прежнему «по средствам лямок рюкзака» давил на плечи. Было лишних килограммов 50, и это с первыми потерями: неведомо как и где один сапог покинул свою хозяйку, а поскольку предпринятые поиски ничего не дали, второй отправился следом (меньше килограммом все-таки) и, как потом выяснилось, отправился вместе со спрятанным в нем купальником, в котором предполагалось загорать, передвигаясь по открытой местности (городская наивность не брала в расчет сущую мелочь – комара).

К середине дня вышли на лесосеку, а так как на календаре было воскресенье, то была она пустынна и тиха. Над группой повис призрак невыполненного задания. Сражаясь с излишним весом, забросили маршрутную съемку – то, ради чего нас, собственно, и отправляли сюда.

И вот в тиши бригадирского вагончика родился смелый замысел борьбы с невезением. Состоял он из двух пунктов:

а) поскольку рецидивы борьбы за эмансипацию проникли и в наш небольшой коллектив – отправить лучшую половину на съемку сухого русла Кумыша со своими вещами;

б) вьючная половина с остальными вещами пробует на завтра добраться до судоходной части Кумыша и до нашего мини-плота на механической тяге, благо тракторов стоит здесь предостаточно, разбить лагерь и с победой ждать мужающих подруг.

Учитывая опыт прошедших дней, шансы механического варианта оценивались критически, что-то около 60%. О 40% думать не хотелось, так как мысли эти вызывали немедленную ломоту в пояснице и судорогу в плечевых суставах.

Дело в долгий ящик не откладывая, забросили излишки снаряжения в кусты и, взяв жизненно необходимое для процесса эмансипации, пошли провожать дам к нырку Кумыша.

Гремящий

Утром просыпаюсь от громкого знакомого голоса:

– Привет спелеологам.

Высовываюсь из палатки: над рекой плывут в чистых утренних лучах солнца ослепительно снежные клочья тумана, у костра разговаривает с дежурными давешний наш попутчик. Он уже отрыбался и спешит домой. Вылажу, чтобы уточнить название притоков, общую обстановку, состояние тропы. Любопытствуем и насчет улова.

– Плохо ловится, килограмм пятнадцать только и поймал хариуса. Жирный, правда! Вот на прошлой неделе тайменя на 7 килограмм зацепил – это рыбалка. Но вообще рыба есть.

Рассказывая, он ловко вспаривает брюшки серебристых рыб и потрошит, быстро пересыпает солью и укладывает в бачок из нержавейки, наполненный уже на две трети, и, торопливо простившись, уходит. Куда ему столько рыбы? Размахивая черной резиновой сумкой, из кустов вылезает Димка и рысью бежит вслед, бросая на ходу:

– Сумку отдам, да курить стрельну!

Минут через двадцать возвращается и небрежно бросает на траву четыре рыбины.

– Где поймал?

– Руками.

Димка делает многозначительную паузу, дает возможность оценить способности и невинно заканчивает:

– У рыбака в мешке. Натуральный обмен с туземцами. Я ему его сумку, он мне свою рыбу. И что характерно: сумку брать не хотел, не нужна она дескать мне.

Тут только замечаем, что рыба потрошена. Немедленно очищаем котелок от остатков каши и, пока завершаются сборы, варим юшку. Соль + вода + рыба!

Что это была за рыба?! Что за аромат! Кусочки мяса, казалось, сами таяли во рту. Даже ярые противники рыбной кухни с тоской смотрели на голое дно котелка. Увы! Рыбаков в нашей компании нет. А жаль. Вздыхая и плотоядно причмокивая, грузимся на свой плот.

Как не причмокивать, когда из-под него стремительными черными молниями уносится почти готовая уха?

Узкая лента Кумыша, ворча и петляя, выписывает один поворот за другим, прорезая зеленые склоны, отороченные каменным кружевом – скалами.

Как в огромном калейдоскопе демонстрируя свои наряды: что ни поворот – то новая картина, причудливей и затейливей прочих.

Со слов случайного утреннего визави знаем, что километрах в пяти от нашей стоянки с левого берега впадает мощный приток: «С горы идет и гремит. Гремящим и зовут». У этого притока мы решили устроить обед, чтобы осмотреться и пройтись по нему.

Мы – это маршрутный отряд экспедиции спелеосекции ВИВ и клуба туристов Компас по спелеологическому исследованию реки Чусовой и ее притоков.

Нас шесть человек. Мальцева Татьяна, Юркова Людмила, Лобанова Елена – прекрасная (топосъемочная) половина нашего отряда. Курочкин Дмитрий и два Евдокимовых (отец и сын) составляют сильную половину и отвечают за все тяжелое.

В нашем распоряжении – созданное из досок, подобранных на месте заброшенной деревни Вы-

нырок, и двух зиловских камер, взятых в предвидении такого случая из дому, плавсредство. Сегодня утром это последнее слово судостроения, сработанное на местной верфи прилюдными умельцами, получило имя. Молча похаживая вокруг него, для чего-то пнув пару раз ногой, Димка озабоченно изрек:

– Сергеич! Я думаю, за скоростные качества его стоит наречь каким-нибудь древним богом. Кто там у них посыльным по божьему штабу был? Пацан такой, с крылышками?

– Гермес?

– Не... Что-нибудь... воинственно-римское.

– Меркурий?

– Во! Подойдет.

– Жаль только, нет бутылки шампанского, чтобы по всем правилам... - и широким жестом бьет воображаемую бутылку о палубу.

Часа через два с половиной на очередном повороте ловлю отголосок сильного шума. Встревожено рванулся вперед – не порог ли там, рыбаки предупреждали. Подтверждая тревожную догадку, неторопливый бег воды начинает ускоряться, река приобретает видимый уклон и уходит за правый поворот.

За поворотом – зеленый островок прикрывает как раз ту часть реки, где угрожающе ревет и беснуется вода. Торопясь обойти препятствие, бегу прямо по воде, через остров, и... ничего не вижу. Уклон кончается. Вода обретает прежнюю свою неторопливость. Грохот стоит слева, на берегу, там бьется в камнях поток с расходом в четверть кубометра в секунду, падающий, кажется, чуть ли не из поднебесья.

Разрешающе машу рукой появившемуся экипажу «Меркурия», но предусмотрительный капитан мощным толчком шеста выбрасывает свою «шхуну» на мель.

Гремящий... Какое точное название!

Денис Евдокимов над местом выхода воды на поверхность. Черное пятно у ног Дениса – это вода

Будто леший, ухватив лист кровельной жести, трясет и трясет его без передышки, укрывшись под зеленым пологом тайги, упиваясь звонкими раскатистыми звуками. Крутой, градусов под тридцать, склон, и ни малейшего признака долинки, характерной даже для меньших ручьев. Не падает же он, в самом деле, с горы? Бредем по каменистой россыпи вверх по течению. Через 10 метров взгляд упирается в скалу. Да и не скала, а так - скалочка в пару метров высотой. И это ВСЕ?!

Из камней, кокетливо отороченных густым темно-зеленым мхом, прямо из-под ног бесшумно струится поток кристальной чистоты венецианского стекла. Мерно изливается неосязаемое нечто, превращая глыбы в своей глубине в пустынное марево раскаленных воздушных струй в жаркий летний полдень. Ни морщинки на ее поверхности. Осязаемость, звук, рябь и прочие гремящие атрибуты вода приобретает несколько ниже, преломив о камень свои струи вниз, к Кумышу.

«Меркурий» с доблестным капитаном, пассажиром и грузом на борту

Заворожено смотрим, не в силах отвести глаз. Солнечные лучи, прорываясь сквозь листву, зажигают над ее поверхностью бирюзово-фиолетовые сполохи стужившегося от холода воды воздуха.

Синюшкин колодец, да и только!

Когда наконец поднимаем головы, то видим весь наш маленький отряд в сборе. Стоят зачарованные, не шелохнутся. Кто-то благоговейным шепотом спрашивает:

– Нырять будем?

– Да, – тоже почему-то шепотом отвечаю я.

Пока девчонки готовят обед, приносим акваланги, шланг высокого давления, гидрокостюм, веревки и еще всякие подводные мелочи. Уже затянутый в черно-желтую резину гидрокостюма «Садко», убираю камни, лежащие на пути. Руки моментально стынют, да и не шутка – вода всего +3 (одна из загадок грифона), и долго пальцы отходят на воздухе. Защитные перчатки лежат в клубе – одна из прорех в организации нашей экспедиции.

Но такие мелочи нас не пугают. Погружаюсь ногами вперед. Нужно обжаться. Пробую достать дно – метра два будет. Но до чего прозрачна вода! Кажется, можно достать любой камень со дна, протяни только руку. Воздух, вытесненный из ног, раздувает плечи и где-то сзади, за плечом, начинает непристойно пищать клапан стравливания. Остатки воздуха, запрокинув голову, стравливаю через ворот капюшона, черпанув-таки при этом порцию воды.

Ледяные иголки впиваются в шею и грудь.

Бр-р-р-р! «А если порвется гидра?» – мелькает шальная мыслишка не из самых приятных.

Чтобы нырять, нужно развернуться, а для этого нужно выбраться на поверхность - ощущение такое, будто всего засунули в кровососную банку. Это поролоновый утеплитель, распрямляя сжатые давлением воды ячейки, создает разряжение. У баллонов сосредоточенно стоит Дима. У его ног серебрится змея шланга.

Дима Курочкин обжимает гидрокостюм. Уровень воды понижен на 75 см. разбор завала.

Татьяна – на сигнальном конце. Нырять в узкий, неизвестный проход с баллонами на плечах – значит наверняка застрять.

Поэтому разведочные погружения мы совершаем в шланговом варианте (баллоны и редуктор с легочником разносятся с помощью шланга). Вроде все готово. Проверяю работу нашей системы – нормально. Плюю на стекло маски, растираю, споласкиваю. Диковатый для непосвященных ритуал, но так стекло не запотеет, сколько не сиди под водой. Традиционно поднимаю руку, испрашивая разрешения у страхующего и утверждая, что у меня полный порядок. Осторожно окунаю голову. Мановением волшебной палочки исчезает марево движущейся воды. Я среди камней, погруженных в голубоватую дымку. Делаю три резких вдоха-выдоха.

Все нормально, воздух идет без задержки. Проталкиваю себя вглубь, без баллонов плавучесть слегка положительная, и приходится прилагать некоторые усилия (в скученном пространстве входа

точно подобрать груза не удалось). Спинай чувствую, как карябает резину скальный выступ. С замиранием думаю: «Порвал? Не порвал?» Нормально. Отталкиваясь от потолка ногами, всплываю в покатуую горизонтальную галерею. Полукруглый свод опирается на ровный галечный пляж. Ширина прохода около метра. Высота? Если сесть, то кулак над головой пройдет. Ртутными шариками перекачивается по потолку выдыхаемый воздух. Из густой синевы выплывает глыба, лежащая посреди прохода...

Легкий рывок назад. Кончился шланг – 16 метров пройдено. Пора назад. Стараюсь запомнить основные размеры хода и возвращаюсь на выход. Руки замерзли и ничего не чувствуют. Вижу, как сжимаю фонарь, страховку со шлангом, а вот мышечного ощущения нагрузки нет. Выход вызолочен снаружи солнечными лучами, пробивающимися сквозь полог тайги. По камням в такт движения ветра пробегают солнечные зайчики. Течение сильное, и все вокруг промыто хорошо, мути практически нет. Так, легкие пылинки танцуют в луче света в темной комнате.

На поверхности мне суют в руки кружку горячего чая и теребят, требуя подробностей. Тепло, коснувшись пальцев, вызывает мучительную ломоту. Замечаю тревогу на лицах окружающих. Ба! Да я, оказывается, тихонько подвываю своему собственному рассказу. Дамы бросаются снимать с меня гидру и в порыве усердия отрывают от манжета изрядный кусок. Виноват маникюр. Ноготки затачиваются как коготки (была такая мода). Тут же заставляем модниц избавиться от разрушительного украшения, но поздно: погружаться не в чем. Хотя для разведки достаточно и этого.

Через два дня в гром потока опять вплетаются наши голоса. На этот раз с нами большая часть экспедиции. Мы привели их сюда трехчасовым маршем от устья, где вчера вечером состоялась горячая встреча с основными силами. В составе нашей экспедиции большая часть народа, прошедшая этой зимой подводную подготовку в школе аквалангистов-спасателей при городском ОСВОДе. Но погружаться в пещеры будут только двое, имеющие некоторый опыт, полученный в Кунгурской ледяной пещере, вклюдях Губахи и пр. В общем, никто не протестует, но, облачая меня в гидрокостюм, завснар горестно вздыхает: «Хотца!» Успокаиваю его: «Если останется воздух – пустим». Почему же и не пустить, опыт-то набирать где-то надо.

В этот раз погружаюсь с баллонами. Знакомая галерея, да и что тут могло измениться за два дня. До этого места позволила пройти длина шланга. Дальше начинается неизвестная часть. Сзади зеленеет пятно входа. Вьется страховочный конец – единственное, что связывает меня с поверхностью. Вот и глыба, которая, как мне казалось, загораживала проход, всего-то навсего – небольшой камень. Как здорово меняются размеры в мире без привычных ориентиров. Проплываю сверху, дальше ход расширяется и плавно опускается вниз, растворяясь в глубокой синеве, которую не способен пробить луч налобного фонаря. По тому, как закладывает уши, понимаю, что опускаюсь все глубже и глубже. Вот правый поворот и... тут меня начинает резко тянуть обратно на выход.

Возвращаюсь и выясняю, что я перестал отвечать на сигналы: очевидно, сигнальный конец заклинило в глыбах, и все сигналы до меня просто не доходили. Страховщик встревожился и, применив силу, извлек меня на поверхность, в круг друзей, принудительно. Все эти «дернуть-потрясти, дернуть-потянуть два раза» для нас абсолютно не приемлемы. Нужна прямая телефонная связь. И над этим надо работать.

Парни пытаются разобрать плотину глыбового завала на выходе, чтобы понизить уровень в грифоне. Изредка из недр раздается глухое бормотание, смачное причмокивание и еще какие-то потусторонние звуки: это воздух прорывается в освободившееся от воды пространство. Кристально

чистая поверхность источника становится беспокойной.

Уровень ее резко колеблется, вынося на поверхность раз за разом изрядные порции муты: будто тень печали ложится на чело источника. Жду, когда успокоится поверхность.

Во второе погружение со мной идет Пономарев Саша. Он – на страховке, я – в свободном плавании. Нас соединяет короткий (метров шесть) репшнур. Наконец уровень устанавливается сантиметров на семьдесят ниже исходного и уже не меняется. Выжидаю минут пять.

Начало погружения.

Сейчас во мне завели склоку два чувства: острое любопытство и не менее острая жалость к своим рукам (перчаток-то нет).

На стороне любопытства – сногшибательный козырь: перцовая настойка, которой наш доктор Вера растирает нам руки.

Про себя, грубо цыкнув, прекращаю внутренние дрызги и с ехидцей спрашиваю напарника: «Костюмчик не жмет?» Гидрокостюм размера на три больше хозяина и смотрится просто интересно. Манжеты, чтобы не пропускали воду, натянуты чуть не до локтей. На груди и спине – огромные складки. Санька весь в переживаниях – это его первое погружение под землю – и на меня внимания не обращает совершенно. Тщательно осматриваю его экипировку, растолковываю порядок взаимодействия, и ныряем. Изменений масса.

Почти от самого входа начинается воздушный пузырь, который все увеличивается, и в районе камня можно уже сидеть в воде по пояс. Здесь поджидаю напарника. Руки на воздухе не мерзнут, можно как следует осмотреться. Обнаруживаю узкий ход, ведущий вверх. С моими теперешними габаритами сюда не протиснуться.

Тут возле меня появляется голова в маске. За стеклом – расширенные глаза завснара. Он потрясен. Уступаю ему место. Сам продвигаюсь дальше. Пузырь воздуха тянется далеко, постепенно понижаясь и сливаясь с зеркалом воды. Место, где мы сидим, – перегиб хода, и мимо нас течет весь поток. Теперь понятно, откуда срывало муть. Достаю компас, засекаю основные направления. Резко дергаю веревку, по этому сигналу на поверхности должны сделать отметки, и, поднявшись на поверхность, мы сможем построить примерный план воклюза.

Командую «поплыли дальше» и замечаю, как Санька пытается вставить в рот налобный фонарь. Меня разбирает смех, и я, в свою очередь, пытаюсь осветить ему своим легочным автоматом, удивляясь и досадуя на темноту вокруг.

И легочник, и фонарь свисают с правого плеча.

Разбираемся со снаряжением и плывем до поворота. Здесь кончается страховка. Ухожу от Пономарева на привязи. Правый поворот.

Резко и круто ход уходит вниз в почти шаровой грот. Зависаю посредине. Стены сильно корродированы, будто кто-то небольшим круглым половником выбирал отсюда известняк.

Возвращение.

(Черной волнистой линией отмечен уровень воды до разбора завала.)

Резкий левый поворот. Узкая вертикальная щель, ощерившаяся острыми ребрами. Дальше опять грот. Протискиваться не рискую. Можно порвать гидру. Да и страховка кончилась.

Возвращаюсь обратно. За поворотом мечется изумрудный свет фонаря напарника. Беспокоится, наверное. Его черный силуэт парит вдали вверху и энергично жестикулирует мне. Выбираемся без приключений. Но еще долго идет мутная вода да нестерпимо ноют руки.

После нас еще одно погружение совершает Дима Курочкин, чтобы набрать так нужный всем нам опыт.

P.S. В Гремящий мы погружались еще дважды.

На следующий 1980 г. и в 1986 г. За щелью оказался тупиковый грот, одна из стен которого иссечена непроходимыми трещинами, из которых и изливается поток. Если поднести к такой трещине руку, то ее с изрядной силой отбрасывает обратно. Погружались парой: Сергей Евдокимов и Владимир Родионов.

Погружение 1986 года было учебным и не ставило перед собой глобальных задач.

ЧП

Отгремел за поворотом прощальным салютом Гремящий. Мы еще вернемся к нему, а пока, загрузив наш «Меркурий», плывем дальше. Опять поворот за поворотом разворачивает свои богатства долина Кумыша.

Долина и впрямь богата: малахитовая зелень лесов перемешивается самоцветной россыпью лугов. А какие травы! Что там бразильская сельва, да у нас трава выше роста человеческого. Тропы набиты зверьем, и птица селится вдоль них. То и дело из-под ног с хлопучечным треском взлетает всякая пернатая мелочь – чуть подвзлетит и стрижет траву крыльями. Кто, куда? Не видать. Только какая-то пичуга с испугу влетела мне прямо в руки. Желторотик. Тут же с двух сторон на меня обрушился шквал отчаянных криков. Дерзко пикируя, бьют крыльями по голове, плечам. спасаюсь, только посадив своего невольного пленника на ветку.

Ритм движения завораживает, тянет вперед. Давно уж не слышно голосов плотогонов, поблекли краски лугов. Пожалуй, время поворачивать назад, а я все иду и иду по тропе, перебегающей с одного берега Кумыша на другой. Чей-то голос во мне тихонько нашептывает: «Ну, еще один поворотик, ну, еще». Где-то в глубине души теплится надежда выйти-таки к Чусовой, и вдруг встретить там наших (срок встречи-то завтра, ну а вдруг?).

За каждым поворотом мне мерещится широкое приволье долины большой реки, но каждый раз вырастают на пути новые скалы, и новые повороты уводят все дальше.

Вечернее солнце красит известняк скал в нежные розовые тона, густеющие с каждой минутой. Светило садится, и до его захода надо найти место для стоянки. Продираясь сквозь заросли ивняка и уже ни на что не надеясь, натыкаюсь на укатанную дорогу и секундами позже вижу длинный прямой, как стрела, плес Кумыша, упирающийся, нет, не в очередной поворот, а в синеющую даль Чусовой. Последние несколько сот метров Кумыш течет по прямой и впадает в нее как-то по касательной, боком. И как стражи стоят по краям два утеса. Волей природы известняк поставлен здесь абсолютно перпендикулярно, и кажется, что это остатки крепостных ворот, запиравших долину с ее тайнами. У скал дорога раздваивается и направо через плес выводит на мыс, отделяющий Чусовую от притока.

Устало, в животе уж давно подвело, бреду через Кумыш и мысок...

У ног привольной дугой изгибается Чусовая. наших, конечно, нет. Только два каких-то парня чистят рыбу, лежа на деревянном плоту, да на том берегу по колено в воде стоит пара рыбаков. Спускаюсь вниз, здороваюсь с мальчишками и завожу с ними неторопливую беседу. Ребята отвечают охотно: они из Кына, сплавлялись от Усть-Утки. Завтра бросят свой плот и на лесовозе уедут домой. Тут километрах в шести лесовозная дорога Кын – Усть-Кумыш. От самой деревни ничего не осталось – все пожгли.

Стаскиваю с себя сапоги, выжимаю носки и блаженно опускаю ступни в воду. После ледяных ключей Кумыша она – как парное молоко.

В надежде выведать что-либо о наших, спрашиваю:

– Двух плотов на камерах не видели?

– Петька, где мы их обошли?

– Да у Чизьмы. Вначале они под Мултыком стояли, у них еще палаток много, а потом, пока мы на Серебрянке рыбачили, они нас обошли.

– А у них, кажись, на Мултыке девушка разбилась.

Сердце у меня резко дергается, становится душно и гадко. Машинально спрашиваю:

– Какая девушка? Звать как?

– Кажись, Лена.

Память мгновенно реагирует: «Леухина? Быкова?»

– А откуда вы знаете?

– Да мы как раз проплывали мимо и видели, как падала.

В голове скачут и мечутся мысли одна безнадежнее другой: «Черт, катастрофа. А, может, не наши? Опять Ленька. Когда Шмырен ногу сломал, тоже ведь Ленька за старшего оставался».

– Кто там еще был?

– Еще? Черненькая такая девушка, кажись, Вера.

В глазах темнеет: «Наши». Как на экране строка из приказа по экспедиции: «... рабочая группа №3 Леухина – старший,

Мальцева Вера»

.....

Все точно, наши. Но надо выяснить обстоятельства:

– Как она упала? Веревки у них были?

– Были, и каски.

– Она по скале лезла, за траву держалась. Стала соскальзывать – хотела за березку зацепиться, промахнулась и упала. Метров десять падала.

– Выгодно упала, не на голову, только ноги и ребра поломала.

Растерянно перевожу взгляд с одного рассказчика на другого: «Черти, слово то какое придумали: «выгодно»».

– Дальше-то что?

– Там мужики на лодке плыли. Забрали и в больницу отвезли.

– Вы?

– Не... Мы против течения не можем. На моторке плыли, местные.

«Все... К чертовой матери... Встретимся... такой тарарам задам...». Встаю, ноги словно ватные. Сапоги тянут ступни свинцовыми грузами. Идти не хочется, но надо идти искать своих. На прощанье прошу у парней немного хлеба. Кто-то из них благодушно отхватывает ножом полбуханки и протягивает мне. Глазами я бы, наверное, проглотил ее всю, но, чтобы не подумали, что я страшно хочу есть, с безразличным видом разламываю свою половину и меньшую отдаю с благодарственными словами. Прощаюсь с мальчиками и, жадно жуя, ухожу обратно на Кумыш. В голове пульсирует только одна мысль: «Только бы не позвоночник»...

Через час нахожу плотогонов, с ними возвращаемся на стрелку и, поджидая завершающих топо съемку девчонок, занимаемся устройством лагеря. Почти сутки не нахожу себе места. Занимался делами, писал дневник, а голова была постоянно повернута в сторону Чусовой. Туда, откуда должны были показаться наши плоты. Где наши?

Правду говорят: «Худая слава впереди хорошей всегда бежит». Все-таки как-то не очень верилось во все это и где-то теплилась искорка надежды: «Может, напутали парни, может, кто-то другой?»

Увы! После обеда, едва отгремел обычный для Чусовой обеденный дождь, почти у самого берега заметили плот под нашим флагом.

В бинокль разглядели: Завснара, Свояка, Веру, Раю, Игоря. Размахивая руками, быстро бежим к месту причаливания. Посреди плота стоит Вера с каким-то листиком бумаги, лицо ее непроницаемо-сурово, парни муторно балагурят. Пономарев старается рассмешить нас какой-то историей – они и не догадываются, что мы, в общем-то, уже знаем о произошедшем. Чтобы положить конец недо молвкам, грубо спрашиваю напрямик:

– Ну, кого вы там угробили? – я все еще надеюсь на ошибку.

– Нину, – кажется, ответил Санька.

– Какую Нину? – недоумеваю я

Какая Нина, откуда Нина? При чем здесь Нина?

Вслух говорю:

– Лена ведь, Леухина? – в голове сплошной кавардак.

– Нашу Нину, Шантар.

Переспрашиваю раза три и все не могу ничего понять. Наконец, доходит. А перед глазами зеленый берег Кумыша, лежащая одинокая фигурка в голубой футболочке, мост, в отдалении наш автобус с толпой расстающихся. С трудом разбираю, что говорит Вера:

– ...Вот объяснительная записка... я ее еще не закончила... Упала... носилки... везли... в Лысьву. Перелом шейки бедра... Крестец... Она вообще себя молодцом вела.

Забираю листки и отхожу в сторону.

– Нас специально вперед отправили, чтобы предупредить.

«Хитрец – это я о Леньке. Чтобы поостыл немного. Да и при чем здесь все? При чем здесь Лень-

ка? Но ведь он оставался старший».

Долго хожу, не могу успокоиться. С пристрастием пытаю себя, пытаюсь проанализировать – где допущен просчет.

В отличие от некоторых Ура-туристов, считающих рискованные ситуации делом неизбежным, в некотором роде даже обязательной «приправой», даже простых походов, мы принадлежим к числу тех, как они называют «теоретиков», которые утверждают, что всякого рода «аварии» носят сугубо СУБЪЕКТИВНЫЙ характер и целиком зависят от нас самих: от нашей непредусмотрительности, плохой организованности, неподготовленности моральной, физической или технической. Лишь один процент мы отводим на долю так называемого «случая».

Не верите? А вы попробуйте разобрать любой «леденящий кровь» случай, которых немало гуляет по страницам различных изданий и, увы, по экранам кино и теле, задав два вопроса: «Для чего?» и «Готов ли был к этому «герой»?» Да полноте! А герой ли он? Вот сидит перед телеэкранами молодой здоровый парень, лауреат областной премии, строитель, и живописует. Как где-то в пещере он спустился в ужасную пропасть (там всего-то 7 метров) по тоненькой веревке и, не найдя выхода, пытался и не мог выбраться наверх. Как раз за разом пытался подтянуться на грязной веревке, срывался и падал, пока чудом не зацепился за некий уступ и не выбрался наверх. «Восхищенная» ведущая задает ему дурацкий вопрос: «А не трудно ли вам было?». А наш «герой» ни мало не смущаясь заявляет: «Да, было ужасно трудно, но я собрал всю волю в кулак и вот сижу перед вами».

Герой? Безусловно, нет. Зададим вопрос первый: «А для чего?» И навряд ли получим вразумительный ответ. Сознаться-то стыдно, что просто ради бахвальства. Во-вторых, чтобы эти семь метров преодолеть без всякого «геройства» достаточно побывать хотя бы на одной спелеотренировке. Наши девушки с первого раза преодолевают стометровые отвесы – и ничего, от героизма своего не умирают. Странное дело, ведь торопясь на передачу и перебежав дорогу перед носом у идущего транспорта, наш герой этим похвалиться не станет. Он знает, что нарушил ПРАВИЛА ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ, и что за это его штрафовать надо.

Да, рисковать можно и нужно, когда цели стоят высокие, когда риск – единственное решение, единственная возможность достичь цели.

Мне вспомнились слова Гены Пантюхина, которые он говорил в начале экспедиции на КиЛСИ в 76 году: «У нас есть цель! И мы ее достигнем, но не ценой здоровья, моральных или физических травм, потому что это не война! Степень риска надо свести к минимуму».

Вот и пытаюсь я с этих наших позиций решить: а где же первопричина всего происшедшего. Пока ясно только одно: группа ушла в незапланированном составе, все – новички, «не нюхавшие пороху», на скалах они вообще впервые. Это безусловная халатность и прямая вина руководителя, и моральная – всех окружающих «стариков»: видели, наверняка, понимали глупость комплектровки такой группы и промолчали, а сейчас все понимают (про задний ум не мной сказано).

Можно ли было предусмотреть подобный ход событий? Да, можно. И поэтому все роли в экспедиции были распределены заранее, все они были обговорены в приказе, записанном в книге приказов, но ... Книгу-то как раз и потеряли, и приказ так и остался не оглашенным.

Можно ли было предугадать такое развитие событий? Наверное, можно, по крайней мере, группы рабочие надо было готовить заранее, да и приказ с распределением обязанностей надо было огласить в самом начале, но решили сделать это по прибытию в Кын. Вот оно! Халатность, переросшая в вину фактическую.

Скажите, что это все просто стечение обстоятельств? Мне кажется, нет. Здесь просто проявление диалектического закона: переход количества мелких оплошностей в новое качество крупного ЧП. Три халатности дали одно ЧП.

Уже потом, когда поулеглись страсти, так рассудили это дело:

1. Экспедиция готовилась практически только начальником, зам участия в ее подготовке не принимал, поэтому не знал всех необходимых тонкостей.

2. Халатность участников. Утерян журнал приказов – вина Петеримова и Каргополовой. Идея совместить журнал приказов и дневник экспедиции – автор Евдокимов. Группы готовить надо заранее, чтобы «каждый знал свой маневр» – А. Суворов.

3. Нарушение участниками правил работы на скалах: так как поджимал контрольный срок, то выданную веревку и прочее альп.снаряжение спрятали в кустах.

Нашу пострадавшую доставили в больницу Лысьвы, хотели забрать ее после экспедиции, но днем раньше это сделали родители. А нам осталось только ходить в больницу – носить цветы да хорошее настроение.

Гроза

С погодой нам везло. Целыми днями всю жарило солнце, только изредка прятавшееся за проплывавшими в гордом одиночестве белоснежными эверестами кучевых облаков.

К обеду, правда, наплывали целые караваны этих эверестов и монбланов, и даже погрохатывало, но были эти отголоски бушующей стихии так слабы и нереальны, что терялись в шорохе трав и звоне струй потоков. Серьезный ультиматум предъявлен был нам только день назад, когда внезапно из-за горы, беспрестанно гремя, будто старая телега на мостовой, выползла чернильно-черная туча и опрокинула на нас приличный ушат воды, сопровождая этот свой хулиганский поступок Светопреставлением.

Изящные, всех цветов радуги – от багово красного до почти ультрафиолетового – молнии яростно гвоздили в окрестные вершинки, скалы и берега, будто старались испепелить все окружающее.

Спектакль окончился через полчаса. Восхищенные зрители вылезли из палаток, оживленно обсуждая режиссуру и исполнителей. Остро пахло озоном. Через час мы встречали «Ветерок», и радость встречи и события следующего дня на Гремящем как-то затушевывали впечатления этой «премьеры».

И сегодняшнее утро ничего особенного не предвещало. Встали, как и всегда рано. Как обычно, по утрам над рекой лежал сплошным ослепительно снежным ковром туман. Зарядка, утреннее купание, завтрак. Недолгие сборы. Отплытие. До обеда плыли спокойно. Солнце то скрывалось за облаками, которых было несколько более обычного, то продолжало с завидным энтузиазмом чернить наши ноги и спины. Не доплыв до камней Пять братьев, остановились на обед. На повороте стояли только два брата, и на наивный вопрос: «А где еще трое?» – кто-то брякнул:

– В магазин побежали, обед ведь скоро.

Я пошел с Русланой бродить по берегу, собирать красивые галечки и камушки. Если внимательно смотреть под ноги, то среди множества белых окатышей известняка нет-нет да и попадется то красная галечка яшмы, а то халцедон или агат. Наши поиски были в разгаре, когда вдруг зашумело и вокруг стали падать редкие крупные капли дождя. Мы подняли головы и охнули от неожиданно-

сти. В пяти метрах от нас поперек пляжа, поперек Чусовой хлестали сильные струи дождя. К нам долетали лишь отдельные капли и светило солнце. Зеленоватое зеркало Чусовой, натываясь на них, покрывалось редкими оспинами, чтобы через несколько метров стать пепельно-серой лентой. Мы поспешили удрать, но полоса дождя следовала за нами шаг в шаг. Едва успели укрыться под полиэтиленовым тентом, предусмотрительно растянутым над кухней, как с озорным шумом по нему протарабанила мелкая дробь и все стихло. Солнце будто и не исчезало. Но стыдливо подернулось туманной дымкой.

Послеобеденный сплав – это мертвое царство возвышающихся над плотом животов, спокойно переваривающих пищу. Выше них – только фигуры вахтенных, бдительно высматривающих подводные камни, да мачта с трепещущим небесно-синим вымпелом. Откуда-то с верховьев реки задул холодный ветер. Впрочем, животы на него не отреагировали, только чья-то рука натянула поуютней штурмовку, да Комендант влез в свой парадный мундир военного строителя. Ветер же притащил за собой какую-то серую муть, осыпавшую мелким нудным дождем все вокруг. На «Ветерке» срочно распаковали палатку и, укывшись под ее серебристой крышей, стали наблюдать за «происходящим». Сустились и на «Стремительном». Только «Великий скачок» гордо нес палатку, поставленную по всем правилам еще утром. Команда, бросив вахту, забила в ее уютное нутро. Впрочем, под прикрытие серебрянки дезертировал и вахтенный на «Ветерке».

Где-то в поднебесье заметался, высекая искры стальными подковами, табун строевых лошадей. Ветер усилился, и вслед за первыми его перевалами хлынул ливень, только отдаленно напоминающий вчерашний. Было между ними столько же сходства, сколько его между ушатом воды, опрокинутым на голову, и водопадом.

Наш плот, лишенный управления, немедленно сел на ближайший камень, и пришлось срочно свистать наверх Аварийную команду. К своей гребни я бросился из укрытия, сбросив футболку (чтобы не мочить), в одних бриджах, по простоте душевной наивно полагая, что дело обойдется двадцати-тридцатиминутной программой. Комендант явился на пост, как и полагается капитану корабля, в полной парадной форме при бинокле и фуражке.

Всю глубину своего заблуждения я понял секунд через тридцать: ровно на столько хватило мне задержки дыхания. Вода была со всех сторон: снизу, сверху, с боков. Казалось будто там на верху кто-то властной рукой приподнял щиты в огромной плотине, и теперь мощные струи воды заливали все окрест, извиваясь и сплетаясь в гигантском хороводе. Мы были в центре этого дикого коловращения воды. Изредка мелькали то прибрежные скалы, то черная стена леса. Не выдержав дьявольского напора стихий, бесшумно, как в немом кино, валились вековые деревья. Непрерывно сверкали раскаленные вспышки света и с сухим оглушительным треском рвались невидимые заряды, словно земля и небо вступили в смертельную схватку. В этом электро-водяном коктейле дышать можно было только пригнув голову к груди и отвернувшись от ветра. Под мощными взмахами гребцов плот дернулся и сошел с камня. Грудь распирало от безудержного чувства какой-то первобытной радости. Сильные удары водяных потоков пробирали человеческое существо до последней клеточки, возбуждая и заряжая своей энергией. От избытка ее мы орали и пели. Этого показалось мало, и, развернув плот поперек потока, мы погнали его вниз по течению дружными ударами весел, догоняя ушедший вперед «Стремительный». В этот миг на небесах грохнула залпом целая батарея особо крупного калибра, и небесный свод обрушился на нас тысячами своих осколков-градин. От неожиданности и боли выронил гребь из рук и застонал, пытаясь увернуться от ударов. Куда там! Градины сыпались

густой россыпью. У соседей, спасаясь от градин, кто-то из вахтенных стремглав бросился в воду и поплыл саженьками к берегу. Прошел час, а конца и края этому действию не было видно. Похоже, что погода решила доконать нас. По-прежнему со всех сторон рвались в ослепительном блеске грозовые заряды, а небеса время от времени осыпали нас градом. Кожа уже не ощущала ударов, челюсти сводило судорогой, и теперь энергичная работа гребями была единственной возможностью согреться.

Из-под палатки торчали посиневшие ноги: во вмятинах, обтягивающих выпуклые части тела укрывшихся, собирались озера дождевой воды, каждый раз выходящей из берегов при малейшем чьем-нибудь движении. Чья-то сердобольная рука протянула штормовку (кажется, это была рука летописца). И хоть вымокла она в момент, какое это было блаженство, укрыться под ее ставшими колом боками. В уже привычные звуки справа и слева вплетались новые ноты. Это из береговых долин, просто со скал и склонов с утробным ревом неслись, все в клочьях белой пены, рыжие потоки воды. Они врвались в Чусовую и сжимали со всех сторон ее холодные зеленые волны. Река сопротивлялась как могла, но уже через два часа мы плыли в одной компании с плавником, щепками, ветками и прочим мусором, сметенным с ее берегов, в едином грозовом потоке.

К этому времени, почувствовав, очевидно, что с нами не совладать, непрерывные грозовые раскаты стали нехотя откатываться на запад. На востоке просветлело. И вскоре заморосил обычный дождик, сошедший в свою очередь на нет. Со всех склонов вниз к реке скатывались густые клубы пара. Они плыли вместе с нами, но на повороте у бывшей деревни Рассольной лезли в гору, сжимаясь, чернели прямо на глазах и, оторвавшись с вершины, уходили кучевыми облаками. Воздух был пропитан влагой, капли ее, казалось, сновали из стороны в сторону с легкостью мыльных пузырей.

Мимо проплывали потемневшие от воды скалы, леса, склоны.

Стало просто холодно. Экипаж «Ветерка» срочно натягивал на себя теплые вещи. Вечером уже, после того, как не доплыв до Усть-Койвы, пристали у камней Кобыльи ребра, под шум вновь начавшегося дождя мы пришли к выводу, что дано нам было генеральное сражение, из которого удалось нам выйти с честью. А та, первая гроза, была лишь серьезным предупреждением о готовящихся боевых действиях. В последующие два дня погода еще не раз совершала диверсионные вылазки, продолжавшиеся, правда, минут по двадцать. Что в них поражало, так это стремительность всего происходящего. В какой-то лихой, прямо кавалерийской атаке из-за горушки вылетает клубящееся облако, низ его, что угольный мешок, из которого сыплется ворох оглушающих молний, налетает шквальный ветер, срывает и уносит все что можно, опрокидывает один-два ушата воды – и опять светит солнце да вершины утесов кутаются клочьями тумана.

Возможно, это были проверки нашей бдительности, и мы их выдержали. Возможно, сыграл свою роль суровый запрет на разговоры о погоде, но до конца экспедиции нас дожди больше не беспокоили. Вы спросите: «При чем здесь разговоры о погоде?» Просто было замечено, что едва погода становится темой разговора, как она немедленно портится. Не спешите улыбаться. Это шутивное заявление выдержало серьезную опытную проверку. Всегда ведь находятся люди, не верящие ни во что, и доказательством для которых служит только их личный опыт. Стояла приличная солнечная погода, только за горушкой дремала кудрявая шапка кучевого облака, когда на построении было объявлено о всяких погодных темах. Рая не поверила и, как обычно, свои сомнения выразила вслух. В ту же минуту облако двинулось с места, обнажив свой черный низ. Где-то поблизости грохнуло так, что посыпались листья с деревьев. Втянув голову в плечи и прикрыв ее руками, Рая бросилась вслед за всеми под тент. Свидетели тому – все в экспедиции.

Плоты

Как утверждают историки, плоты – самое древнее плавсредство человека, с успехом прошедшее рядом с ним сквозь века. Достаточно вспомнить бальсовый плот Кон-Тики, пересекший пол Тихого океана, или выйти на берег реки, увидеть вереницы увязанных в плоты стволов, чтобы понять: плот как транспортное средство еще не изжил себя.

Двадцатый век, освободив человека от суровой необходимости обеспечения самого себя пропитанием, превратил это простейшее транспортное средство в спортивный снаряд. Надо заметить, что веками отработанная конструкция плота претерпела здесь самые незначительные изменения. Какие были плоты раньше? Цельнодеревянные, бурдючные. На чем стремительно скатываются вниз по реке теперь? На цельнодеревянных плотах, на камерных, на понтонных. Но ведь камеры и понтоны – это лишь модифицированный нашим инженерным веком бурдюк, где овечьи шкуры заменены вполне современными материалами. Принцип же остается неизменным.

Кстати, о принципе. Есть у Перельмана, известного популяризатора науки, такая задача: по реке плывут два абсолютно одинаковых плота, но один из них тяжелее. Спрашивается: какой плот плывет быстрее?

Помню, как на первом курсе подбросили мы ее с приятелем физиком-теоретиком. Около часа ожесточенно спорили лучшие умы кафедры и, когда дело дошло уже до диффуравнений третьего порядка, мы открыли ключ к решению задачи.

А ключ простой: движение плота – это движение тела по наклонной плоскости. Отсюда неизбежно вытекает, что тяжелый плот плывет быстрее. В этой небесспорной на первый взгляд истине мы убеждались каждый раз, отправляясь в путь. Знают ее и все плотогоны.

Из четырех плотов, составляющих к концу экспедиции нашу эскадру, лучшим ходоком был тяжелый деревянный плот, прихваченный нами у Кумыша. Хуже других плыл двухкамерный «Меркурий», почему он и был намертво приколочен к одному из двух других, как говорилось в кулуарах спелеоносцев.

Собираясь в экспедицию, выбирая возможные средства для сплава, остановились мы на камерных плотах, как наиболее проходимых и грузоподъемных, при этом сознательно учитывалось их относительные тихоходность и высокая парусность (это когда на длинных плесах с небольшим течением при встречном ветре плот может стоять на месте, а то и двигаться вспять, против течения).

Среди участников нашей экспедиции не было ни одного водника, и только двое когда-то сплавлялись на плотах. Поэтому всем был прочитан краткий курс плотостроения и навигации инструктором турклуба Котовым Виктором, нашим негласным шефом по водной подготовке.

Оторопь брала от чуждых нашему слуху терминов и команд: гребь, подгребица, лопасть, табань, корма, транец, подушка и прочее. Но, помятуя хорошую поговорку «глаза боятся – руки делают», изучали способы вязки рам, подбирали выгоднейшее положение камер, делали вспомогательный инструмент и даже замахнулись на цельнометаллический каркас плота, но из-за острой нехватки времени успели только сварить из обрезков легкосплавных труб две подгребицы.

На постройку плотов график экспедиции отводил два дня. Прибыв на берег Чусовой, справились с этой задачей в полтора. Накачали все сорок пять камер и поставили на уши всю практику плотостроения: привязав к ним поперечены будущей рамы и лишь затем увязав их с продольными ее частями. По установившейся традиции, водники вяжут сначала раму, потом устанавливают на нее

камеры и только потом делают настил, подгребицы и спускают на воду. Есть основания полагать, что обсмеянный специалистами собственный метод сэкономил нам полдня.

Получилось два плота: один с изящным носом, типа утюжок, опирался на одиннадцать камер, имел металлические подгребицы и нес на корме подвесной лодочный мотор «Ветерок-12», предназначенный для запланированной покупной лодки. Но, поскольку кошелек экспедиции опустошила дорога до Кына, лодка плыла только в нашем воображении, а мотор нашел свое место у кормовой подгребицы. Другой спелеоносец (целиком оправдывал это название, ибо вмещал он большую половину экспедиции) опирался своей рамой 6х3 метра на пятнадцать газоновских камер, имел достаточно места для двух палаток за счет того, что подгребицы были вынесены за пределы его территории. Остальные камеры были накачаны и служили запасными, на случай прокола.

При спуске на воду суда крестят. Наши плоты получили солидные названия: первый назвали не мудрствуя лукаво «Ветерок», ибо эта надпись была выведена на колпаке мотора. Учитывая сравнительно высокие ходовые качества, заложенные в проект, второго окрестили «Стремительный». Ехидный летописец не преминул заметить в вахтенном журнале: «Стремительный» он потому, что стремительно отстает от «Ветерка». На первых парах «Ветерок» (людская молва окрестила его за это несколько длинновато: «Я те пну») обгонял всех и вся, но причина здесь скрылась не в ошибочности теории наклонной плоскости, а в неусыпной энергии некоторых членов его команды, готовых, в отличие от спокойного и несуетливого экипажа «Стремительного», во всем полагающегося на природу (вода – она вынесет), использовать все возможные средства для ускорения движения (двигатель внутреннего сгорания не запускался). Среди них такие экзотические, как:

1) Эх, дубинушка – все идут по берегу и тянут за веревочку, капитан на борту усиленно отталкивает шестом наплывающий берег.

2) Болтун – все находятся на своих местах, за борт спускается один (наиболее энергичный) член экипажа, нижние конечности которого удлиняются посредством ласт, болтание коими сообщает плоту значительное ускорение.

3) Пешеходный – применяется на перекатах. Весь экипаж в кедах соскакивает с плота и бежит рядом, подталкивая и подтягивая свой аппарат.

Таким образом, скоростные характеристики плотов были эквивалентны характеристикам своих экипажей. Флаг экспедиции был поднят на «Ветерке». По поводу этой мачты шли долгие дискуссии. Нас пугали бесчисленным количеством мостов, тросов и паромов, и общее мнение было: мачту делать съемную. Но при поднятии флага об этом как-то забыли. Тонкий длинный ствол ровной сушины закрепили намертво. Дни шли за днями, и где-то в середине экспедиции, когда уже подплывали к Усть-Койве, нам встретился единственный на всем протяжении маршрута мост, пройти под которым при мачте было невозможно.

Течение в этом месте несет здорово и, пока мы резко выгребли к берегу, сломало у нас гребь, что называется, под корень. Ее, взлелеянное нашим капитаном, желтоватое тело замелькало среди зеленых волн, ехидно поблескивая дюралевой лопастью. Плот резко развернуло и понесло на мост. Бледный комендант бросился вылавливать обломок гребя, с непостижимой быстротой проплывающей мимо нас. Катастрофа казалась неизбежной, богатое воображение уже рисовало изогнутую дугой мачту, мотающийся на этом якоре плот, рвущиеся о быки камеры... Но прозвучала классическая команда, подобающая в таких случаях: «Руби мачту!!!»

Души экипажа содрогнулись от ужаса. Кинулись искать топор, но тот куда-то пропал. Зато на-

шла пара шестов, и с их помощью удалось причалить к берегу, не доплыв всего тридцать метров до моста. А топор потом обнаружили воткнутым в противовес целой гребни. Чья-то хозяйственная рука развесила на нем свою футболку для просушки. Каюсь: и футболку для просушки повесил, и команду подал, и топор усиленно искал.

О «Меркурии» было уже сказано. Можно только добавить, что притороченный к правому борту «Ветерка», он исправно нес службу грузовой баржи, водолазного бота и прогулочной яхты. Попытка использовать его в качестве посыльного судна окончилась провалом, так как он, подчиняясь законам физики, стал катастрофически отставать от всех, и его снова пришлось привязать на место.

Четвертый плот в нашей эскадре появился после Кумыша. Саша долго кружил вокруг его осиротелого остова. Что-то прикидывал, совещался с друзьями, потом решительно сделал шаг вперед и мечтательно заявил:

– Его мы, конечно, возьмем с собой?! - на лице Александра было написано столько мольбы, что душа моя дрогнула и я смог только спросить:

– А он не рассыплется?

– Нет, я смотрел.

– А экипаж? – все еще сопротивлялся я.

– А их тут четверо. Больше не нужно. А попробовать хочется, как деревянные плоты двигаются.

Санькой, как обычно, руководило неумное любопытство и желание испытать все на себе.

Прикинули. Получалось неплохо. На плотях увеличится жилплощадь – это раз, команда вся плавающая – это два, ну, и всем было интересно, а что из этого получится.

Получив согласие, экипаж спешно вооружился шестами, поставил палатку, запасся парой ласт, топором и гвоздями. Стронуть с места его было делом не легким. Бревна, не одну неделю пролежавшие в воде, намокли и глубоко увязли. Но, благодаря своей большой массе, по перекатам он шел, словно танк сквозь молодой ельничек. Стоял только шум расшвыриваемой им гальки. Его экипажу оставалось только удерживать плот на струе. Попытка окрестить его «Танцплощадкой» или «Лесобиржей» успеха не имела. Но кто-то увидел сходство между пресловутой «бандой четырех» и доблестным экипажем (сугубо по половому признаку – три мужика и одна дама), в результате чего команду именовали только «Китайцами», а плот звался «Великий скачок».

Вопреки ожиданиям он не развалился. Только однажды, у устья Поныша, из-под палубы вдруг выставилось наполовину бревно, но бегство было вовремя замечено, и нарушитель пригвожден на место. Нам показалось, что это был типичный акт протеста против бесчеловечности экипажа, подвергавшего его самым невероятным испытаниям. «Китайцы» то разгоняли его и садили на камни, хладнокровно наблюдая за его поведением, то бросали на произвол стихии – и он несся неуправляемый по воле волн, то цепляли на буксир отстающих соседей, то на гладкой его палубе открывали танцплощадку. Как и следовало из теоретических рассуждений, «Великий скачок» был самым быстрым в нашей флотилии, ну, а если за борт спускали «болтуна», то перед плотом возникал бурун, а скорость его удваивалась. Затормозить его неуклонное поступательное движение удалось только в Чусовом, где его растащили на дрова. Как бы там ни было, но несли свою службу плоты добросовестно и заслужили всяческого признания. Две недели жизни на плоту – это свой счет, свои привычки и законы, сформированные необычностью условий жизни. Правда, некоторые первоначальные жизненные установки претерпели изменения. Так, неопровержимая по своей логичности истина «что с плота упало – то пропало» оказалась совсем не бесспорной.

Понышский Грифон

Есть в Пермском крае Место (именно так, с большой буквы), которое в геологических научных кругах считается «эталонном современных карстовых форм в известняках». Место это – долина Поныша. Расположена она в Чусовском районе карбонатного карста Западно-Уральской складчатой зоны.

Географически Поныш – левый приток реки Чусовой.

Происхождение названия Поныш не ясно, высказывается предположение, что название реки произошло от коми-пермяцкого слова «пон» – «конец, предел, собака». То есть Поныш – Конечная или Собачья река.

Если судить по туристским путеводителям, он впадает в Чусовую на 321 км. от Коуровской турбазы, пройдя сквозь скалы Понышские ворота (туристское название).

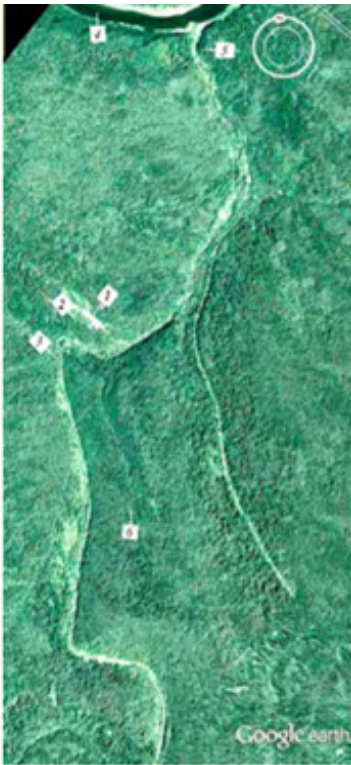
Камни Понышские – это две похожие гладкие скалы высотой около 20 метров, имеют форму, близкую к прямоугольной. Расстояние между утесами около 100 метров. В этом каньоне и течет Поныш, впадая в Чусовую буквально в полусотне метров от скал...

Длина самого Поныша от истока до устья – 25км. Число притоков – 45. Общая длина притоков – 76 км. В средней части имеет около 7 км сухого русла.

Кроме сухого русла (Сухой Поныш), здесь в наличии все известные карстовые формы из которых можно особо отметить многочисленные источники и поглощающие поноры. Большинство пещер района обрели известность благодаря лысьвенскому энтузиасту-спелеологу Владимиру Сыропятову. Его «перу» принадлежат самые большие пещеры района: Чудесница, Большая Понышеская.

Первые топо были сделаны небольшой экспедицией Пермской городской спелеосекции ВИБ (Вперед и Вглубь) летом 1975 года (рук. Сидоров Владимир).

Наш рассказ об открытии и исследовании Понышского грифона.

Поньш – нижнее течение.
 1. Гора Кладовая; 2. пещера Чудесница; 3. Поньшский грифон; 4. Река Чусовая; 5. Поньшские ворота; 6. пещера Большая Поньшская
 космоснимок

Расположен он в двух километрах от устья Поньша. Сразу за крутой излучиной, что у подножья горы Кладовой, в которой расположен вход в пещеру Чудесница (буквально в прямой видимости от входа).

Если идти по левому берегу Поньша, то сразу за поворотом вы перешагиваете через крошечный ручеек, что тут же впадает в основной поток (см. фото в начале статьи). Пройдя по нему с десятков метров, вы упираетесь в небольшую скалку, из-под которой и берет начало эта струйка воды. Поднявшись на ее вершину, вы обнаружите у своих ног щель, что и является входом.

Говоря об открытии, следует указать, что, судя по набитой тропе (июль 1978 г.), место это было известно рыбакам, охотникам и лесорубам давно (граница лесозаготовительной деланки проходила буквально в сотне метров от входа).

Вход представляет круто-наклонную трещину (по всей видимости, бортового отпора) шириной около полуметра и длиной около пяти, протянувшуюся по Аз 120°. Спустившись с левого края трещины, вы оказываетесь в невысоком гротике с миниатюрным озерком (диаметром около метра) на противоположной стороне от спуска.

Все. Это известная широкой публике часть. Чтобы стать пассионарием (первооткрывателем), нужно как-то обойти возникшее препятствие.

Володя не занимался подводным плаванием, т.е. с аквалангом он не был знаком, поэтому зимой 1977 года в лысьвенских хозтоварах приобретает обычный колодезный насос, ручной (для непосвященных: изделие сие есть «чугуняка» весом килограмм за тридцать).

На родном металлургическом заводе за одну единицу русской народной валюты к насосу добавляется дюритовый шланг диаметром 40 мм около 10 метров длиной, что по весу примерно равно насосу.

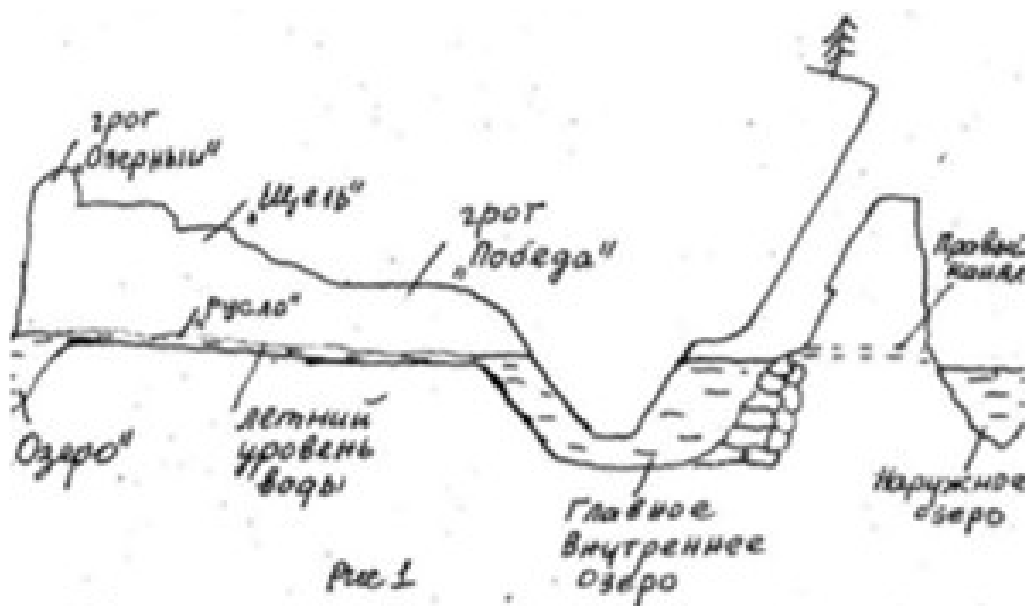

Рисунок разреза Грифона, сделанный Владимиром Сыропятовым после откачки входного сифона и проникновения в засифонную часть

Это не считая мелочей: палатки, продуктов и прочего необходимого при зимнем походе в лес.

Так как одному это не переместить от дома до автовокзала, то в санки с насосом впрягается старушка мать, которая помогает в этой операции транспортиции.

В лесу все проще. Там автобус догонять не надо.

Это не авторская придумка, это честная ужимка пространного письма, на шести страницах живописующего походение первопроходца.

Дальше: Володя сифон просто откачал, пролез вовнутрь. Прошел метров десять по открывшемуся гроту и уперся... в очередное озеро.

Все? Как бы не так!

Просто дело откладывается до совершенствования технической базы.

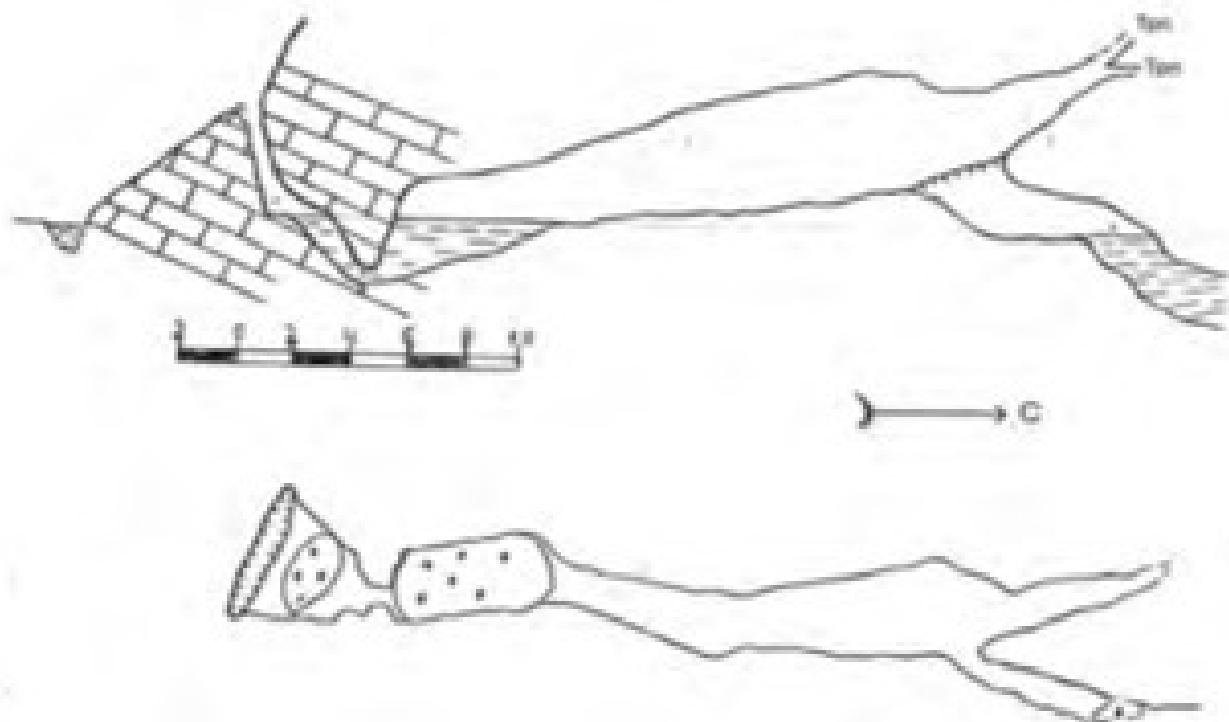
Усовершенствовать ее на зарплату подсобного рабочего получалось не очень, поэтому следующая попытка делается только через год.

Весной 1978 года Сыропятов предпринял еще одну попытку, на сей раз вооружившись бензонасосом ЦБН-2 с приводом от бензопилы «Дружба».

Результата достичь не удалось по причине отказа техники. В результате мы получили объемную эпистолау с подробным разбором качества отечественной бытовой техники. Также дали советов, даваемых некоторыми профессионалами от бензопилы.

Нам же подумалось: «И слава богу, что пила не завелась». В небольшом непроветриваемом пространстве пещерного грота кислорода могло на всех и не хватить.

Отголоски тех событий можно найти в единственном отчете, сделанном Володей Сыропятовым о своей работе в марте уже 1979 года (рукопись поступила в библиотеку Пермской спелеокомиссии 20 марта 1979 года). Он писал: «Прошлой весной я занимался дальнейшей разработкой «Грифона». Я сумел дойти до «Озера», что перед «Колодцем».

План и разрез Грифона.

**Съёмка 1983.
В.И.В. Мохунов И.**

Там пытался установить центробежный насос ЦБН-2 с приводом от «Дружбы». Потом стала угрожать весна, подземный потоп, и я вынес наиболее ценное из зоны затопления «Грифона» и доставил в Лысьву». В этом же отчете есть любопытное многообещающее замечание. Поясню для ясности: время – середина марта, автор сидит на склоне горы Кладовой, и предлагает появившейся группе лысьвенских туристов сходить в «Грифон» «совсем никому не известный доселе и с открытыми ото льда и воды входом». Что прямо указывает на возможность прохождения в первый грот без преодоления сифона. Вероятно, ранней весной, в отсутствии притока, вода банально уходит в песок.

Как обычно, в письмах Володя зашифровывал координаты своих находок. ВИВов это сообщение заинтересовало, и летом 1978 года, перед экспедицией в Крым на Каскадную, небольшая группа из четырех человек (Сергей Евдокимов, Татьяна Мальцева, Ольга Петухова и Женя Горшков) совершили поездку на Поньш. Грифон удалось довольно быстро найти, но попытка его прохождения не удалась (гидрокостюм «Тегур» с маской был предусмотрительно взят с собой). Причина банальная: весь ход в нижней части был завален хорошо промытым мелким песком. В виду ограниченности временного ресурса, дальнейшие работы были отложены «на потом».

«Потом» пришлось на ноябрьские праздники этого же года. К этому моменту была изготовлена противогазная маска со встроенным микрофоном. Вот только проверить новацию никто не удосужился. Поэтому первое (и единственное) погружение окончилось безрезультатно. Конструктора не учли, что стекла противогазной маски смотрят в разные стороны. Добавив к этому естественное преломление луча света при переходе из одной среды в другую... Ориентироваться было невозможно. Следующее погружение состоялось летом 1981 года в рамках ВИВской экспедиции «Чусовая - 81» (погружался С.Евдокимов, страховал Д.Курочкин). К этому времени был изготовлен шланговый аппарат, да и практического опыта прибавилось заметно. Результат: пройден грот и найден второй сифон, названный Володей «Озером».

В июне 1983 года при проведении Первого Всесоюзного семинара спелеоподводников (начало июня) организаторами (ВИВ) было запланировано погружение его участников в «Грифон». Погружения совершили 15 человек. Был пройден второй сифон, оказавшийся V коленом глубиной около пяти метров, приведшим в следующий грот с колодецем, заполненным водой. Куда было совершено погружение на глубину до 10 метров, колодец продолжался дальше.

Больше по разным причинам здесь погружений не было. Как представляется, основной причиной является психологический фактор: наличие сифона-узости на входе.

Кардинальным решением проблемы будет осушение входного сифона с помощью электронасоса (подразумевает наличие насоса, электростанции, проводов, шланга, грамотной услуги) или выбор времени года, когда сифон осушается естественным образом (см. выше). Наличие хорошей телефонной связи обязательно. Забрасываться удобнее всего через Лысьву – Вторую Обманку на внедорожниках. В июне 1983 года, при проведении Первого Всесоюзного семинара спелеоподводников (начало июня) организаторами (ВИВ) было запланировано погружение его участников в «Грифон». Погружения совершили 15 человек.

Был пройден второй сифон, оказавшийся V коленом глубиной около пяти метров, приведшим в следующий грот с колодецем, заполненным водой.

В данный колодец было совершено погружение на глубину до 10 метров, колодец продолжался дальше. Больше по разным причинам здесь погружений не было.

Грифон – это вызов современному поколению спелеодайверов.

Голубое озеро

Впервые Голубое озеро пермские ВИВы увидели в вечерней тиши 18 июля 1979 г.

Экспедиция по реке Чусовой подходила к концу. На трех плотках был пройден маршрут от поселка Кын, отснято и исследовано множество притоков и пещер. Пройден на 66 метров воклюз Гремящий.

Предпоследняя стоянка у скал (на Чусовой их зовут камни) Большие Глухие.

Наш плот пришвартовался последним, часа через два после передового отряда. Задержала маршрутная съемка на камне Шайтан. Нас встречал летописец экспедиции – Света Каргополова. Глаза ее сияли, и почти что шепотом она спросила: «А вы озеро видели!?» И столько эмоций наполняло эти четыре простеньких слова, что, бросив все хлопоты по разгрузке плота на ранее прибывших, в сопровождении нетерпеливой Светы мы отправились на смотрины.

Озеро было метров тридцати в диаметре и уютно расположилось в котловинке, нежно притулившейся к склону, который порос невысокими елками, чутко охватившими его бирюзовый овал своей вечнозеленой оправой. Чуть ниже зеркальное спокойствие его ломалось извивом начинающегося водного потока, рождающего и мерный шум реки Большой Глухой. Ее стремительный бег, скрытый глубоким руслом, сплошь прикрытым густым кустарником, обрывался метров через сто неприметной вмятиной берегового откоса Чусовой. Место слияния двух рек можно было определить лишь по бирюзовой полосе, вдруг оттенившей мутные воды основного потока, постепенно истончающейся на протяжении почти двух километров, да облачком синего тумана, в солнечный день прикрывающим неприметное устье.

Нам повезло. Для первой нашей встречи озеро выбрало один из лучших своих нарядов. Мы много ныряли в нем на протяжении 8 лет, в разное время года, но ни разу не повторился наряд. Менялся цвет воды.

Это мог быть и ультрамарин океанских глубин, и белизна известкового молока. Иногда, будто

озлившись, недра его изливали просто грязную воду.

Какого-нибудь порядка в поведении, несмотря на многочисленные посещения, проследить не удалось. То мог быть хрусталь венецианского стекла, когда вокруг бушевали стихии и неделями не просыхала от дождя льющегося с неба земля.

А можно было в бессилии стоять у чаши, полной густого глинистого раствора, хотя месяц кряду нигде в окрестностях всего Западного Урала не выпало ни капли и с утра до вечера сияло солнце.

Зачарованно обходим это чудо природы по тропке, вьющейся среди прибрежных зарослей, под восторженный щебет нашего проводника и оказываемся на берегу Чусовой. До нее нет и пятидесяти метров.

От причалившей моторной лодки поднимается человек пять. Расспрашиваем об озере. По всеобщему мнению – оно без дна. Отец одного из аборигенов срубил по молодости здоровенную лесину, метров двадцать, но дна достичь не удалось. У другого предок связывал аж четверо вожжей и тоже дна не достиг. Цвет такой, по единодушному мнению, потому что где-то проходит вода сквозь залежи медного купороса. Былин и легенд за озером не водится. Аборигены, по крайней мере, их не знают.

Погружение решаем начать с утра, а пока перетаскиваем на озеро небольшой двухкамерный плот (экспедиционная молва окрестила его «Меркурием»), закрепляем на нем сорокалитровый транспортный баллон, редуктор, шланг. Воздух из аппаратов решаем не трогать и начальный поиск вести в шланговом варианте. Свободно передвигающийся по поверхности плот и двадцатиметровый шланг высокого давления предоставляют достаточную свободу для обследования дна и поиска входа в подземную полость. А вход должен быть большим, так как река, изливающаяся из озера, несет в Чусовую не менее кубометра воды в секунду.

Расклад сил такой: погружаюсь я со шлангом. Пономарев Саша с поверхности следит за мной в комплекте N1. Дима Курочкин на плоту регулирует подачу шланга и страховки. Таня Мальцева – на берегу с аквалангом в готовности N1. Ребята, затянутые в черно-желтую резину «Садко», подтянуты и сосредоточены.

А пока мы возимся со снаряжением, подгоняем, плюем и промываем, нас опережает Игорек. Иронически усмехаясь, мол, больно долго возитесь, он раздевается до плавок, и его долговязая фигура мелькает над бирюзовой гладью озера в «изящном» (ноги согнуты в коленках) прыжке...

Когда он очутился на берегу, никто заметить не сумел. Он буквально выпал из воды, стремительно покрываясь гусиной кожей с синюшными разводами. Зубы кастаньетами отбивали фламенко – горячий испанский танец. Удивительно, но обходится без подначек, все осознают серьезность момента. Делаем первые шаги.

Необычная прозрачность воды создает обманчивое впечатление близости дна, поэтому успеваю провалиться под воду, что называется «с ручками», не надев маски.

Отфыркиваясь, доплываю до плота. Саша кружит рядом, всегда готовый прийти на помощь.

Проверяю работу нашей техники. Дима сидит верхом на баллоне, готовый подавать и страховать. Неторопливо ныряю.

Серое дно, круто падающее в неизвестность. Поднятая у берега муть клубами ползет вниз. Слегка шевеля ластами, парю по кругу, поглядывая на глубиномер.

3 метра. Из синевы вырастают скалы. Медленно продолжаю спуск вдоль них.

6 метров. Стена резко обрывается, уходит в сторону. Повисаю в бездне. Оглядываюсь. Сзади клубится синим туманом склон. Прямо передо мной – чернота неизвестности. Продолжаю спуск.

9 метров. Под ногами дно. Собственно, это тот же склон, но если запрокинуть голову вверх, то видно во мглистом мареве, прямо над головой, карниз скалы, рассекающий поле зрения на черную и светлую части. Под ногами две коряги и бревно. Уж не та ли это лесина, которой мерили глубину? Спускаюсь вдоль него. Сумерки вокруг сгущаются и мечется по дну бледно-желтый круг налобного фонаря.

12 метров. Еще одна остановка. Стен и потолка не видать. Мой фонарь не в силах пробить окружающую темноту. Полная иллюзия огромного тоннеля метро. Набираю в руку несколько колец шланга и осторожно, с оглядкой продолжаю спуск. Прямая, делившая поверхность на светлую и черную части, сворачивается в размытое серое пятно входа, уменьшающееся с каждым метром глубины.

18 метров. Дно выполаживается и переходит в относительно ровную площадку, по левую руку обрывающуюся уступом. Место входа в пещеру клубится облачком тумана во тьме августовской ночи.

Все. Шланг выбран весь. Пора возвращаться. Даю сигнал, и меня начинают легонько подтягивать к поверхности. Неторопливо уходят в синеву уступы, полки, стены. На глубине два метра скала опрокидывается покатым склоном, и я пробиваю головой зеркало поверхности всего в трех метрах от берега. Озеро теперь представляется мне огромной воронкой, лежащей на боку.

Потом мы погружались еще и еще. Удалось найти проход, уходящий в глубину большими ступенями. Одна из них, на глубине 25 м, оказалась покрыта крупной галькой до 5-7 см в диаметре.

На миг показалось, что вынырнул в Чусовой. Но глубина и тьма? Поднял на поверхность несколько штук. При свете дня, отмытые от ила, гальки казались даже в шоколаде. Все сплошь покрыты коричневой корочкой. Расколов одну из них, обнаружили «начинку» из розового кварцитового песчаника.

На прощанье устраиваем массовый заплыв для всех желающих, пустив на это остатки воздуха в баллонах. Забавно наблюдать, как бирюзовую поверхность озера бороздят созвездия желтых выпу-

кlostей, сгруппированных попарно: два баллона – две ягодицы, два баллона – две ягодицы, – это новички демонстрируют решительность в покорении неизведанных тайн гидрокосмоса.

Июль-август 1979г., р. Чусовая – г.Пермь

Осенью этого же года мы наловчились приезжать сюда практически каждый выходной. Груза надежно прятали на дне, у лежащей лесины. Всякую мелочевку – по дуплам. Забросив в рюкзак пару баллонов и гидрокостюм, прихватив несколько человек из сочувствующей публики, – благо, после памятного массового заплыва в конце экспедиции недостатка в помощниках мы не знали, да и призом им служила возможность понырять на остатках воздуха – загрузались мы в электричку Пермь-Чусовская.

Далее часов через семь разбирали рюкзаки у вождельных берегов. Иногда нам везло, и рюкзаки ехали в попутной моторной лодке в сопровождении сладкоязычного «баяна».

Выбранная тактика набегов обуславливалась отсутствием собственного малогабаритного компрессора, возможностью – спасибо к/ф «Урал» – на родном предприятии забивать баллоны воздухом высокой очистки до максимально возможного давления (дежурная шутка охраны: «Вы там, наверное, спирт несете?») и неумным энтузиазмом, постоянно подпитываемым все новыми и новыми находками в глубинах. В этом сезоне дальше не прошли, все силы ушли на знакомство с величественными объемами привходовой части. Да и вода выносила из недр массива то глину, то белые хлопья (собранные вместе, они напоминали мондмилх).

Но самое главное – почувствовав вкус глубины, организовалась приличная команда глубоководников: Дима Курочкин, Валера Шмырев, Шура Вотинов, Толя Данник, Володя Родионов.

Нами было обследовано все в радиусе 70 метров от входа и до глубины 20 м. Мы путешествовали под потолком и по дну. Наблюдали жизнь непонятных нитей, свисающих с потолка и разрушающихся даже от соприкосновения с поднимающимися пузырями воздуха. Обнаружили несколько расщелин, уводящих на глубину, из некоторых ощутимо «дуло». Но, наверное, все мы ощущали свою ничтожность перед величием объекта, представавшего перед нами.

Зиму мы посвятили регулярным тренировкам в бассейне «Комсомолец», с его директором и тренерами у нас установились хорошие дружеские отношения.

Здесь мы отрабатывали массу различных ситуаций, какие только могли вообразить себе. Готовилось снаряжение.

* * *

В этот раз Голубое озеро изливало кристально чистые воды и только в самом глубоком месте наливалось тяжелым ультрамарином океанских глубин. Задача нехитрая: протянуть ходовой конец (100 метровый капроновый линь 8 мм в диаметре) на предельное расстояние и закрепить его. После долгих размышлений решаю затащить в самый конец два тракторных трака, подобранных на поляне возле озера, к которым через альпинистский овальный карабин закрепить конец веревки. Планируемая глубина погружения 30 м. В напарниках у меня – Мохунов Игорь.

Его опыта хватает метров на 15, поэтому договариваемся, что он будет дожидаться меня на этой глубине перед щелью. Начав погружение на десять минут позже, он подстрахует меня и будет живым

резервом при моем возвращении. Начало не предвещало неожиданностей. Легко и просто достигаю глубины 12 м. Здесь лежит затопленный сорокалитровый транспортный баллон. За его горловину (за вентиль) вяжу начало ходового конца. Транспортник служит якорем и промежуточной точкой на пути с поверхности. Дальше начались мелкие проблемы: изрядный груз (больше 20 кг.) вынуждает передвигаться по дну, одновременно надо следить и за натяжением веревки, чтобы не было слабину. Более-менее благополучно прохожу щель. И тут аккуратенькая бухта веревки начинает разваливаться. Через минуту вокруг меня плавают петли, кольца, «восьмерки». Сражаясь с переменным успехом с этими «лаокооновыми змеями», достигаю глубины 30 м.

Еще метров 20 по горизонтали – и моя миссия закончится, как вдруг что-то крепко цепляет меня и не дает двигаться вперед. Отпускаю траки на дно и пытаюсь разобраться в ситуации. Петля захлестнулась где-то на акваланге, руками достать не могу, приходится снимать баллоны, но в поднятой мути ничего не вижу. Всплываю в чистый слой: все ясно. Каким-то образом веревка попала в кольцо включателя резерва (за спиной у меня «Украина-2», забитая до 200 атмосфер), где и затянулась незатейливым «бабским» узелком. Поскольку все усилия были направлены перпендикулярно направлению тяги, то резерв даже не включился, несмотря на то, что кольцо прилично (на целую треть!) разогнуто.

Надеваю баллоны на плечи и делаю непростительную глупость: медленно погружаясь во взбаламученную воду, отстегиваю страховочный ус от ходового конца (мне кажется, что так проще выпутаться) и тут же теряю его. «Спокойно», – командую сам себе. Лихорадочно пытаюсь найти пропажу, а тут еще срабатывает резерв. Воздух, доселе спокойно омывающий легкие, теперь с трудом находит путь к альвеолам. На поясице разливается огнем пятно, будто кто поставил стакан горячего чая, а внутренний голос (и откуда только взялся, до этого ни разу не общались!) заинтересовано так произносит: «Ну, писец тебе, Евдокимов».

Автоматически дергаю за кольцо резерва и подвсплываю наверх. Сразу с «дыхалкой» все налаживается, вот только «рвать» отсюда нужно немедленно. А куда? Моя нить Ариадны где-то там, на дне. А там, внизу, клубится взмученный ил, по сторонам расходятся стены прохода. Кажется, они сужаются книзу. Значит, ходовик там. Растопырив руки, падаю обратно в муть. Есть! Вот он, родимый! Нахожу на ощупь свободный конец и немедленно начинаю тянуть его, помогая себе ластами.

Но, видно, адреналинчику мне сегодня судьба не додала – тут же кончается и отпущенный мне резерв. Нехотя, словно цедя сквозь зубы, редуктор по капле отпускает мне остатки – один вдох... второй... А я тяну и тяну ходовик. Уменьшающаяся глубина дарит мне еще глоток воздуха, за глотком – глоток.

25 м – выдох, медленный вдох; мелькает галечный участок.

20 м – выдох... – вдох; ходовой конец теряется среди уступов, но это просто: подвсплыть, изогнуться, теперь сюда и дальше опять по просторному ходу.

18 м – во мраке парит Мохунов, изумленно таращит сквозь маску глаза на невиданное зрелище: несется человек, будто грешник удирает из преисподней, сбитая каска тащится на привязи шнура налобника, поправлять ее нечем – руки-то заняты ходовиком.

Объясняться времени нет. Учитывая замедленную реакцию Игореши, обхожу его и с очередным вдохом-выдохом уже на двенадцати метрах.

Удивительно, но успеваю контролировать скорость подъема, иду, не обгоняя воздушные пузыри (ситуация мной контролируется, хотя грудь и рвет удушье, но только баротравмы легких мне сейчас

и не хватало) на выдохе.

9 метров – баллоны, кажется, уже вывернуты наизнанку, но один неполный вдох сделать мне удается.

Надо мной светлеющий свод поверхности, и я из последних сил пробиваюсь к ней: главное теперь для меня – не сделать первого вдоха, не пробив головой водную гладь (во будет смеху – захлебнуться в полуметре от поверхности! обхохочешься!)

Все!!! Судорожно глотаю полной грудью драгоценный воздух! Здесь его: ешь – не хочу.

На поверхности – мирная картина: не торопясь плавает плот, удобно облокотившись на камеру, сидит в «полном боевом» Дима Курочкин, ярко светит солнышко, жизнь хороша и жить хорошо. Отплеываясь, на боку, доплываю до берега. Мне привычно помогают выбраться на берег и хронометрист буднично изрекает:

– Время погружения 19 минут.

Н-да!... А говорят, что вспоминается вся жизнь.

Почти сразу, только отдышавшись и осмотревшись, забираю полные баллоны и ухожу доделывать работу. Самочувствие отличное, и всего 12 минут мне требуется, чтобы обтянуть ходовой конец, выбрать слабину, перенести траки до конечной точки.

* * *

Многочисленные погружения медленно, но неуклонно увеличивали суммарный результат.

Теперь, чтобы пройти против течения реки, нужно было преодолеть две перестежки и 220 метров хода, вначале ныряющего на глубину 30 метров, а затем плавно поднимающегося до -18 метров.

В одно из погружений 1981 года среди щелей и трещин удалось погрузиться до глубины 56 м.

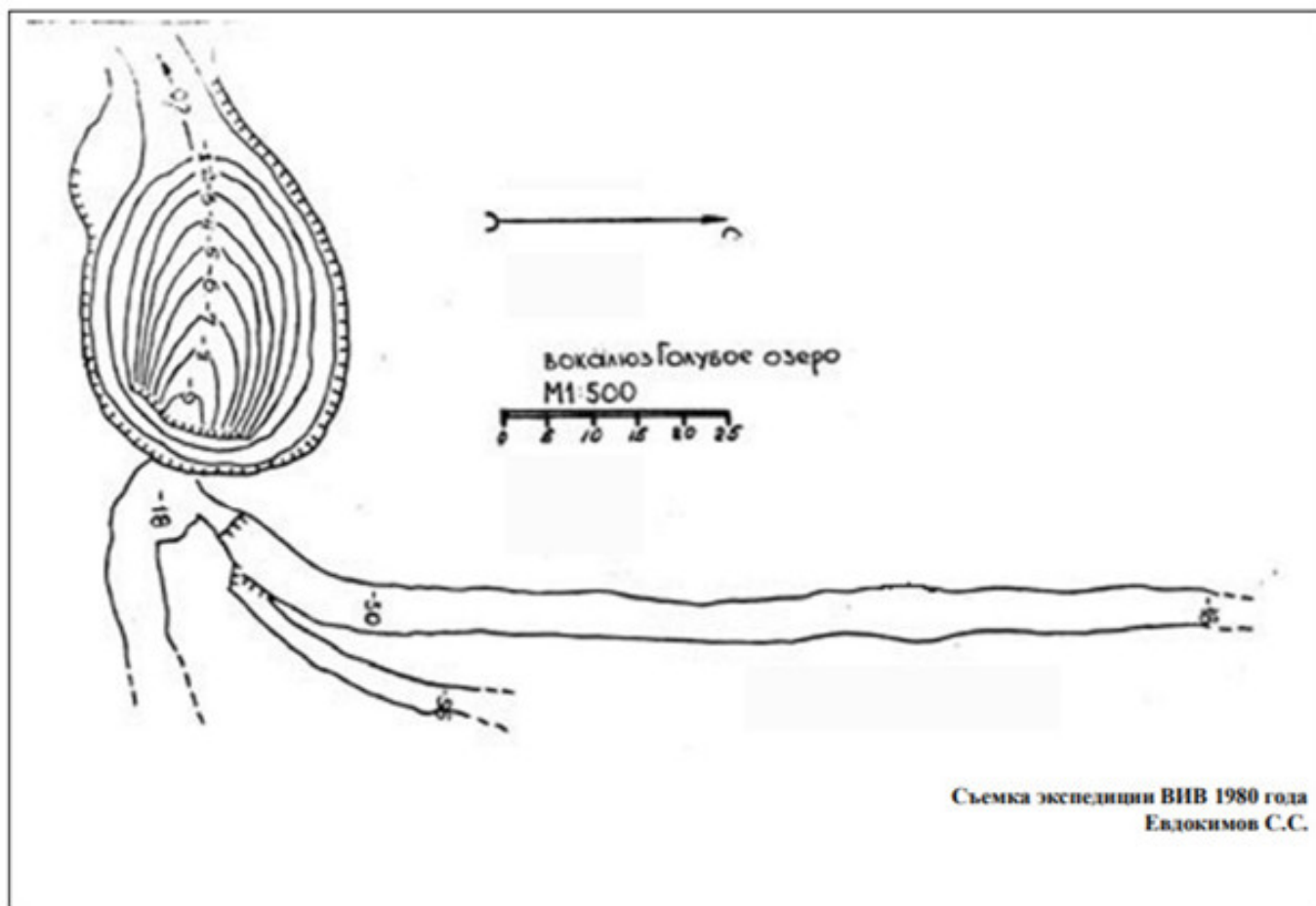
Кажется, это были рекордные для того времени результаты. Кроме основного хода, протянув-

шегося в меридиональном направлении, был пройден ход, идущий параллельно руслу Чусовой, в сторону воронки на правом берегу и в километре выше по течению. Погружения в ней не дали положительного результата.

Погружались в озеро и участники Всесоюзного семинара спелеоподводников (1983 г.). Но эти погружения носили скорее демонстрационный характер. Были и еще приключения.

В сезон 1982 г. умудрился заработать кессонку. Двое суток в барокамере – удовольствие сравнительно небольшое. Так мы подошли к практическому пределу своих физических и технических возможностей.

Потом много сил стала отнимать Бзыбь.

Школа Алек-1979. Дневник начальника лагеря

4 ноября

Этот день начинается, как и все 365 дней в году в 24.00 предыдущего дня. Во всех квартирах гаснет постепенно свет, только у нас в клубе гудит спелеонарод. Наш самолет вылетает в Москву в 5.00 местного времени, и чтобы никто не опоздал, решаем собраться в клубе.

«Тетки», как обычно, молчать не могут патологически, стрекочут, не переставая. Мне кажется, что работу они не закончат никогда.

В углу, у умывальника, бурлит на примусах какое-то варево. В клубовский самовар (он еще с лета не работает) для ускорения процесса закипания кто-то находчиво сунул кипятильник (сгоревший, если я не ошибаюсь, еще недели две назад) и терпеливо ждет, когда закипит вода. Это, конечно, Игорек.

В час ночи ужинаем гороховым супом. Чей-то голос поинтересовался про чай. В коридоре громко заржал Мохунов и всем становится ясно: «Не будет чая».

В углу, возле «Шмыревки» (так в простонаречии называется кладовка с секционными снаряжением – по фамилии секционного завснара Шмырева Валеры), Коля Баранов трясет Пономарева Сашу (извечная борьба завхоза и казначея), стараясь вытрясти дополнительные деньги на какие-то свои завхозовские нужды. Урезонил, но надолго ли?

Чтобы не терзать своим мрачным видом окружающих и не трепать собственные нервы, заваливаюсь спать на рундуки.

Вообще-то уезжаем мы на неделю позже, чем планировали.

Когда две недели назад из Москвы вернулись заявочные документы на проведение спелеолагеря, ждала нас в сопроводилровке малоприятная неожиданность в виде неприметной строчки, гласившей: «Начальник лагеря не может работать инструктором, как не прошедший ПЕРЕАТТЕСТАЦИЮ (выделено мной)», поставившей нас в тупик.

Какая переаттестация?

Да, весной приходило письмо, в котором предлагалось пройти семинар ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ инструкторов (выделено мной), прилагался список фамилий, чьи обладатели рекомендовались для прохождения такого семинара.

В другом списке давался перечень методических рекомендаций, которые необходимо было подготовить соискателям новых званий.

Повышение квалификации в секции, имеющей всего двух инструкторов, мы сочли излишним, поэтому на семинар никто не поехал. Результат не замедлил сказаться уже осенью. Но каково?

Инструктором начальник быть не может. Хотя если покопаться в той макулатуре, что засыпала Централка подчиненных, то оправдание можно было бы и найти.

Спорить, однако, не стали. Затеять спор – значило сорвать мероприятие. Поэтому, воспользовавшись телефоном, инструктора нашли. В Крыму.

Но пришлось перенести мероприятие на неделю. А это значит: нужно сдать билеты, и не один, а два десятка. Кроме того, нужно еще и купить на ближайшее время билеты до Сочи, и тоже, как вы

понимаете, не один. В результате лететь приходится с пересадкой в Москве. И уже на месте, в Сочи, приобретать билеты на обратную дорогу. Наконец, нужно всем участникам затеваемого мероприятия на неделю перенести свои отпуска-отгулы.

Тем не менее...

4.30 утра. У подъезда клуба стоит два крытых ГАЗ-69, добытых стараниями Желудкова и Горынычева (это небольшие, но приятные издержки взаимного дублирования).

Как ни странно, но все дела сделаны. Грузим снаряжение и большую часть народа. Все время не покидает чувство, что рюкзаков у нас больше, чем надо, в два раза (в этом году нас почему-то везде сопровождает море вещей). Петеримов с избранными проделывает с блеском привычный трюк: до аэропорта на такси (в этот раз «Волги» всего две).

Регистрация багажа. У нас изрядный перегруз. Чтоб не платить деньги – они у нас далеко не лишние – проделываем старый трюк: в углу под лесенкой надеваем гидрокостюмы (шесть кило каждый) и летим в них до Москвы. В Домодедово, став тесным кругом, разоблачаемся прямо посреди зала. Вызывая веселое недоумение у окружающих.

Тем не менее, некоторую сумму приходится платить. Потому-то у кассы прыгает с квитанциями растерянный в конец, потерявший весь свой апломб казначей – не может пробиться к окошечку кассы, – оробел вдруг при виде плотной толпы отлетающих. Запихиваю его в серединку, выслушивая попутно массу «комплиментов» от жаждущих лишнего билетика.

Грузимся в самолет. Улетаем. В Домодедово «покупаем» автобус, практически по госцене, который достаточно быстро (всего-то за 1 час 20 мин) перемещает нас с вещами во Внуково.

Несколько часов ожидания (желающие едут в столицу) – и под вечер плотной группой мы медленно продвигаемся вдоль деревянного забора, ограждающего какую-то стойку к трапу сочинского рейса.

Среди легко одетой и нарядной публики (в Сочи на три ночи?) мы выделяемся наличием серьезного багажа и походной одеждой. Денег за багаж с нас, правда, не берут, но свои мешки грузим в самолетное нутро мы сами.

Уже на трапе, на громкий петеримовский возглас стоящий ступенькой выше стройный подтянутый мужчина стремительно оборачивается, просяив лицом:

– А-а-а... Спелеологи! Пермьяки! Куда путь держим?

Личность его мне знакома, несколько лет назад в Центральном совете по туризму он отвечал за развитие спелеотуризма. Сейчас – начальник Контрольно-спасательной службы Центрального совета по Туризму. Для нас начальство не маленькое.

Стуков Генрих Александрович.

Здороваемся. Нам его только и не хватает.

Летим вместе: он в отпуск, мы тоже... в отпуск.

Почти половину полета весьма бесцеремонно бросив свою симпатичную попутчицу одиноко скучать в кресле, он сидит среди нас, говорит про всякие разности, заигрывает с нашими девочками, в общем, ведет себя по-свойски.

Договариваемся, что 16 числа нас на Алеке посетит высокое начальство с инспекцией.

В Сочинском Аэропорту Стукова ожидает машина с подчиненными: сочинский начспас Гриша Горлов с инструкторами. С Горловым я знаком чуть, виделись на каком-то семинаре по безопасности. Ему не до меня, поэтому здороваемся кивком и фразой, что завтра зайдем в службу зарегистри-

роваться.

До Хосты добираемся на частнике. Ночь планируем провести на Хостинском вокзале. Сгружаем снаряжение в угол, и я отпускаю всех желающих побродить по Хосте до 12 ночи. В результате сижу в одиночестве, караулю вещи.

Впрочем, одиночество непродолжительно. Сначала появляется Ижевск в лице Литвинюк Тамары, потом подходят харьковчане: Божко Саша и Олимпиев Игорь. Мы все уже знакомы, они проходили у нас лагеря первого года.

Ближе к полуночи в зал заваливается компания со станками. Поговору определяю – москвичи. Креатура Илюхина. Группа МФТИ, руководитель Петров. Мило поговорили: у них в планах Заблудших. В плане заброски готовы действовать вместе с нами.

5 ноября

С утра на первом автобусе добираемся до Илларионовки. Москвичи, очевидно, не выбрали еще свою норму сна и просили их не беспокоить.

В Хосте остается Леня Петеримов и Саня Пономарев, отмечаться в КСС и покупать обратные билеты. Леня у нас отец по всяким чиновничьим играм. Саня смотрит, как это он делает, перенимает опыт.

На центральной площади Илларионовки договариваемся за сугубо символическую плату с водителем Газ-66 об аренде его транспортного средства. Оставив у вещей трех грузчиков, и налегке, сквозь плантации самого северного в мире чая (красноярский), спускаемся к ручью.

Легкий перекус у насосной станции – и нас настигает тентованный ГАЗ. Грузимся в него, и минут через двадцать я стою посреди Буковой поляны.

К часу дня прибывают наши вещи.

Погода стоит прекрасная. Настоящее Бабье лето.

Начинаем благоустраивать лагерь. Большинство участников лагеря на Алеке впервые, поэтому особенности обустройства быта Буковой поляны для многих непонятны и удивительны. Все эти сушилки, настилы, столовые и пр.

Терпеливо объясняю про особенности погоды, но синее небо – не слишком убедительная иллюстрация моим страшилкам. Работаю с прохладцей.

После обеда веду весь наличный состав лагеря на обзорную экскурсию по балке Заблудших, через грот Барибан, мимо шахт Осенней, Навзоровской, Величественной к Географической. Затем через ТЭП к Ручейной мимо Школьной и Заблудших. Обрато спускаемся по лесовозной дороге на Буковую поляну.

Мы уже возвращаемся с экскурсии, когда мимо проходит Петровская группа. От предложенного чая отказываются. Единственно, с Петровым обговариваем сроки работы на Заблудших, у них она единственный объект и будет занята три дня.

Петров же сообщает, что у нас какие-то неприятности с документами (опять совет все напутал?).

Практически вместе с москвичами, минут на десять раньше них, появилась Света Каргополова. Правду говорят: «Язык до Киева доведет». Поехать с нами не смогла из-за какого-то несданного зачета. Вчера она его сдала на «отлично», произведя должное впечатление на маму, и, купив билет на самолет, предстала перед нами.

Столь молниеносное перемещение ее в пространстве объясняется банально просто: в Аэрофлотовских кассах работает ее соклассница, которая, сняв какую-то бронь, устроила подруге место на сегодняшний прямой рейс. Вот потому-то на дорогу у нее времени ушло в три раза меньше, чем у нас.

Света знала всего два ключевых слова: Илларионовка и Буковая поляна. Вот по этому-то, с позволения сказать, адресу, порасспрашивав местных жителей, она и нашла нас. Глаза горят, впечатлений масса, и все-то у нее в превосходной степени. Люди, горы, погода.

Поздно вечером, уже в синих сумерках, возвращаются наши ходоки.

Все наши проблемы – от бюрократической несогласованности.

Наши чиновники (Сысоев Николай – инструктор совета) уверяли, что командировки нам хватит за все про все. В Сочи же требуют весь комплект заявочной документации (то, что мы отправляли в Москву) полностью.

В процессе длительных переговоров договорились, что для КСС наверное хватит и просто телеграммы от нашего совета, что мы – это мы. Ходоки телеграмму отбили, но вот ответ получим только завтра, посему работать мы сможем на дырах только после получения ответа из Перми. А Лене с утра опять пилить в Сочи.

На сон грядущий у костра рассказываю про особенности работы в обводненных пещерах; про паводки и отсидки и вообще про правила поведения в горах – слушают внимательно. Люда, теперь уже Вотинова, шепотом сообщает, что я, кажется, публику застращал.

6 ноября

Утром Дима Курочкин сиплым голосом, переходящим на фальцет, орет: «Лагерь, подъем!» Это значит, московское время 6.00 и наш лагерь зажил по распорядку.

Поляна с трех сторон окружена горами, а в том направлении, где их не видно – море. Впрочем, мы при всем желании увидеть его не сможем.

Высоко над головой, на чернobarхатном небосводе, среди колючих предутренних звезд – ослепительно серебряный диск полной луны. Там, где должно быть востоку, контур горы подведен серебряной нитью, отделяющей земную твердь от чуть розовеющего предутреннего небосклона.

Черные тени деревьев на залитых лунным светом полянах. Опавшие листья кажутся мириадами серебряных чешуек, покрывшими все окрест.

Пока строились, пока бегали на зарядку – за горами рассвело.

А у нас еще долго держатся синие сумерки. Что наступил погожий день, говорит только западный склон горы, вдруг укрывшийся червленым золотом, да пронзительная лазурь небес. Над черным восточным склоном раз за разом взмывают вверх пригоршни серебряных блесток. Если внимательно присмотреться к ним, то обнаружится, что это стаи неведомых птиц парят в восходящих потоках... Только минут через сорок день вступает в свои права и у нас на поляне.

Чуть свет, наскоро перекусив, в Сочи уходят Петеримов и Пономарев. Им доделывать недоделанное. Пока они не вернутся с добрыми вестями, мы вынуждены будем заниматься наземной подготовкой.

После завтрака отделения сдают физ.нормативы. Девочек слегка покачивает. Мужская половина держится с достоинством. Как и планировалось, второе отделение (инструктор Вотинов) выделяет-

ся и физической подготовкой (это наш небольшой подарок молодожену). Дети (так с легкой руки преподавателя географии Люды Вотиновой зовутся теперь наши слушатели) радуют нас бесконечными «выдачами».

Абакумов Женя задумчиво спрашивает:

– Сергей Сергеевич, а аккумулятор «Украина» сколько весит?

Не чувствуя подвоха, отвечаю механически:

– Около двух килограмм.

– А напряжение на лампочке?

– Около четырех вольт. Точнее, 3,75 вольта. – Женя что-то подсчитывает про себя и торжественно провозглашает:

– Получается восемь киловольт. В сыром помещении нельзя работать.

Оля П., хрупкое создание, папа которой (полковник ракетных войск, между прочим), не удовлетворившись долгой телефонной беседой со мной, пришел лично удостовериться, что люди мы серьезные и жизни дочери его ничего не грозит (уходя, взял с меня страшную клятву ни полсловом не проговориться Оле), в обед за столом вдруг капризным тоном спрашивает:

– Дежурные! А почему спагетти не смаркировано? – и внимательно смотрит, как мыотреагируем.

Женя, не Абакумов, другой. Громко объявляет: «Если кого обидит Евдокимов, пусть подходит к Сидорову, тот будет храпеть ему на ухо».

Все утро Валуйский пытается навесить веревки на буки. После многих попыток это ему удалось, в результате мы имеем два великолепных «банана» для тренировок.

Услыхав экзотическое название, Женя Абакумов живо интересуется: «Сергей Сергеевич, а что, здесь бананы и вправду растут?» «Растут, растут», – отмахиваюсь я от него. А зря, мы вскоре начинаем собирать «урожай».

Не успеваешь на «банан» подняться Лена Русина, как замечаю, проходя мимо, нечто, от чего все стынет в груди. Концы абалковского ремня медленно, но неуклонно ползут из-под пряжки. Это страховочный карабин попал под пряжку, оттого и такая неприятность. На страховке сидит стажер Зарницин и заливает девочкам за «суровую спелеожизнь», вместо того, чтобы смотреть, что под носом делается. Грубо обрываю лирику и, стараясь казаться спокойным, прошу Лену замереть и не шевелиться.

Кого-то бегом гоню к палатке за спальным мешком-одеялом. По возможности тихонько собираю всех, кого вижу в окрестностях. Приносят одеяло. Его растягиваем, взявшись за края (хоть какая-то амортизация). Неугомонный Женя Абакумов шепотом спрашивает: «Это вы нарочно? Чтобы мы прочувствовали?» Ну, все знает человек, даже то, чего не знает никто.

Стажер поднимается по рапели и, перекинув через сук запасную веревку, вяжет булинь на груди «урожая». Плавно спускаем его вниз.

Вечером на инструкторских посиделках разбор полетов. Сказал все, что думаю о «стажерах».

7 ноября

С утра праздник, девчонки украсили лагерь шариками, инструктора и спасотряд – с красными бантами. Это все его приметы.

Я со своим отделением ухожу на навеску Ручейной.

Вотинов с Петеримовым – на Географическую, к ленинградцам.

В 9 утра вышли. Дошли в 10. Спуск начали в 11.00. Множество мелких приключений, в том числе и короткие веревки (на 54 метрах), пришлось перевязывать.

Это ведь не наземная тренировка, и у всех все пошло в разные стороны.

По окрестным горам шастает стадо Назаровских свиней. Собирают урожай буковых орешков, которых в этом году видимо-невидимо.

Стадо большое, но близко к себе не подпускают. И правильно делают. У наиболее агрессивной части мужского населения в глазах «мальчики кровавые», причмокивают, мечтательно жмурятся, строят предположения. Один из «охотников» доводит меня до белого каления, и я вежливо так рекомендую уйти с моих глаз, чтоб не видел его.

Он исчезает. Несколько позже (около часу дня), уже сидя в завале перед первым колодцем, нас нагоняет Дима Курочкин и тихонько отзывает меня в сторону. Поднимаюсь на пару уступов к нему:

– В чем дело? – спрашиваю.

– Пономарев свинью убил, – глухо проговаривает Димыч. Я сажусь, где стоял.

– Большая? – только и нахожу, что спросить.

– Да побольше тебя, – радуется меня двусмысленный ответ.

– Как? – невнятно требую подробностей.

– Топором два раза ударил, она даже хрюкнуть не успела.

Д-да. Придется как-то улаживать еще и это осложнение. Прошу срочно прислать завхоза, пусть разбирается. Теоретический убыток рублей в 400.

Да, подтверждается закон, выведенный в Чусовской экспедиции этого лета: если в экспедиции даже теоретически что-то может приключиться, то это произойдет обязательно с Пономаревым.

До 16.00 с большим трудом дошли до Большого колодца.

Часть отделения отправляю на поверхность, четверка наиболее сильных со стажером идет в Нудный ход.

Спасотряд не сидит на месте. Прибежали москвичи. У них пропало два человека. Не вышли вовремя из-под земли.

Хроника:

15.15 Поступило сообщение о невыходе «двойки» в составе: Князева, Князевой и группы МИФИ, рук. Петров, работающих в Заблудших.

15.20 Выход спасотряда в составе: Петеримов, Валуйский, Аликина, Сидоров, фельдшер Мальцева.

15.37 Спасотряд на месте. Выясняют подробно, что и где произошло. Поскольку связь с ПБЛ в Обвальном зале, где находится Петров, назначена на 16.00, решают ждать сеанса связи.

16.00 Петров высказывает предположение, что задержка могла произойти из-за неисправности самохватов. «Двойка» вышла из лагеря 200 в 8.00. Время выхода на поверхность 12.00; контрольное время – 14.00.

16.10 Двойка спасателей: Сидоров, Валуйский, выходят в Заблудших со своей навеской и связью.

16.15 Первый уступ, потеря веревка МФТИ.

16.23 Второй уступ. 8 мм веревка МФТИ, до дна не хватает около 3-х метров. Под уступом сидит двойка МФТИ в хорошем состоянии (так в отчете начспаса). Причина проста – нет света. Выводы спасателей: «Просрочено контрольное время, нарушено ТБ в части отсутствия запасного источника

света, отсутствие постоянной связи двоек, некачественная навеска снаряжения».

Завтра несут акт на подпись выходящему Петрову. Играть в официальные игры – так играть (с последним пунктом акта он не соглашается).

Вечером на инструкторском совете слушается дело «свиноубийцы» Пономарева.

Свидетель Дима Курочкин:

– Я из палатки выглянул (палатка дежурного по связи у входа в Ручейную), смотрю – Пономарев крадется, я его спрашиваю: «Ты чего? На свиней охотишься?» Он ничего не ответил. В кустах исчез и оттуда два глухих удара, да рыкнула обреченная скотина. Мне дурно стало. Я аж из палатки выпал. Бешеный Гари, чисто Бешеный Гари.

По свидетельству других очевидцев злоумышленник крался к жертве, благодушно валяющейся в воронке, наполненной доверху опавшей буковой листвой, сильно согнувшись, томно похрюкивая и шурша листьями левой рукой, правой рукой, предусмотрительно спрятанной за спину, он сжимал топор.

По его утверждению, мое прочувствованное «убирайся со своими бреднями, чтобы я тебя не видел» понял он дословно.

Поэтому, дождавшись, когда я уйду под землю, выбрал объект вожделения и, маскируясь описанным выше способом, прокрался к разомлевшей от неги свинье.

Приблизившись на расстояние полуметра, с тяжелым «К-ха!» он нанес всего два удара. После чего потерявшая бдительность хавронья затихла навсегда.

На вопрос: «Зачем?», – тянет невнятно, мол, затмение нашло, ребят свининкой хотел накормить. Про то, что свиньи имеют хозяина, он как-то в расчет не берет.

Нелепость события. Все свиньи ближе пяти метров никого не подпускают, убегают. А эта обмишурилась.

Люда Вотинава невинно предположила:

– Она-то думала, что ты с благими намерениями, а ты? Так девушку обманул...

У инструкторов истерика. Хохот стоит... Потерянный Пономарев ничего не понимает: «Вы хоть бы ругали...»

Дико, нелепо. А вот последствия грядут вполне реальные.

Отрягается группа по ликвидации последствий из знающих толк в охоте.

8 ноября

Просыпаюсь под мерный и неторопливый, как бы с ленцой, шорох дождевых капель по натянутой серебрянке крыши. Дежурные уже хлопочут у костра, готовка идет полным ходом. Дождик нам не помеха. Кухня прикрыта полиэтиленовым тентом, впрочем, как и сушилка, и столовая, и все, что может промокнуть.

Дежурный инструктор командует подъем. Неторопливо строится весь лагерь и после неотложных утренних дел отправляется на зарядку. В общем, все по плану.

Спасотряд выходит со дна шахты – так должно быть. Дождь идет монотонно, ни на минуту не прерываясь.

Уже сидим за завтраком, когда он как бы приостанавливается, делает короткую паузу с минуту и начинает молотить по пленке весьма интенсивно, однако не переходя в ливень. Минут через трид-

цать сбавляет темп до прежнего: с ленцой.

К девяти утра отделения расходятся по объектам.

Шура Вотинов торопится на встречу с молодой женой, она поднимается из Ручейной. Задача у его отделения – выемка снаряжения от Обвального зала до поверхности.

Ничего не предвещает неприятностей.

Хроника спасработ, составленная по журналу телефонных разговоров (последующие комментарии мои).

Со дна Ручейной отделение выходит двумя группами: Валуйский, Вотинова, Аликина и Петеримов, Сидоров, Желудков.

08.15 На поверхности дождь усиливается и идет в течение полчаса весьма интенсивно.

08.20 Первая группа подошла к шкуродеру (дно колодца 10 м). Звонок на поверхность дежурному Николаю Б. Справка о погоде. Коля спокойно отвечает: «Дождь усилился, но вы еще успеете».

08.30 Первая группа в шкуродере.

09.00 Выход отделения Вотинова (6 человек) на выемку снаряжения в ш.Ручейная.

09.45 Вторая группа выходит в шкуродер.

09.45 Валуйский отмечает увеличение расхода воды в шкуродере.

10.45 Первая группа выходит из шкуродера, вдоволь нахлебавшись воды. В лагерь отправляется посыльный с известием, что одна группа отсечена в шкуродере паводком.

11.00 Появление посыльного Исаева Юры в лагере «Буковая поляна».

Не хочу утверждать, что появление Юры было громом среди ясного неба, дискомфорт вполне определенный ощущался, ибо, зная характер Алека не понаслышке, я вполне представлял, чем может обернуться временное усиление дождя.

Дело в том, что впервые в истории отечественной спелеологии с подземными наводнениями (паводками) спелеологи столкнулись именно тогда, когда приступили к изучению кавказских пещер. Рассказывали страшные вещи: незначительный дождь вдруг вызывал на поверхности волну воды, которая мчалась по поверхности в поглощающую воронку, вызывая небывалый подъем воды в пещере, сметающий все на своем пути. И горе тому, кто не успел забраться повыше. В перечне аварийных ситуаций можно найти несколько впечатляющих примеров.

Постепенно накапливался опыт, и теперь мы знаем, что одним из условий возникновения паводка является и насыщенность влагой грунта на склонах. Грунт способен поглощать вполне определенное количество влаги.

Если количество выпавших осадков превышает эту величину, то вся лишняя влага скатывается по склонам. Попадая в воронки, она резко увеличивает расход воды подземных водотоков, вызывая паводки.

11.10 Отправляются к пещере со спасфондом Зарницин, Мохунов, Олимпиев.

11.20 Отправляется Исаев ко входу в пещеру с запретом Вотинову спускаться в пещеру до окончания паводка.

Вначале была отправлена группа со снаряжением, которое могло бы понадобиться в случае утери части навески. Потом мы вдруг осознали, что молодой муж может рвануть на помощь оказавшейся в сложной ситуации молодой жене, и отправляется Юра со строгим наказом в пещеру не пускать ни при каких обстоятельствах (вплоть до применения физического насилия). Мало ли что...

11.30 Валуйский с группой акклиматизируется на уступе под большим колодцем. О второй груп-

пе известий нет.

Сергей Васильевич, хоть и столкнулся с этой напастью впервые, поступил как зрелый руководитель: обеспечил выход девушек в ближайшее расширение (которое оказалось выходом из шкуродера), поднялся как можно выше (чтобы исключить подтопления) и организовал достаточно комфортные условия для пересидки паводка. Говоря по-простому – отгородил часть замкнутого пространства полиэтиленовой пленкой, разжег примус и напоил подопечных горячим какао, которое сам же и приготовил.

11.45 Из лагеря выходит дежурное отделение (инструктор Евдокимов).

Известно, что до прекращения паводка соваться в пещеру нечего. Можно только умножить негативные последствия. Поэтому терпение в данной ситуации для руководителя главное.

12.30 Дежурное отделение у входа в Ручейную. Валуйский докладывает обстановку. Поток начинает заметно убывать.

Еще через какое-то время можно будет пускать Вотинова для оказания помощи. С Шурой решаю пустить и Пономарева, он «роет копытами землю», стараясь отбелить впечатление о свинском деле. Где-то в половине второго выпускаю двойку на разведку.

14.05 Вотинов на дне большого колодца. В колодце все еще много воды.

14.15 Пономарев на дне большого колодца. Из шкуродера вытаскивают Сидорова. Где остальные – неизвестно. Сидоров отвечает невразумительно.

14.25 Сидоров чувствует себя нормально. Где остальные – не знает. Со дна уходили все вместе.

Тут меня настигают кошмары. Почище «Капричос Гойя» будут... Позы, в которых мне видятся Петеримов и Желудков, вполне достойны кисти великого испанца. Заталкиваю эмоции в самую глубь и стараюсь излучать уверенную озабоченность, что вроде бы удастся.

14.45 Вотинов и Пономарев идут в шкуродер, т.к. поток воды упал не менее чем в 10 раз. И пока они идут по шкурнику, я не отхожу от телефона, с трепетом ожидая известий.

15.25 Группа Валуйского начинает самостоятельный подъем на поверхность.

16.00 Вотинов и Пономарев у выхода из шкуродера. Слышат голоса Петеримова и Желудкова. Они на дне десятиметрового колодца пережидают паводок. Телефон на дно колодца просто поленились протянуть, трубка висит на выходе из шкуродера.

Сказать, что с души у меня свалился тяжелый камень, – не сказать ничего. Испытанное облегчение редко случается в жизни. С группой – киржацкий расклад. Сэкономили, называется. Зачем тянуть десять метров провода до дна, когда можно подняться до трубки и поговорить, решили «экономисты».

Вот подняться-то и не дала мощная струя воды, хлещущая из лаза. Сколько нервных клеток погибло при этом, не знаю даже я, хозяин.

17.00 Приносят новость: потерялся Игорь М. Часа два назад его из лагеря отправили с гидрокостюмом к Ручейной. В районе Заблудших на тропу к Ручейной его поставили ленинградцы и наказали идти прямо и никуда не сворачивать. По словам ленинградцев, он и не свернул, – тропа свернула. На крики не отозвался и пропал.

Решаю про себя, что искать его будут те, кто придумал отправить его одного с гидрой. С утра по завершению «большого» приключения пойдем искать всем лагерем. На улице тепло, градусов 18, так что не замерзнет.

18.50 Желудков уходит в шкуродер, за ним – остальные.

19.00 Пономарев последним уходит в шкуродер, снимает связь.

20.15 Петеримов выходит из шкуродера.

20.30 Вотинов последним выходит из шкуродера.

22.00 Петеримов выходит из дыры.

9 ноября

01.00 Последний из спасотряда выходит на поверхность.

08.00 В базовом лагере появляется посиневший Игорь М. Продрогший, но с гидрой.

На вопросы отвечает как обычно чрезвычайно «содержательно»:

– Где был?

– В лесу.

– Спал?

– Уснешь тут.

– Ты когда на хребет поднялся, горы видел?

– Я там был?!

– Лежал?

– Нет.

– Ходил?

– Нет. Я на дереве сидел, – и повалился спать.

Кроме спасателей и спасенных все работают по графику. На Заблудших делается навеска до Обвального зала.

Каравул! На обед никто не идет!!! За столом сидят и ржут над всеми приключениями одни инструктора. Остальные ходят теньями и молчат.

С Вовкой Сидоровым, кажется, истерика. Ноет, затевает склоку по малейшему поводу, все это голосом истерички. Неужели сломался после шкуродера? Или раньше?

Как выясняется, Петеримов и Желудков вернулись на дно колодца уже из шкуродера, когда пошел вал, вернее, когда они услышали шум несущейся воды. Леня успел соскользнуть вниз с десятиметрового уступа, Саныча практически водой выкинуло из шкуродера, он только успел пристегнуть спусковую. Вовка же вернуться не пожелал и рванул вперед. Заставляю его принять Седуксен.

Честно говоря, я ему не завидую. Сам сидел пару раз на уступах, пережидая паводок, но там были достаточно приличные объемы.

Не забыть и ощущения, когда нарастающий грохот, сродни грохоту метропоезда, несется на тебя, поднимая настоящий ураган.

Еще ходит побасенка: «В горах Западного Кавказа появился снежный человек. Мохун-йети. Роста выше среднего. На голове обильный волосяной покров рыжего цвета. На оклики не отзывается. Взгляд устремлен вдаль. Передвигается огромными шагами».

После отбоя – инструкторские посиделки. И по поводу вчерашнего-сегодняшнего.

Коля оправдывается: «Вы же говорили, что паводок возникает за два часа, ну я решил, что успеют».

Ну, спутал человек «в течение» с «за»... Что там западные мудрецы говорят? Кажется: «Нет такого указания, которое не может быть понято неправильно». Воистину, нет.

10 ноября

Сегодня еще один выход под землю в Заблудших до дна отделения «С» – спасотряд. Ничего особенного, выход, в общем-то, обычный. Вот только возникло у меня жгучее желание слегка усложнить ситуацию. Спасательный отряд, как-никак. Вроде бы как прохлаждается. Вот пусть немного поработают. Задумано – сделано.

Отзываю в сторону Леню Петеримова и объясняю предполагаемый сценарий дальнейших событий:

– Учебные спасработы нужны? Нужны. Вот давай и проведем их, но так, чтобы знали об этом только два человека: ты и я. Чтобы все на полном серьезе. – Леня легко соглашается, и я развиваю свою задумку.

– Вы уходите в дыру на ночь. Часа в четыре начнете спуск. Со всеми делами где-то около полуночи будете на дне. Часам к восьми подниметесь до Обвального зала. Это -200 метров. Отдохнете, поедите, и ты сделаешь наверх телефонный звонок. Скажешь, что Сан Саныч сломал голеностоп и его необходимо поднимать с посторонней помощью. Я жду звонка здесь, на буковой поляне, и начинаю спасы, как положено. Вы при подходе спасателей уходите наверх, а мы Саныча вытаскиваем наверх сами. Годится?

– Годится.

– Значит, договорились: ты звонишь из Обвального зала и говоришь, что Сан Саныч сломал голеностоп. После чего я начинаю спасработы.

Выход группы из лагеря «Буковая поляна» в 12.30. В Заблудших идут: Петеримов Леня, Валуйский Сергей, Желудков Александр, Сидоров Володя, Аликина Иулиания (просто Лилька), Дякова Маргарита (просто Рита).

11 ноября

Все как всегда, живем по распорядку: подъем, завтрак, развод на занятия (то бишь пещеры). Только что-то нет у меня желания идти со своим отделением так далеко (Величественная – экскурсия и Нудный ход Географической). Все уже разошлись, отправляю со стажером свое отделение, обещая догнать. Придумываю себе дела в лагере. Наконец-то дождался.

Хроника:

11.30 Сидоров из Обвального зала – Курочкину в дежурной палатке у входа в пещеру: «Желудков подвернул ногу. Ходить не может. Ждем помощи и указаний». В базовый лагерь отправлена Лобанова Лена с сообщением о возникшей аварийной ситуации.

11.45 Лобанова в лагере. Сообщение воспринимаю как должное, только ждал его раньше, часиков в восемь. Где они там прокопались?

11.50 Лагерь построен (дежурное отделение – все на выходах). Выход тройки со спасовским снаряжением (Зарницин, Горшков, Олимпиаев). Горынычева отправляю за своим отделением с приказом идти на Заблудших.

11.55 Выход дежурного отделения с дополнительным снаряжением.

12.12 Дежурное отделение у входа в Заблудших. Выяснение обстановки. Желудков говорит, что просто подвернул ногу, спускаясь в Обвальный зал (! – по плану в это время они должны поднимать-

ся).

Петеримов: «Мы вчера не вышли, наши циклы не совпали, вышли только сегодня в 06.30. С ногой все в порядке, просто ушиб, но наступать не может». Я бы их с этими циклами пришиб. Периодически возникают разговоры про наличие эмоциональных, физических и прочих циклов различной периодичности, рассказываются удручающие истории, связанные с совпадением минусовых фаз и наоборот. Не верю в них потому, что сам несколько раз вел дневники, где отмечал колебания своего самочувствия, потом проводил расчеты, и ни разу не совпало даже близко. Наверное, не все так просто, как пытаются представить пропагандисты этих идей. Знаю только менструальный цикл, этот точно нужно учитывать.

Раньше было просто: запланировали – пошли, и никаких тебе циклов.

И вообще интересно, как это у шести человек, родившихся в разное время, совпали все три цикла. Одновременно? Сильно подозреваю, что была там припрятана «ампула» некоего лекарства, и группа решила оттянуться. Могу пальцем показать на закоперщика.

12.18 Информация успокаивающая. Поскольку учебные спасработы планировались на Заблудших, решено:

Разрешить группе продолжить нисхождение, обеспечив надлежащий комфорт Желудкову.

Спасотряд перед спуском накормить. После чего назначать спасработы по плану.

13.30 Начат спуск спасотряда.

14.50 Спасатели на дне 35-метрового колодца. Осмотр пострадавшего обнаруживает сильную гематому голеностопного сустава и четко выраженный болевой рефлекс. Пострадавшему накладывается тугая повязка с иммобилизацией левой ноги специально принесенной жердью.

15.22 Начинается подъем пострадавшего со дна Обвального зала.

17.50 Пострадавший на дне 40-метрового колодца.

18.30 Начало подъема на 40-метровом колодце.

20.00 Пострадавший наверху 40-метрового колодца.

Процедура проста. Пока пострадавшего с помощью полиспаста и противовеса (наше с Остьяновым В. изобретение для себя еще в 75 году, здесь же, на Заблудших) подтягивают на колодце, на следующем колодце навешивается очередной полиспаст, готовится горячий сладкий чай и укрытие из пленки с горящим примусом.

В результате столь горячего участия окружающих уже перед третьим колодцем пострадавший решительно потребовал очистить окрестности от женщин, так как употребленный чай стал активно искать дорогу из организма.

12 ноября

03.00 Пострадавший доставлен на поверхность. Осмотр врачом лагеря подтверждает предварительный диагноз: ушиб.

04.20 Пострадавший в лагере «Буковая поляна».

Где-то около шести утра выходит из-под земли спасотряд. Тихие и задумчивые. Но гонористые.

Только Лилька говорит откровенно:

– Мы думали, что ты нас вернешь на поверхность.

– А надо было? – удивляюсь я.

– Нет-нет, ты что? Но виноваты все равно мы.

«Кто бы сомневался», – ворчу про себя я.

Горынцев из походной палки сооружает импровизированный костыль, и Сан Саныч скачет по поляне, изображая «костяную ногу». Нога его мне активно не нравится, но Вера Ивановна, наш медик, столь же активно против госпитализации и даже иммобилизации, считает, что одного холода достаточно.

До обеда у всех отдых. После обеда забираю свое и Вотиновское отделение и уходим в Заблудших до Обвального зала на выемку снаряжения.

Тема занятия: выемка снаряжения «паравозом».

ПАРОВОЗ, паровозик – на спелеожаргоне способ выемки снаряжения из вертикальных пещер, при котором снаряжение не укладывается на каждом уступе в транспортные мешки сразу после снятия, а поднимается непрерывной цепочкой, при этом снаряжение предыдущего уступа пристегивается к снаряжению следующего.

Способ предполагает наличие на каждом уступе человека, контролирующего походное снаряжение, четкого взаимодействия всех членов группы (все участники каждый раз после преодоления очередного колодца последним участником сдвигаются на один уступ вверх) примерно одинаковых по высоте и сложности колодцев.

Теоретически создает равномерную и постоянную загрузку всех участников выброски. При слаженной работе группы дает выигрыш во времени и затраченных усилиях. Но это в теории. Практику будем постигать на натуре.

Распределяю роли в группе, объясняю суть происходящего. Себе выбираю роль нижнего.

Быстро добегаю до Обвального. Сначала отправляю наверх поднятые со дна мешки. Их четыре. И вот первый уступ. 10 метров. Первая проблема: две веревки по десять метров никак не протянуть через сорок метров отвеса. С интересом наблюдаю как мой стажер, Зарницин Юра, выберется из этого положения.

Он поступает просто: дождавшись моего выхода из колодца, цепляет обе веревки к себе и уходит на отвес с самостраховкой.

Мой черед. Пристегиваю к обвязке страховку. Выходить буду со страховкой (второй конец моей страховочной веревки уже привязан к предыдущим двум десяткам), которая к моему появлению на верху колодца уже практически вся уйдет наверх. Мне останется только связать с ней оставшуюся рапель и продолжить путь на следующем отвесе. И так раз за разом.

Постепенно дело налаживается.

Пройдены большие отвесы. Дальше идет серия небольших, метров до семи, колодчиков, подняться по которым гимнастическим мне сегодня просто в кайф.

Однако с каждым колодцем некий незнакомый звук усиливается и не на шутку начинает тревожить меня. Выбравшись на очередной уступ, различаю в усиливающемся гуле еще и ритмичное: БОМ, БОМ, БОМ.

Что за чертовщина такая? Теряюсь в догадках и надаю изо всех сил.

Разгадку обнаруживаю, едва дохожу до края следующего уступа. Колодец почти правильной цилиндрической формы у основания метра три в диаметре, с одной стороны в нем прорезана вертикальная щель, слегка меньше метра шириной, сквозь которую я и должен попасть в него.

Дно колодца устлано изрядным количеством веревки, штук пять из них пересекают колодец са-

мым неожиданным образом и в центре этого хитросплетения две фигуры: невысокий плотный Жорж Абакумов (155 см в высоту) и худой, дон-кихотовского облика Игорь Мохунов (рост 185 см) – источники встревоживших меня звуков. Жорж хорошим голосом тянет основную партию: «Вечерний звон... вечерний звон... Как много дум наводит он...» Собственно Игорь ведет партию БОМ-БОМ. Звуки легко заполняют все окрест, и кажется, песня привольно несется под сводом огромного храма.

Хоровое пение акапелла. Лепота... Блин...

Многие обращали внимание на хорошую акустику этих мест, но вот так воспользоваться ею...

Благостная эта картина нарушается разъяренным Евдокимовым.

– Так, что за консилиум? Почему вдвоем? Почему по веревке топчетесь?.. – да мало ли вопросов может возникнуть у начальства.

Женя стремительно начинает тараторить, преданно заглядывая мне в глаза:

– Сергей Сергеевич, посмотрите, вот моя страховка... вот моя само страховка... Вот страховка Игоря...

– Вот...

– Наверх живо, и всю веревку с собой. Какая тебе здесь само страховка, да тебя в эту щель только пинками и заткнешь...

Господи, до чего же хорошо жить без приключений... Ну, с такими-то, пожалуй, можно...

Выхожу на поверхность уже в первом часу ночи. Последние веревки укладываются на станок, и мы уходим вниз.

13 ноября

Утром, после построения, занимаюсь осмотром ноги Саныча. Состояние ее мне категорически не нравится. Гематома увеличилась в разы, больно уже просто от прикосновения, не говоря о ходьбе.

Принимаю волевое решение отправить пострадавшего в Хосту в городскую больницу с сопровождающим на попутном лесовозе.

Несколько машин тут проезжает за день, вывозят буки огромного диаметра, говорят, что в Австрию.

Горынцев, как старый друг, с удовольствием готов сдать приятеля хостинским эскулапам с рук на руки. Прослышав о готовящемся транспорте в город, активно запросился Женя Горшков. Вернуться он обещает завтра, после обеда.

За завтраком Оля П. задумчиво произносит, утверждая очевидное:

– Они – спасотряд, наверное, потому, что их постоянно спасают, – воистину, устами младенца глаголет истина. Лагерь живет по расписанию.

В сумерках возвращается из Хосты Володя Горынцев. Саныча устроили в Хостинской городской больнице. Не обошлось без курьезов. Местные медики хорошо помнят прошлогоднее появление на Алеке университетского Желудкова. Игоря. Поэтому среагировали на носителя знакомой фамилии однозначно – чуть было не вызвали милицию. К счастью, Володя ситуацию быстро прояснил. Теперь Саныч ждет нашего возвращения в больнице за гипсованный.

Окончательный диагноз – оскольчатый перелом голеностопного сустава. По утверждению медиков, один из осколков мог передавить вену и тогда дело могло кончиться ампутацией.

14 ноября

Третий день стоит сухая и солнечная погода. Даже не верится, что такое бывает. Отделения заканчивают в основном свои программы. Начинаем думать о возвращении.

Во второй половине дня появляется Горшков Женья.

Он отзывает меня в сторону и протягивает какую-то бумагу с сиреневым штампом. «Еще что за напасть?» – внутренне содрогаясь, думаю я.

– Что это? – спрашиваю Евгения.

– Прочти, – просит он, глядя куда-то поверх алексских склонов.

Читаю: «Хостинская городская больница. Справка. Дана Горшкову Евгению в том, что он нуждается в освобождении от тяжелой и хозяйственной работы на две недели. Дата. Подпись. Печать».

Все как надо.

Верчу недоуменно ее в руках. Перевожу взгляд с Горшкова (рост 186 см) на справку и обратно.

– Женья, куда она мне? Кого-нибудь здесь под ружьем заставляют что-то делать?

– Я не хотел... Он сам дал... Я сам могу на кухне... И вообще дрова там... – начинает почему-то стремительно оправдываться он.

Пожимаю плечами. Чтобы сачок, да еще со справкой, – в экспедиции? Оказывается, бывает и такое.

15 ноября

Ничем не примечательный день. День как день. Тем он и хорош.

Ах да, Леня Петеримов выкупил наши билеты на обратную дорогу. Так что в Перми мы появимся 18 ноября, под вечер. Коля Баранов (наш завхоз) прикупил все необходимое для завтрашнего банкета. В случае прибытия контролирующей организации решено встретить ее по-уральски.

Отделения, выполнившие свою программу, занимаются приведением в порядок снаряжения. Везти самолетом алекскую глину в наши планы не входит.

16 ноября

С утра прекрасная погода. Поскольку практические выходы закончены, подъем объявляем на час позже. Сегодня чистим и моем, моем и чистим. Вся поляна в натянутых для просушки веревках, на которых тут же сушится и личное снаряжение.

Высокие визитеры в лице Большого Босса службы с дамой и Маленького Босса с шофером прибывают на УАЗике часа через два после обеда.

Глядя на измученный вид Маленького Босса, я про себя сильно сочувствую ему. Две недели с начальством на отдыхе – нагрузка экстремальная.

Здороваемся, я представляю инструкторский состав и спасотряд. Докладываю о работе лагеря. Демонстрирую журнал выходов и книгу приказов. Большой Босс хвалит и замечает, обращаясь к Маленькому Боссу:

– Но клизму со скипидаром мы им все равно вставим.

Я позволяю себе не согласиться и предлагаю альтернативный вариант:

– Лучше с патефонными иголками, сильнее пробирает.

Большой Босс заинтересованно смотрит на меня, а я тем временем предлагаю пройти к огромному пеньку и перекусить чем бог послал. Большой Босс благосклонно кивает головой и внезапно спрашивает:

– Что обозначает цвет цветных нитей, вплетенных в оплетки веревок?

– Очевидно, год выпуска, – догадываюсь я.

– Правильно. А какая веревка может использоваться сейчас? – я в смущении пожимаю плечами. Увы, так далеко мои знания не простираются. Нам бы веревку хоть какую, желательнее не потертую. В прокате найти что-то приличное сложно.

– По ГОСТ-у веревка имеет гарантийный срок службы – два года, поэтому к эксплуатации можно допустить веревки только с зеленой и коричневой нитями в оплетке, – толковывает Большой Босс (у нас, по-моему, только одна веревка с коричневой ниткой, да пяток с зеленой; остальная веревка помечена голубыми, красными, синими нитками, а половина вообще никак).

За профессиональным разговором доходим до сервированного стола, и Большой Босс удивленно замечает:

– Слушай, Григорий, а нас так на проверках ни разу не встречали.

Леня произносит тост (со свиданьем), и дальше все идет по давно проложенной не нами дороге.

Маленький Босс раз за разом пропускает и на мой молчаливый вопрос тихо произносит: «Скорее бы уже уезжал. Работать не дает совершенно».

Часа через полтора Большого Босса повело вниз, на поляну, где он благополучно запутался в веревках, и, вызволяя его из паутины, без приключений мы доводим Босса до машины, где тепло прощаемся.

Вечером у нас торжественное построение. Коля Баранов роет канавку вдоль выстроившейся шеренги. Мы по команде замираем, он проливает ее припасенным ацетоном, чиркает спичкой: выстроившуюся шеренгу озаряет оранжевый свет полыхающего пламени, фотографии щелкают вовсю затворами.

17 ноября

Последнее утро на Буковой поляне. Собираем и упаковываем остатки снаряжения. Машина должна прийти за нами в два часа.

Последний обед на поляне.

Машина прибывает вовремя. Грузимся. В последний раз обходим поляну, приводя ее в порядок. Негоже гостям оставлять после себя свинарник. И машина трогается.

В Хосте тормозим у больницы, оставляем для разгрузки на вокзале несколько человек, и почти всем составом вваливаемся в приемный покой. Нас выставляют на улицу, пообещав отпустить страдальца как можно быстрее.

Горынцев идет получать пациента, и минут через сорок Санька, сияя как свадебный рубль, появляется в дверях на арендованных костылях. Костыли мы отбираем и, подхватив на руки, несем через город к морю.

Оказывается, он никогда его не видел – и сегодня мы дарим ему море.

18 ноября

Отлет в Пермь. Команда летит в Пермь, а я, пользуясь случаем, лечу в Симферополь. Пантюхин с Козловым приглашали заскочить, пообсуждать планы на лето.

Дома я появлюсь только неделю спустя.

Первый километр

История покорения Киевской к тому моменту была коротка.

1972 г. Киевские спелеологи начинают изучение плато Кырк-Тау.

Две экспедиции этого года (рук. Рогожников В. Я. и Климчук А. Б.) среди найденных 28 колодцев и шахт проходят одну, глубиной 270 м. Ей дают название КиЛСИ (Киевская лаборатория спелеологических исследований).

1973 г. На плато работают спелеологи Киева (общее руководство – Рогожников В.Я.) и экспедиция томских спелеологов (рук. Коржинский Л.Н.). КиЛСИ пройдена до -500м. Поскольку достигнутая глубина шахты выводила ее в пятерку крупнейших в стране, киевляне посчитали нескромным такое название и переименовали ее в КИЕВСКУЮ.

1975 г. После годового перерыва киевляне снова на плато (рук. Крапивникова Т.И.). Был преодолен завал на -500 м. и достигнута глубина -700 м.

1976 г. Сильно возросшая сложность пещеры привела к организации Всесоюзной Экспедиции из двух этапов. Первый этап в составе Киевской и Томской комиссий спелеотуризма. Второй – Крымско-Пермско-Львовско-Красноярско-Самаркандская экспедиция под руководством Пантюхина Г.С. (16 августа – 7 сентября). Эта экспедиция должна была продолжить работу (но, побей меня бог, ни о каких этапах Всесоюзной экспедиции никто из нас, рядовых участников, тогда и не слышал).

Третий этап (завершающий), планировался на 1977 год под руководством Центральной спелеосекции (рук. Илюхин В.В.).

В подготовку включились всей секцией, хотя принимать участие от Перми будут 7 человек: 4 мужика и 3 «тетки» (так у нас ласково называли своих спелеологинь).

Еддокимов Сергей

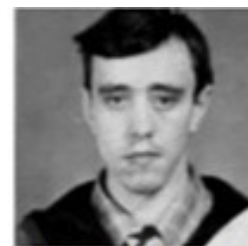
Хлюпина Таня

Алишкина Лилия

Сукрушина Люда

Шмырба Валера

Способ связи с Пантюхиным был прост. Примерно раз в неделю приходило письмо, где Гена задавал пару вопросов по процессу подготовки экспедиции, на которые писались обстоятельные ответы. Поскольку работал он тогда в учреждении государственном, то бумажного голода не испытывал, и вопросы эти, нарисованные размашистым почерком, красовались посреди стандартных листов. Лишь однажды поступила срочная заявка на сгущенку, ибо к тому времени она исчезла не только с просторов Украины, но и с прилавков пермских городских магазинов. Была единственная возможность добыть ее где-нибудь в глухом таежном Уральском леспромхозе. Было снаряжено несколько поисковых экспедиций – и искомое нашли, как всегда, не в глуши, а под боком, под Кунгуром, на единственной в области турбазе «Уральской». Не мудрствуя лукаво, «поисковики» запаковали ее на ближайшем же узле связи в посылочные ящики, которые заколотили огромными (70 мм – не менее)

гвоздями, и шесть пятикилограммовых банок благополучно совершили путешествие в Среднюю Азию, чтобы здесь неслышно протечь мне на штаны. Ну, об этом позже.

Над движущимися пружинами происходящих событий мы не задумывались, просто, как говорится, не брали в голову. Они – пружины-причины – сами стали находить нас.

Первый звонок дзенькнул 5 августа телеграммой из Москвы.

Выезжать мы собирались 12 августа, билеты уже были закуплены, продукты и снаряжение отправлены в Самарканд. Оставались последние штрихи.

Закупить канистры под воду.

Сесть в поезд.

И вот телеграмма.

Из Москвы.

Срочная: «СЕРЕЖА ЗПТ СРОЧНО ПОЗВОНИ ТЧК ВОЛОДЯ ТЧК».

Из моих хороших столичных знакомых лишь один был Володей – Антонов, спелеолог из Москвы. Звоню в недоумении ему.

– Володька, ты мне телеграмму давал?

– Нет. А чего давать? Всегда созвониться можем.

– А кто еще из московских знакомых – Володя?

– Да Илюхин, кто еще? У них там в Централке кипиш какой-то идет.

Выясняю номера телефонов Владимира Валентиновича. Звоню:

– Это Евдокимов из Перми беспокоит, – в ответ слышу напористое:

– Старик! Сережа! Как хорошо, что ты позвонил. Понимаешь, тут такое дело: мы с 16 августа проводим сборы инструкторов на Алеке. Нужны хорошие инструктора. Собирай рюкзак и приезжай. Все вызовы разошлем немедленно... Да, будут чехи, болгары, поляки. Ты ведь хотел связи завязать.

Я молчу, лихорадочно переваривая получаемую информацию. Он ведь знает, не может не знать, что еду с Пантюхиным... Инструктором ХОРОШИМ... Конечно, лестно. Но ведь дважды и дисквалифицировал сам же. Иностранцы... Надо же, запомнил фразу, сказанную несколько лет назад, потом часа два, за обедом выпытывал, кто позволит да разрешит. А убедившись, что никто за этим не стоит, отодрал прилюдно, как мальчишку. Осторожно проговариваю нарождающуюся мысль:

– Володя, – раз мы на «ты», получи, – понимаешь, я обещал Пантюхину. На КиЛСИ. Билеты в кармане, через неделю уезжаем. Все отправлено.

– Старик, – тянет разочарованно мой столичный собеседник. – От Пантюхина ни слуху, ни духу. Даже заявочных до сих пор не прислал. Так что приезжай на семинар, не пожалеешь.

– Не могу я так, Володя. Я обещал. Давай так: я прозвонюсь до Пантюхина...

– Да звонил я ему. Нет его. В поле он.

– ...Я попробую дозвониться... и потом перезвоню тебе... Хорошо?

– Ладно, но смотри – будет поздно. Хоп!

– Хоп.

Такой вот разговор. Потом выяснилось, что не со мной одним... Правильно. Со всеми иногородними в штурмовой группе. Двое уехали на семинар. Звоню в Крым.

Пантюхин на месте, в ИМРе. Разговор в короткой Гениной манере:

– Да, едем.

– Да, документы давно оформлены, еще в июле.

– Нет, не знаю, почему такой звонок.

И не выдержав «протокола», взрывается:

– Если он хочет ехать с нами, пусть едет. Работу я ему найду... Ты едешь?

– Да.

– Тогда до встречи в Самарканде.

Звонить в Москву я не стал. Почему-то стало стыдно за Централку. Врать-то зачем?

Едем мы поездом. Мы – это я, Евдокимов Сергей, Шмырев Валера и Татьяна Хлюпина. В Самарканде должны нас ждать две геологини с геофака ПГУ, у них азиатская полевая практика: Лиля Аликина и Люда Сукрушева. Сидоров и Горбунов поехать не смогли. Причин, как в том анекдоте:

«Император разносит коменданта крепости, не соизволившего салютовать короле. А тот отвечает: «О, сюзерен! У меня есть тысяча причин в свое оправдание. Из них первая – в Арсеналах нет пороха»».

Трясаясь с пересадками по маршруту Пермь – Свердловск – Оренбург – Ташкент, мы не предполагали, что вокруг экспедиции бушуют уже нешуточные бюрократические страсти, основная цель которых – не дать экспедиции дойти до дна. Возможно, существовало невысказанное желание главного спелеолога Советского Союза лично совершить первопрохождение глубочайшей пещеры страны, что, бесспорно, украсило бы международную репутацию всего Советского спелеотуризма в целом. Впрочем, я не настаиваю на этой версии. Вот просто факты:

– Еще в те январские дни ЦМКК (ее спелеоподкомиссией) было ужесточено правило, гласившее, что первопрохождение пещер 5к/с могут совершать спелеогруппы из 6 человек с 4Бк/с. Исключительно в целях безопасности и исключительно для нас, число это увеличили до 10 человек.

– Потом природа подкинула подсказку. В начале лета того года землетрясение основательно потряхнуло нефтепромыслы в Газли, и появилась уникальная рекомендация: «Не проходить пещеру глубже 800 м ввиду прогнозируемых землетрясений». До сих пор не могу взять в толк: а на 800 м, если трясина начнет, намного безопасней, чем на 900? Ну, это так, к слову.

Поездка в Азию на поезде – это отдельная книга, со своими героями, сюжетом, завязкой, кульминацией, развязкой. Мы едем через Свердловск – Оренбург – Ташкент до Самарканда – с пересадками и остановками. В Свердловске наш вагон перецепляют к поезду на Оренбург. В ожидании его стоим шесть часов в тупике и, оставив вещи на проводниц, уезжаем на экскурсию по городу на автобусе, а потом сами добираемся до Ипатьевского дома и возвращаемся на вокзал пешком.

Ночь и почти целый день спускаемся на юг вдоль Каменного пояса.

В Оренбурге бьемся у касс за билеты. Множество народу – и никакого порядка. Ощущение, что лезут к вожделенным окошечкам все в раз. Толпа амебно колышется, мелькают шальные лица... и все орут. Две попытки Валеры добраться до окошка оканчиваются ничем. Его просто выплевывает из этого коловращения, помятого и недоумевающего. Меняем тактику. Ухватив его за бока, используя в качестве тарана, на удивление, легко и просто добираемся до кассы и берем билеты. Несколько раз, правда, наскокивали какие-то веселые парни: «А ты че?» – «А надо!» И все. Ничего не понимаю...

Почти двое суток кочуем по степи и пустыням. Днем, даже на ходу поезда, в вагоне ужасная духота, несмотря на открытые окна. Поэтому практически не слезаем с крыши. Проводницы – студентки Оренбургского пединститута, с ними общий язык находим быстро. И нам позволяют некоторые вольности. Тяга здесь тепловозная. Ритм движения, хорошо видимый с верхней точки, завораживает. Станции поставлены через каждые семь километров, в прямой видимости друг от друга. Это стан-

дартные деревянные сооружения, напоминающие небольшие уральские станции, с обязательными кирпичными водонапорными башнями в стороне и паровозными водоразборными колонками у выходной стрелки. Изредка встречаются трубы артезианских скважин, огороженные сеткой-рабицей. Едва поезд прибывает на очередную станцию, как на соседней вздымается облако дыма: начинается движение встречный состав. Мы чинно ждем его прибытие, после чего наш машинист «дает газу» – и мы движемся дальше.

Таким образом, мы уже в ночи, миновав берега мелеющего Аральского моря, оказываемся у стеклянных стен современного здания, стоящего несколько на отшибе от основного. Станция Тюра-Там. Проводницы открывают «страшную военную тайну»: «Вон там Байконур, только он Ленинском называется», – и машут рукой на север, где полыхает зарево большого города.

На третьи сутки прибыли в Ташкент с изрядным грузом впечатлений и приключений. Не заставили они себя ждать и в Ташкенте. Первое, что делаем, окунувшись в вокзальную суету, гам и духоту азиатского города – идем к кассам. Нужно купить билеты до Самарканда. Здесь толкучка, ор – почище, чем в Оренбурге. Но отработанный метод не помогает (там Валера служил тараном, который я успешно продвигал к заветному окошечку), каждый раз оказываемся на периферии очереди. Что за чертовщина? Тут, у входа в кассовый зал, сталкиваюсь с армейским сослуживцем Толиком. Сцена из дешевого романа. За восемь лет он серьезно раздался вширь, этакий колобок. Он выспрашивает у меня подробности гражданской жизни. Между тем, кассовый зал стремительно пустеет, и я чертыхаюсь: наверное, перерыв. «Нет, – кивает Толик на две фигуры в милицмейской форме, – то были карманники», – кратко поясняет он.

Билеты приобретаем без проблем. Сослуживца уводит некая напористая дама, очевидно, жена. Наш походный антураж внушает ей явные опасения.

У нас назначенная встреча. По заветному телефону созваниваюсь с собкором по Средней Азии газеты «Советский Спорт» – Балакиным Степаном Степановичем. Семья Балташниковых, в свое время давшая нам, пацанам, вкусить пьянящего чувства кострового братства, с 66 года перебрались в Ташкент. Я не видел их одиннадцать лет: пока служил в армии, журналистские пути-дороги увеличили в Азию. И вот, сдав в камеру хранения свой многочисленный багаж, едем к ним домой.

Что такое среднеазиатский темперамент, мы поняли, едва попав в трамвай, который вез нас мимо Алайского рынка. Отсюда нам предстояло совершить несколько поворотов в разные стороны, чтобы достичь заветной квартиры. Все те тридцать с лишним минут, что мы стоим (стоим много больше, чем едем) в вагоне разбирают «глобальную» проблему, суть которой прозрачна, как вода горного родника. Двадцать копеек (двугривенный), черненькие с лица (каждому попадались такие монетки), которыми гражданин пенсионного возраста пробовал расплатиться за проезд в общественном транспорте с кондуктором, вызвали самум эмоций. Изначально его (т.е. двугривенный) отказывались брать в качестве платежа. Деньги, мол, не те, не советские. Потом билет дали (3 копейки – 3/100 рубля), но не дали сдачи. Затем стали отбирать и билет, и сдачу.

В этом представлении активное участие принимали все присутствующие. Трамвай внезапно тормозил у первого попавшегося милиционера, вздымались к небу руки (про Аллаха – не помню), сыпался ворох слов. Притиснутые в угол, мы ошалело взирали на весь этот спектакль. Когда же добрались до Алайского рынка, сцена включала в себя:

а) пенсионера в разодранной рубашке, короткий рукав чудом держался на остатке недорванного шва;

б) бьющегося в истерике водителя нашего транспортного средства. Почему водитель, а не кондуктор, затеяла-то скандал кондукторша? Впрочем, мы списали это на азиатский менталитет. Трамвай, тем не менее, все-таки продвигался вперед, что при видимом накале страстей для наших северных душ было немислимым явлением. У нас, в Перми, высадили бы всех и уехали в парк, обложив по матушке каждого;

в) кондукторшу, резво произносившую обвинительную речь;

г) бурно реагиовавшую публику.

Справедливости ради нужно сказать, что состав действующих лиц был выдержан в лучших интернациональных традициях. Всех было поровну. Позже Степан Степаныч убеждал нас, что такого не бывает. Но...

Дома только хозяин. Остальные домашние переживают августовскую жару в горах. В комнатах пусто. Балташниковы никогда не обременяли себя излишком вещей, подвижная журналистская жизнь тому способствовала. В комнате, где расположился хозяин дома, только тумба телефакса и три поживших мужика в великолепных «семейных» трусах советского ширпотребовского разлива, сидящих в креслах и яростно обсуждающих какую-то спортивную проблему. Внимания на нас не обращают, только заставляют принять душ. И то, от жары готов скинуть с себя не только одежду. Потом отправляют смотреть кино («Ирония судьбы, или с легким паром!» – подходящее зрелище для нынешней погоды). Потом прогулка со Степаном Степановичем по ночному Ташкенту, когда дневной зной спадает, уступая место ласковому ветерку, и расспросы, рассказы и опять расспросы. Поздно ночью отправляемся на вокзал, дав торжественную клятву по окончании экспедиции захватить и сообщить новости из первых рук.

Ночной вокзал встречает сиянием огней и практически непрерывной трелью милицейского свистка. Она царит над всем, забиралась в самые укромные уголки, настигала вас везде, куда бы вы ни прятались. Про поезд не знал никто и ничего: ни куда прибудет, ни когда отправится. С огромным трудом выясняем, что, по всей видимости, это будет четвертая колея.

Да, собираясь в Азию, мы пошили себе аноракки из оранжевого парашютного капрона (команда должна выглядеть командой). Валера, в качестве прибабаха, украсил свою бубенчиками, что используют рыбаки, привязав их к тесьме завязок капюшона. К станковому рюкзаку приделал колеса от детского самоката «Дружок». Настоящие дутики (идея, постоянно витающая над спелеологическим сообществом, регулярно воплощаемая в жизнь, но в горах: «колеса, колеса... НОГИ!»). И теперь, под мелодичный перезвон, демонстрировал всем преимущества колеса на ровной дороге, лихо переносясь с одной платформы на другую. В конце концов, беготня нам надоела, и мы выбрали центральную позицию, свалив рюкзаки и канистры на третьей платформе.

Спустя полчаса с момента отправления поезда по расписанию, с истинно азиатской чинностью, подкатил наш состав на... 6 платформу. Бросаемся туда.

У нашего концевого вагона огромное море голов. Проводников нет. Поэтому бьются окна, дверь открывается... Вы не пробовали затолкнуть в горлышко бутылки в раз сотни две размякших от летнего зноя карамелек? Достойная задача. Нам ее предстояло решить в ближайшие четверть часа, отпущенные на погрузку. Так объявил всем некий усатый субъект в форме бригадира.

Умиротворения в народе эти вести, естественно, не вызвали. Чувство омерзительнейшее: ПРОЛЕТЕЛИ, как фанера над помойкой (как вариант более эстетичный – над Парижем). По клубящимся слухам, в один вагон продали двойную порцию билетов.

На ходу составляем тактический план: Валера, как самый худой, прихватив весь десяток канистр, хоть по головам, но прорывается в вагон, занимает минимум шесть мест лежачих и обороняет их до прибытия основных сил. Евдокимов, с двумя станками (совокупный вес – под два центнера, при собственном весе 86), имея в авангарде Татьяну, старается продвинуть этот тандем на завоеванные места, на все готовенькое.

И началось.

Звеня бубенчиками, бешено размахивая канистрами, исчезла в дверном проеме анорака Шмырева. Вскоре она замелькала в окнах вагона, где развернулась битва за плацдарм. Наблюдать за ее захватывающими перипетиями было недосуг. Я работал мертвым якорем. Используя приливы и отливы напирających со всех сторон аборигенов для движения к намеченной цели (туда нас несло само, обратно – я опускал на землю Валеркин рюкзак и упирался, упирался, упирался), удалось вдавить Татьяну в вагон. Ее появление на верхней ступеньке с элегантным голубым станком было встречено бессильным ревом возмущения.

Толпа навалилась, но все проходы были заблокированы рюкзаками и ворочавшим их пермяком, смиренно прощавшим все оскорбления, наносимые его немногочисленной родне, до седьмого колена включительно. Какой-то не в меру горячий джигит пытался проскочить мимо без очереди, но был травмирован опущенным в этот момент рюкзаком и с позором ретировался. Это движение «от», дало возможность закинуть Шмыревские колеса на первую ступеньку. Очередной прилив позволил перенести груз на следующую, но второй рюкзак, сидевший на спине хозяина, прижал к подножке. К счастью, в него вцепились руки соседей и, оторвав дюйма на три от вагона, дали возможность забросить мне на ступеньки ноги. Остальное было делом техники. Толпа только изумленно ахнула, когда, стряхивая повисших батыров, над ней вознесся огромный синий мешок с торчащими из-под него изящными мужскими ногами средней волосатости. До Валерия Семеновича нас донесло уже без эксцессов. Мелькали лишь испуганные лица пассажиров, жавшихся по углам. Наш плацдарм оказался урезанным на треть, поэтому на двух полках улеглись рюкзаки и канистры, еще на одной полке разместились мои товарищи, а на последнюю – взобрался я. Видок у меня был сыроват, и когда я, «умащиваясь» поудобнее, вытянул ноги, снизу донеслось гневное: «Течет! Течет!» То текли соки жизни, а может, просто рабочий пот. Такова спелеопроза.

16 августа 1976

Утром, часа за два до прибытия поезда к месту нашего назначения, начинаем выбираться из вагона. И вовремя: последние метры в тамбуре преодолеваем с боем уже в Самарканде.

С огромными рюкзаками (наши фирменные станки), десятком разнокалиберных канистр в руках (при этом я яростно завидовал Шиве с его шестирукостью), мокрые от жары и серые от тончайшей пыли, пронизывающей воздух, оглушенные раскаленным гулом азиатского города, предстали мы перед Пантей, мирно рисующим в тени чинар уютного дворика областного совета по туризму кроки для опаздывающих нас.

Обменявшись последними новостями и дав двадцать минут – на «разграбление города», Геннадий Серафимович придерживает слегка меня и, дождавшись, когда вокруг не остается народу, спокойненько так сообщает: «Виделся с Климчуком Сашей, Томско-Киевская экспедиция прошла Километр. Дыра прет дальше». Не буду врать про мысли свои тогда, но, несмотря на полутайну,

окружавшую эту новость (знали о ней все, но боялись взглянуть, что ли?), дух витал над экспедицией рекордный.

Что можно сделать за двадцать минут?

«Разgrabить»? Ну, это не с нашими финансовыми возможностями.

Разве что купить на ближайшем развале дыньку кило на три, заплатив полтинник (50 коп.!!) за штуку!!! Обливаясь сладким соком, съесть ее.

Погрузиться на ГАЗ-66 (с рюкзаками).

Отправиться к началу маршрута, на нижнюю базу геологов, в поселок Ургут. Впрочем, это уже в выделенные 20 минут не входит. А пока нас ждали будни заброски. Вся груда снаряжения заброшена стараниями техники и транспортного диспетчера на высоту перевала (это около 1500 м над уровнем Черного моря). Остающуюся тысячу с лишним метров грузу предстоит преодолеть на наших плечах. Похоже, фраза грозит стать ритуальной, во всех спелеомемуарах.

17 августа 1976

Первую ходку делаю, слегка разгрузив собственный рюкзак, под бдительным оком избранной тут же общественной комиссии в составе симферопольцев: спокойного Коли Леонова и шумливого Шуры Шевчука, выступившего, ко всему прочему, и инициатором ее создания. Комиссия призвана ограничить минимум загрузки рюкзака тридцатью килограммами, дабы пресечь появление «сачков», явления, у нас в Перми не развитого и вызывающего у меня легкое раздражение и недоумение. Ухожу, прихватив обломки ящиков, в изобилии разбросанных на перевале.

*Наш комендант Дядя Вася
(Васин Василий)*

Кроме работы на заброске, мне сегодня кормить народ обедом и ужином. «А ресторанов здесь нема», – говорит дядя Вася, наш экспедиционный завхоз и комендант, поэтому дежурят все по очереди. По словам крымчаков, в городской жизни Васин Василий Иосифович – редкий по мастерству мастер-отделочник из Симферополя, говорят, к нему там записываются в очередь, как к модному зубному врачу. Сын его записался в спелеологи, и дядя Вася пошел вместе с ним. Мужичку скоро на пенсию, грузом его не напрягают, но несет он нелегкую завхозовскую ношу, и нет ему в этом равных.

Еще десяток лет мы будем встречаться у экспедиционных костров. Наша переписка с ним – это обстоятельные рассказы о жизни секции, какие-то наши личные дела и проблемы.

Нещадно палит солнце. Тени практически нет. Карликовые скалки (ростом мне по грудь) создают отдаленное подобие оазисов прохлады, где собирается всякая живность.

Из одного такого оазиса торчат ноги и звучит музыка. Это отдыхает крымчак – Юра Маштаков. Прохожу, не торопясь, мимо. На приглашающий жест рукой отрицательно качаю головой. Сидеть сейчас нет никакого желания.

«Самолет угнали. В Японию. МИГ–25. Летчик Беленко», – делится он в пространство почерпнутыми из эфира новостями.

Юра Маштаков

Еще несколько десятков метров – и выхожу на небольшое плато, граничащее с неглубокой (метров 200) долиной, на противоположной стороне которой пестрое пятно на выжженном склоне – наша промежуточная стоянка.

Ниже, практически подо мной, по тальвегу долины – кош, крошечные фигурки людей, кони, овцы и собаки. Про собак утром предупреждали успевшие побывать здесь крымчаки: «Набирайте камней, а то загрызут». Впрочем, собакоопасное место прохожу, даже не использовав заготовленный «боезапас».

Пока вожусь с костром, появляются Люда с Лилькой. Загорелые и ужасно довольные, они помогают мне и попутно атакуют вопросами.

Прибыли они два дня назад и ушли на плато с первой крымской группой. А сейчас рвутся на заброску. Впрочем, их отправляют в лагерь у дыры с какими-то коробками.

Во вторую ходку забираю все три посылочных ящика со сгущенкой. И снова тропа упрямо карабкается по склону вверх. Полтора часа горных склонов и – промежуточный лагерь.

Попутно обнаруживаю живой интерес к собственной персоне небольших таких, желто-черненьких, опрятненьких, полосатеньких аборигенов.

Возникая из раскаленного марева, совершают они облет согбенной моей фигуры, исчезая за пределами видимости в районе, что пониже станкового рюкзака, прочно угнездившегося на плечах. Через толику времени они снова мелькают перед взором, истаивают в пространстве, выполнив какую-то загадочную миссию.

Груз на перевале

Причина столь явно выраженных симпатий выясняется, когда сбрасываю рюкзак на сегодняшней стоянке. Поскольку гвозди, которыми забивали посылки, как помните, были слегка длинноваты, то пробили они не только реечки и фанерки ящиков, но и банки. Пока все добро лежало тихо, не возникало проблем, но во вьюке от тряски и перемены давления произошло неизбежное: банки понемногу стали пропускать сгущенку, что ясно показывали засахаренные белесые подтеки на ящиках и моих шортах.

При ревизии потери были сочтены минимальными, но ящики подлежали теперь переноске в строго заданном положении. Третью и последнюю ходку завершаем уже под вечер. Готовлю ужин при дружной помощи всего лагеря. Все хотят есть, да и свежий горный ветер навевает прохладу, основательно позабытую после целого дня хождения по прокаленным солнцем тропам.

18 августа 1976

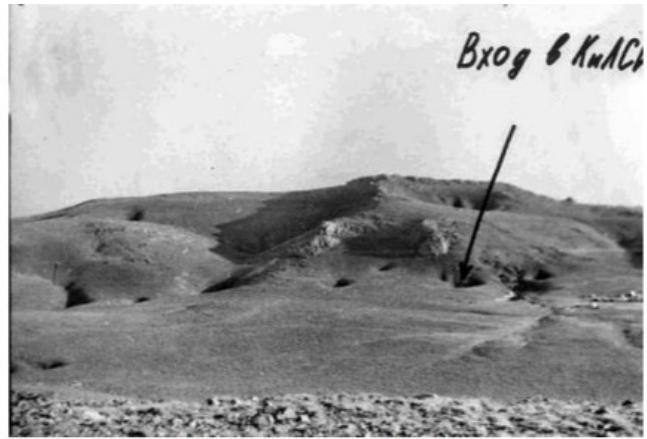
На следующий день, практически по ровному месту (каких-то триста метров перепада не в счет) заканчиваем заброску снаряжения и продуктов к обеду.

Прослышав о событии, на плато потянулся «пишущий брат». Первыми отметились местные журналисты. Затем в «воротах» (сужение котловины на тропе, ведущей к лагерю) замаячила легкомысленная и почему-то розовая соломенная шляпка собкора радиостанции «Юность» Евгения Русанова.

Последним, уже на выброску, обозначил свой интерес Юрий Рост от «Комсомольской правды».

Последний участок пути от промежуточного лагеря до КиЛСИ

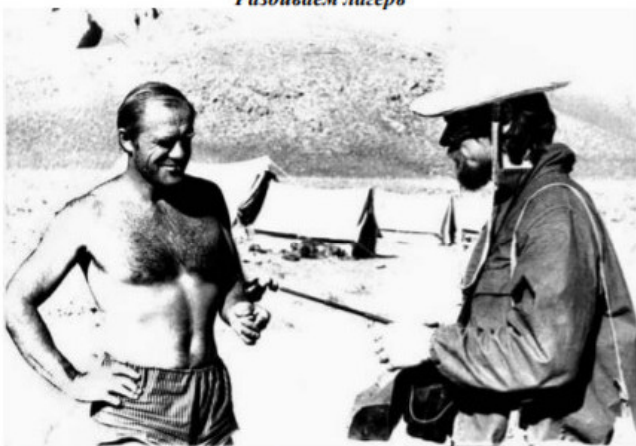
Входная воронка в КиЛСИ

Разбиваем лагерь

Пермские палатки вторая и третья в ряду (слева на право)

Интервью Геннадия Серафимовича радиостанции "Юность"

Интервью с пермяками для радиостанции «Юность». Одеваются (слева на право): Хлюпина Татьяна, Сукрушева Люда, Шмырёв Валера, Аликина Лилька, Евдокимов Сергей, корреспондент радиостанции Евгений Русанов, неопознанный Крымчак.

Всех их подводили к входу, демонстрировали надпись, оставленную предшественниками: «КиЛ-СИ1032», угощали обедом, потчевали новостями и рассказами. Но только двое последних включились в работу экспедиции (разумеется, в меру своих скромных спелеосил).

Начало экспедиции принесло и несколько малоприятных сюрпризов. Оказались забытыми топосъемочные комплекты, а из бумаги в наличии была только туалетная да пантюхинская полевая книжка геолога. Все: пикетажки, мерные шнуры, компасы, пикеты, линейки и транспортиры, карандаши и резинки – осталось мирно лежать себе в Симферополе. Положение не спасали прихваченные мной, на всякий случай, горный компас и мерный шнур. В купе с гениным компасом это решало проблему подземной съемки, но программа поверхностная была на грани срыва.

Поэтому в Ургут была направлена экспедиция «Петров-Евдокимов». Цель: добыть недостающее и дать телеграммы в Крым и ЦМКК. Заодно нам надо встретить в Ургуте корреспондента ради-

По плато во множестве бродят кони.

Володя Родичев

Собираемся под землю. (С.Евдокимов, Г.Пантюхин, М.Михалевич)

Столовая в неполный профиль

останции «Юность». Телеграммы дали, несуществующее добыть не удалось. Корреспондента не обнаружили.

Аборигены шарахались от нас и дивились – почему мы шлындаемся по жаре, вместо того чтобы сидеть и пить в тенечке зеленый чай. С нами до верхней базы геологов Гена отправляет человек пятнадцать за хлебом, что специально для нас должны завезти на базу.

Ургут остался в памяти огромным числом белых капроновых мужских сорочек, надетых на голову местными женщинами вместо накидки. Очевидно, какой-то местный шик в моде.

Почту обнаружили в каком-то закоулке, и похожа она была на перегородженный неширокий коридор без окон и с одной входной дверью, у задней стенки которого высилась почти до потолка, вызывая легкое недоумение, солидная куча валенок.

В огромное изумление производил как-то притороченный тут же к стене мощный подвесной лодочный мотор «Нептун». И, если сознание еще находило объяснение валенкам (тут тоже бывает холодно и выпадает снег), то мотор просто выпадал из окружающих реалий и выглядел, как корабль пришельцев. То ли дело – три милиционера: в ослепительно белых форменных рубашках, в придорожной «ощхоне», за столиком, стоящим у самой бровки дороги и скромно украшенном единственной запотевшей бутылочкой «Московской».

Взгляд с вершины на перевал

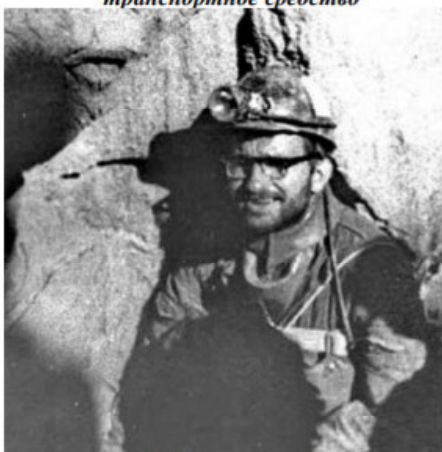
Таня Хлюпина (Пермь) осваивает новое транспортное средство

Евгений Русанов собкор радиостанции "Юность"

Сидят Вася Васин, Витя Дворянинов, стоит Лариса Вершинская

Сергей Евдокимов (Пермь)

Миرون Михалевич (Львов)

Геннадий Пантюхин (Симферополь)

Отдыхают ребята, полдень на улице – законная «на троих».

Элегантный, слегка ироничный Паша Петров, никогда не повышающий голоса. Даже если дискуссия поднимает тон и хлещет через край, он лишь машет рукой и говорит: «А, пускай себе». Что-то в наших душах притягивает друг друга, и сдружились мы сразу и бесповоротно еще с Красной пещеры. Вечер застает нас на полпути к лагерю экспедиции, и мы принимаем радушное приглашение геологов переночевать на базе, пристроившейся у скал, как раз на середине горного склона. Ночь проводим на свободной койке с панцирной сеткой, улегшись вольтом. Хозяин ее в данный момент на работе. Все ничего, но во втором часу ночи воротились «гонцы», посланные в долину за спиртным, и хлебосольные наши хозяева, разливая очередную «парцайку» огуречного лосьона («Мужики! Классная штука! Закусывать не надо!»), хронически забывали наше предупреждение про спортивный режим и безалкогольную жизнь. Поэтому еще часа два нас будили каждые пятнадцать минут громовыми возгласами: «Мужики! Пить будете?» А чей-то сердобольный, но не менее громогласный голос урезонивал их: «Да, тихо ты! Устали ребята! Дай отдохнуть им!»

19 августа 1976

Как ни странно, выпались мы прилично, и, встав с первыми лучами беспощадного азиатского солнца, уже через полтора часа любовались раскинувшейся панорамой рабочих будней экспедиции. Кстати. Корреспондент, за которым собственно нас и посылали, объявился в этот же день самостоятельно уже после обеда. Звать его Русанов. Завтра первый день заброски. На мне топо и проверка связи.

20 августа 1976

Володя Родичев, Юра Беляев (Симферополь), Сергей Евдокимов (Пермь), Мирон Михалевич, Леся Вовк (Львов), Саша Осипов (Ялта), ведомые Пашей Петровым, делают сегодня заброску снаряжения до 200 м. Первый выход добавил мелких проблем. Телефонный провод, оставленный предшественниками, перебит в нескольких местах. И это на первых ста метрах. Чтобы не искать обрывы, пришлось мне возвращаться на поверхность, брать свою катушку и провешивать новую нитку.

На молчаливый вопрос Гены ответил, что мой провод мне роднее. А топосъемку сделаю в свободное время своей бригадой, поскольку, кроме проверки связи, взял на себя и это хлопотное дело.

Самохваты знаменитой фирмы (изготовленные самопально на западе Украины по четвертному за штуку) упорно не идут по глиняной веревке уже на первом колодце. Наученные прошлогодним горьким опытом использования «фирменной продукции», мы всем демонстрируем свои «гиббсы» и придуманный способ закрепления, что потом назовут «стопа-колено». Высшая оценка наших усилий на этом поприще прозвучала на 900-метровой глубине из Пантинных уст под рев водопада на 45-метровом колодце: «Серый! Эту пару я забираю себе – «жумары» выкину... Пусть другие мучаются».

Лагерный быт строг и непритязателен: с утра – построение; ставятся задачи на день. Но прежде чем разойдутся в разные стороны рабочие группы экспедиции, звучит обязательная фраза: «Бабы – на дерьмо, мужики – по воду». При всей своей грубости, смысл в ней по-житейски незамысловат и прост. Единственное топливо на плато – кизяк, остающийся от десятков мирно пасущихся лошадей. Огромные полиэтиленовые мешки, наполненные продуктом переработки здешней скудной растительности, весят ничтожно мало, по сравнению с втрое меньшими мешками со снегом. Воды проточной на поверхности нет. Ее добывают из воронок, в которых еще сохранился снег. А поскольку мы в этом сезоне здесь не первые, то идти до уцелевших снежников приходится минут двадцать. Воды постоянно не хватает, но однажды блюстителю личной гигиены устраивают себе баню, расплескав трехдневный неприкосновенный запас влаги.

Основной пункт моих переживаний – чтобы наши не оказались слабаками на общем фоне – оказался напрасным. Пермьки держатся прекрасно, работают все инициативно и с энтузиазмом.

С дисциплиной здесь немного трудно. В экспедиции высок процент новичков и начинающих, что создает определенные сложности. Забавно наблюдать за страданиями городского шаркуна, среди утомительного однообразия пожухлой растительности, беспощадного солнца да серых скал. Выбитый из привычной колеи, по собственному желанию (!), переместившийся в совершенно другие координаты моральных критериев и оценок, он теряется, потом теряет сознание (оказывается, азиатское солнце не щадит не только наши изнеженные уральские шкурки, но и привычную к высокому ультрафиолету крымскую кожу). Набиваются мозоли, где только можно, не говоря о бесчисленных волдырях от солнечных ожогов на лбу, ушах, носках и иных выступающих частях.

Похоже, у крымчаков идет какой-то невидимый посторонним внутренний процесс, сопровождающийся криком, шумом и сильно натянутым консенсусом. В этом горниле выделяется активностью поджарая фигура Шуры Шевчука, всегда готового поруководить, выдвинуть свежую идею или бросить всю силу своего голоса в защиту попираемых свобод и равенства (нести равный груз, дежурить на кухне, да мало ли в экспедициях причин для всеобщего равноправия).

Через дюжину лет мы узнаем, что примерно так рождается демократия. С демократией тоже напряженка. Как совместить высокие цели с низменными, но справедливыми гигиеническими тре-

бованиями? И подобных коллизий не счесть. Тот же гигиенический вопрос решается элементарно просто: хочешь подмыться – носи себе снег на воду сам, но до любителей коммунальных удобств такое решение само не доходит, и трехдневный запас питьевой воды в миг уходит на интимные нужды. Приходится объявлять его на общем построении, что и делает Гена с изрядным сарказмом.

21 августа 1976

Сегодня под землю уводит свою группу заброски Шура Шевчук. Под его командой Сережа Белинский, Олег Чурин, Коля Малков, Володя Калашников, Коля Гротус, Валера Мельников, Юра Савутин (Симферополь), Ярослав Горох (Львов) несут и несут мешки под землю, которые станут нашими базами, навеской, питанием.

Иницирую выход своей пермской группы на топосъемку и климатические замеры. Действуем быстро и слаженно, успевая проделать всю работу еще до выхода на поверхность группы заброски.

22 августа 1976

Сегодня поверхностная съемка котловины, в которой расположилась пропасть. Ходим вдвоем с Пантюхиным. В это же время «тетки» строят план и разрез, просчитывают проложения и превышения, и, самое главное, отметку (т.е. глубину пещеры). Отсутствие привычного инструментария осложняет работу, но голь на выдумки хитра, препятствие это обходим «по кривой». Правда, времени уходит на это уйма. А вот и первая новость: лагерь 400 лежит на глубине 350 м. Сообщаю это Панте. Внешне он не реагирует никак.

23 августа 1976

Под землю уходит группа Валеры Бобрин. В ее составе – Вася Даниленко, Володя Родичев, Коля Леонов (все Симферополь), Витя Дворянинов (Ялта), Юра Шаповалов (Севастополь), Валентин Овчаренко (Львов). Красноярец уводит свою группу заброски до 800 м, где должен поставить базовый лагерь, а потом возвратиться обратно. Гладко было на бумаге... Колодец 60 метров.

На дне его лагерь 400. Но сам лагерь расположен на громадном, почти 20-метровом каскадном натеке, поднимающемся в противоположную от места спуска сторону.

Лагерь экспедиции в котловине Кырк-Тау

Телефонный провод, чтоб не мешался, протягивают прямо к лагерю. На спуске, видя лагерь прямо перед собой, многие хватаются за него и начинают подтягиваться. Но параллелограмм сил – штука упрямая, и если вначале дело идет бойко, то при увеличении угла маятника рвется там, где тонко. А тонок провод (разрывное усилие 56 кг).

Размах маятника составляет к этому моменту уже метров 15, а наибольшая скорость у подвешенного к веревке тела где? Правильно. Там, где тело должно висеть свободно.

Оно и висит там свободно, пока товарищи снимают его с навески. Витя Д. увернулся. Сам спустился до дна. Сам поднялся до лагеря. Сам уговорил Пантюхина, что с ним все в порядке. Сам провел ночь в лагере на 400, ожидая возвращения группы заброски. Сам поднялся на следующий день на поверхность, когда стало ясно, что связь с группой потеряна. Завидую его мужеству. Сам исправил свою ошибку. Да только вот простых таких ошибок не надо. Диагноз: сотрясение мозга, множественные ушибы. Колодец с той поры как заколдовали. Только с пермяками знаю четыре аналогичных случая. А сколько окончившихся более благополучно? А связь? До лагеря 400 к ней нет замечаний. Провод проброшен новый. А дальше? Дальше поработал нечистый дух, да не пещерный. Тот же дух, что козни чинил на поверхности. Провода оборваны и концы заделаны под камни.

24 августа 1976

В штабной палатке стоит тишина. Телефон безмолвствует. Все теряются в догадках в причинах этого безмолвования. К вечеру из дыры выходит Дворянинов. Виновато отводит глаза и отправляется в палатку «зас....ев», так окрещен лазарет.

Пермячки за обедом. Таня Хлюпина, Люда Сукрушева, Лиля Алыкина. На заднем плане – те же самые ящики со сгушенкой

Там командует Лариса Вершинская, дипломированный медик и наш экспедиционный врач. Изящная женщина обязала всех докладывать о любых отклонениях от нормы, пардон, со стулом. Ввела жесткие правила мытья посуды и прочей сангигиены. Опасаясь дизентерии, поставили отдельную палатку под карантин, в которую немедленно помещаются все с замеченными отклонениями в жизнедеятельности организмов.

Воодушевленные таким началом лагерной жизни, некоторые попытались «скосить». Однако все быстро поняли, что сидеть целыми днями в палатке значительно хуже, чем бегать по окрестным горам в поисках новых пещер.

Поэтому палатка пустует. И по вечерам используется под кают-компанию, где поют и играют на гитаре Коля Леонов, Сережа Беляев, Валера Шмырев.

Изредка кое-кто из остряков проделывает, как сегодня, дежурную шутку. От воронки с буквой «М», марширует к палатке Пантюхина ведомая Шурой Шевчуком колонна. У палатки, по команде: «Стой! На ле-е-во! Смир-р-но!» – Шура, печатая шаг, подходит к Гене и докладывает: «Товарищ начальник лагеря! Состояние «стула» у членов симферопольской команды удовлетворительное». «Пуфик».

25 августа 1976

В лагере общее ликование. Утром, часов около 10, вдруг ожил телефон. Голосом Васи Даниленко

он вещал из лагеря 400:

– Алло! Алло! Базовый! Дайте Гену.

– Гена! У нас все зае...то.

Хохот собравшихся был ему ответом. Отовсюду бежал народ с единственным вопросом:

– Что он сказал? Что он сказал? – Пантюхин продублировал:

– Вася. Здесь женщины сбежались. Они не поняли, что ты сказал?

– Так я ж говорю, все в порядке! – удивляется он женской непонятливости. – Мы сначала немножко притомились, потом долго проспали.

Ничего себе – 36 часов, машинально отмечаю про себя.

– Почему на связь не выходили? – допытывается Пантя.

– А не работает она. Вот только на четырехстах заработала.

Потом выяснилось, что кто-то из предшественников специально перебил провода, а концы замаскировали. Чтобы не заморачиваться, дальше до самого дна тянули свой провод.

Будни экспедиции. Таня Хлютина кашеварит у печки, сложенной Кошей

26 августа 1976

С микроклиматическими измерениями до 700 м уходит группа Сергея Белинского. Вообще-то, основная их задача – это незапланированная заброска продуктов и горючего в лагерь 700 и прокладка новой телефонной линии. Пермьки занимаются геологической съемкой. Вечером к своей палатке зовет Гена. На связи Сережа Белинский. Просят пустить их до лагеря – 800. Я этих ребят знаю плохо (вместе мы не работали). Поэтому полностью полагаюсь на мнение Паши Петрова и Пантюхина. Нам будет немного легче.

27 августа 1976

Ну вот, наконец, наступает и наше время. Встаем чуть свет, есть желание уйти под землю еще до того, как безжалостное дневное светило обрушит на нас всю свою мощь. Собираюсь быстро, весь снаряж готов еще с вечера, остается только тщательно упаковаться в свитер, конденсатник, гидру, комбинезон. Надеть положенную сбрую...

Через полчаса я собран и готовлю спортивный напиток по рецепту Абалакова, способный придать нам сил в земных глубинах.

Нас под землю уходит шестеро: Геннадий Пантюхин, Павел Петров, Олег Чурин, Александр Шевчук – все из Симферополя, львовянин Мирон Михалевич и пермский спелеолог в моем лице. На шесть человек – семь транспортировочных мешков, в которых база, продукты, и веревки на 500 метров глубины. Мы страстно надеемся пройти дальше французов. В экспедиции витает панибратское: «Бержуха-1 – подвинься». Окружающие молча наблюдают за процессом одевания. Паша ворчит: «Ну, прямо утро французского короля». Наблюдатели, и в самом деле, пытаются упредить наши желания. Наконец-то все готово. Солнце уже раскалило свою сковородку, и все мы мокры, как церковные мыши.

Провожать нас выходят всем лагерем. Фотография на память. Прощальные возгласы – и мы поодиночке исчезаем в узкой и темной щели на дне небольшой воронки. Уходим на пять дней.

Мы должны пройти по всем ступеням этой гигантской почти тысячеметровой лестницы, огромной спиралью уходящей в глубины плато. Должны дойти до пределов возможного и вернуться на поверхность, сняв план пещеры, составив ее геологическое описание, проведя микроклиматические наблюдения. И в глубине души мы здорово рассчитываем если не на рекорд, то на результат рядом с вершиной в пещерной табели о рангах. От лагеря 700 начинаем с Пантюхиными вести топосъемку.

Из-за известных событий она оказалась не сделанной надлежащим образом.

Одно из непреложных правил в этом деле – все делать по пути туда. На обратной дороге может не хватить времени, да и просто человеческих сил. Съемку веду в жесткой манере: все углы в 1-3 градуса считаются 0, используется любое зеркало воды для построения горизонталей, отвесы перемеряются дважды по свободно висящей веревке и т.п. Добираемся до лагеря 800 с двумя перекусами всего за 7 часов. Здесь провожаем на поверхность группу Белинского и располагаемся на ночлег.

Еще одно правило – передать сразу же на поверхность все данные топосъемки. Группа обеспечения (гроб) просчитывает, строит и, если есть видимые ошибки, сообщает все замечания для проверки сюда, вниз. Пока готовится ужин, надиктовываю данные замеров. Пермьчки просчитают, нарисуют и утром сообщат результат.

28 августа 1976

Утром просыпаемся с сознанием необычности происходящего. Сегодня уйдем так глубоко, как никто до нас в стране еще не спускался.

Лена Сукрушева за камералкой

Штурмовая группа. Готова.

Последнее фото перед...

Слева направо: Гена Пантюхин, Шура, Шевчук, Паша Петров, Олег Чуринов, Сергей Евдокимов, Мирон Михалевич

Разбиваемся на две тройки: Петров, Михалевич, Шевчук уходят с навеской до возможного конца. Пантюхин, Евдокимов, Чуринов прихватывают базу и с топосъемкой, не торопясь, следуют за ними. Наша задача – найти место для промежуточного лагеря. Последние переговоры с поверхностью: узнаем, что отсняли вчера 120 метров вертикали, что в лагере появились очередные корреспонденты. Договариваемся о связи между группами через поверхность, и, прихватив свои мешки, уходим ко дну.

Попутно осматриваем мощный левый приток, пройдя до его первого водопада. Значит, идущим за нами есть работа. Где-то на 900, сразу после 45-метрового колодца, находим ровную каменную полку и неожиданно обнаруживаем какую-то жилу, прорезающую толщу известняка. Отбираем образцы, разбиваем лагерь. Красным бутоном расцветает палатка. Это Гена освещает ее изнутри, распаковывая транспортники, готовит спальные мешки и теплое белье. Рядом шипит синее пламя примуса и слегка замедленно движется фигура Олега. Он готовит ужин. Я занимаюсь телефоном. Кабель натянут высоко, и приходится делать снижение. Достать до провода руками могу только у следующего колодца и стою у его края, стараясь сделать все надежно. Мне все время мерещатся голоса, я отвлекаюсь, пытаюсь понять, кто там. А снижение все не удается закрепить, и я прерываю этот занимательный процесс, чтобы сообщить Панте о своих сомнениях.

Он смотрит на меня с сожалением («перегрелся парень»), качает отрицательно головой. Отвечает коротко:

– Нет. Тебе показалось.

– Показалось – так показалось, – напроць отключаю посторонние раздражители. Быстро заканчиваю работу и вызываю Базу. С поверхности Дворянинов скучным голосом сообщает:

– Серега, они дошли до дна. И поднимаются на поверхность. Скажи Гене, – мир проигнорированных звуков возвращается ко мне. Да, это возвращаются они. Ловлю себя на мысли: «Она нас обманула».

Подзываю Гену и молча отдаю ему телефонную трубку. По тому, как он молчит, догадываюсь об обуревающих его чувствах. Вскоре появляются ребята. Подстраховываем их. Паша. Мирон. Шура выбирается последним и, не переведя дыхания, сразу включается в руководящий процесс:

– Так! Мы сейчас едим, ложимся спать. А вы вниз с... – дальше он не успевает закончить. Накопленные Геной эмоции прорываются наружу небольшим, но яростным Везувием.

Единственное, что я смог для них сделать – накормить нашим обедом, и они понуро, будто ощущая за собой какую-то вину, уходят в лагерь 800. Будут там ждать нашего возвращения.

Узнаем: большое подземное озеро преградило нам путь своим сифоном. В озеро нырял Шура. Прохода не нашел. Готовим ужин себе и ложимся спать.

29 августа 1976

Петров, Шевчук, Михалевич в лагере 800. Отдыхают, приводят себя в порядок. Наша тройка уходит со съемкой до дна для поиска вероятного продолжения. Если продолжения не будет, уходим с выемкой снаряжения до 900 м.

Скучный день.

Короткая серия колодцев, практически без переходов между ними. Падающий в озеро водопад. Изумрудное, от запущенного вчера уранина, озеро, вытянутое клином. Подъем до лагеря 900.

Мешки со снаряжением с нами. Процесс пошел в обратном направлении. Теперь все, что мы опускали и развешивали, снимается, упаковывается и тащится на поверхность. Выносим и незримую капельку нового знания. Капелька эта изрядно горчит.

Уже лежа в палатке, диктую данные сегодняшнего топо на поверхность.

Все.

Спать. Однако уснуть долго не могу.

Рядом ворочается Олежка. Задаёт Гене всякие вопросы. Пантя отвечает.

Не дают покоя эмоции. Притворяюсь крепко спящим. Им ещё моих вопросов не хватает.

Скучный день.

С утра звоним своим товарищам в лагерь -800. Состыковываем время встречи. Они должны подойти к нам в тот момент, когда мы начнём выброску. Первым – Пантюхин на моих самохватах. Самохваты сбрасываются вниз. И, пока я привязываю свои, наверх поднимается Олег. Цепляю по очереди мешки со снаряжением, их восемь. Начинаю подъём. Колодец следует за колодцем, число мешков растёт, и всё дольше мне приходится торчать под уступом, придерживая оттяжкой уползающие вверх мешки. Меняться никто не хочет, у всех проблемы одинакового характера: чтобы зажим работал, веревку приходится держать снизу. Пермские самохваты идут уже через метр без посторонней помощи. Кроме того, у нас отработан и способ самоудержания веревки.

Очередной уступ. Бог знает какой час подъёма. «Шаг... второй... третий... левая-правая... левая-правая... левая... А, черт, не схватил ногу резче в сторону... Уф!... Хоть немножко отдохнуть... Вода... Ноги в стенку, пусть льёт мимо... Карабин на груди повыше... Зависнуть...» Бешено колотится сердце, молоточками отдаваясь в висках. Струящаяся по веревке вода, кажется, вымывает из застывшего тела последние остатки тепла. Опухшие пальцы не гнутся, да и сам ты напоминаешь робота с единственной коротенькой программкой: «Шаг правой, шаг левой, шаг правой, шаг левой...»

Где-то близко маячит неясное пятно. Мирон, его фара. Он на страховке. Тяни её, тяни. Да тяни же... «Вот наконец уступ. Сыро холодно здесь. Что ж, такова судьба – дальше придётся лезть», – слова старого гимна спелеологов завязли в ушах. Что? Да нет, всё в порядке. Не беспокойся. Я сам. Тросик сюда. Болт сюда... Корпус. Корпус не уронить. Хрен потом найдёшь. Дырка? Откуда здесь дырка? Не было на предыдущем отвесе дырки. А, ладно, не вывалится. Теперь второй туда же в карман. Карабин к крюку. Муфта... Теперь потянем веревку. Что твой наждак. Откуда на ней песок?... Надо бы перчатки... Сколько её тут... Кажется сороковка... Мокрая двенадцатка... Десятка была бы полегче...

От напряжения руки сводит судорогой. Мысли вспыхивают и гаснут, как искры догорающего костра. Движения вялые и плавные, будто боишься расплескать чашу тепла. Веревка с трудом заталкивается в транспортный мешок. Сознание отмечает отдельной искоркой: «Мягкий... Наш... Капроновый...»

Пока ты поднимаешься, ребята перетаскали мешки метров на двадцать дальше по коридору. Хватаешь свой – и вдогонку за ними. Поворот, поворот, поворот. Боком, от стенки к стенке: грудь-спина, грудь-спина, грудь-спина... «Наконец-то. Догнал».

– Серега. Хорошо! Давай вперед.

– Мужики, дайте передохнуть.

– Сколько мешков?

– Шестнадцать.

– Я один притащил. Семнадцать.

Шесть фигур молча перелезают через гору из мешков, вытягиваются в цепочку и начинают передавать мешки дальше. Шаг влево, мешок, три шага направо, в руки. Три шага влево, мешок, три шага направо, в руки. Три шага... Груда мешков тает сзади, вырастая перед нами. Опять шестеро перелезают через свой завал. Цикл повторяется. Мешок, три шага направо, в руки. Три шага... И так на протяжении почти полутора сотен метров. Стоп! Приехали. Небольшой зал.

Груда мешков. Кто-то уже ползет вверх. «Прилечь бы. На мешки».

– Серый, поддержи, – опять? Ух и льет.

Стою, придерживая веревку руками, чтобы не дергалась. Облегчаю путь вверх товарищу. Где-то далеко наверху неразличимое бормотание голосов. Крик:

– Пришел?!

– Да!

– Лови страховку! – тупой, с подвыванием свист. Смачный шлепок.

– Пришла!

Так, карабин. Корпус. Кулачок. Теперь веревку в корпус, прижать кулачком. Куда? Судорога – на место! Так, на месте, теперь шпилька. Шаг, еще один, еще. Веревка тянется, пружинит, наконец, мягко подхватывает твой вес и... Шаг. Шаг. Левая. Правая. Что наверху? Солнце? Тепло.

Ноги сами перебирают метры веревки, идет девятый час подъема. Сегодня доходим до лагеря 700. Здесь устраиваемся спать своими тройками. Шевчук с командой в базе киевлян. Зовут и нас. Заглядываю. Под мощным сводом в натечной стене округлая ниша. М-да. Троиц места должно хватить. Вот только пол выровнять. Нам тут явно места нет. Критически оглядываюсь вокруг. Вот если за глыбой, лежащей почти посреди зала? Только чтобы наверху никто не шлында. Приняв решение, начинаю молча выкладывать транспортные мешки со снаряжением, Гена начинает мне помогать. Олег в роли кормящей матери. Выбраться из ниши быстро невозможно, поэтому пищу он таскает ее жильцам сам. Закончив обустройство лагеря, ужинаем сами и строго настроено предупредив всех на поверхности, что к колодцу приближаться запрещено, пока мы не проснемся, тихо засыпаем.

ПОКОРЕНИЕ РЕКОРДА ГЛУБИНЫ В СССР.

Средняя Азия, Зеравшанский хребет, Плато Кырк-Тау, шахта КИЛСИ (Киевская)

Святой миг ПОБЕДЫ! Штурмовая группа на поверхности.

Две фигуры справа у кромки снимка – встречающие: Лариса Вершинина и Таня Хлюпина.

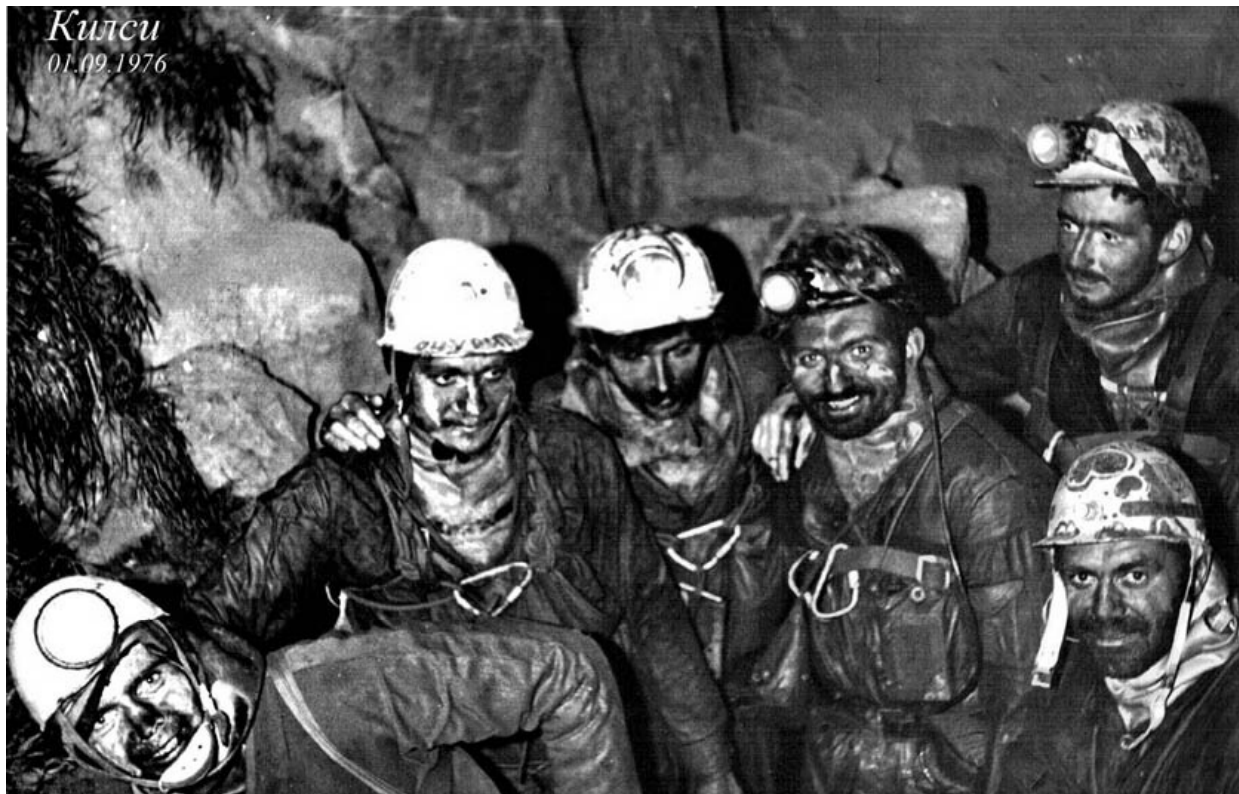

Фото для прессы. Слева направо: Паша Петров, Олег Чурин, Мирон Михалевич, Сергей Евдокимов, Александр Шевчук, Геннадий Серафимович Пантюхин.

*Через 15 минут. Паша Петров
На заднем плане Шаповалов*

Через 15 минут. Саша Шевчук

31 августа 1976

Просыпаемся от голосов вспомогательной группы. За снаряжением приходят наши товарищи. Юра Маштаков (Коша – по-крымски) спускается к нам в лагерь, чтобы дать нам свободно уйти наверх, к солнцу. Собираем лагерь. Три его мешка мы поднимаем с собой в лагерь 400. Так нам спокойнее. Уходя наверх, сохраняем порядок, установившийся вчера: группа Шуры уходит раньше, за ними – мы. Первый – Гена, последний – я (самохваты мои идут легко и свободно, без посторонней помощи, и на больших отвесах Пантя пользуется ими, сбрасывая потом их мне вниз).

Почему-то долго и мучительно поднимаемся до лагеря 400. Уже в лагере возникает вопрос: «А не остаться ли еще на одну ночевку?» Я – категорически против. Силы еще есть, да и слабеющий свет подгоняет. Поскольку готовка – это, похоже, тоже теперь моя обязанность, наравне с топосъемкой, готовлю невероятный коктейль из сухого «Малыша», искрошившегося весового шоколада и чего-то

еще. Часа через два встаю решительно и говорю, что спать буду только у себя в палатке. Тем более, что у моих «теток» припасен некий сосуд с «джином», и я готов пойти на нарушение спортивного режима...

Не знаю, что возымело действие: коктейль или опасение оставить меня одного наедине с «джином», но все дружно начинают собираться.

После замены потертой веревки на 60-метровом колодце мы быстро (всего за четыре часа – абсолютный рекорд экспедиции) выходим к последнему колодцу.

Свет у меня сел. Сел он и у Паши. Мы с ним в роли замыкающих, поэтому для экономии энергоресурсов примитивно пробираемся в темноте (свалиться куда-либо просто невозможно – русло подземного водотока ведет, как поводырь) до ближайшего препятствия. На короткое мгновение освещаем сцену, ориентируемся, встегиваем веревки в самохваты и лезем дальше в потемках. А поскольку на этом участке веревка навешена практически идеально (стенок не касаясь), то идем по двум параллельным веревкам одновременно, этакое СРТ семидесятых. Идем и от избытка чувств орем на два голоса из Высоцкого, на ходу передельывая слова:

Условия пари одобрили не все,

Илюхин... был, конечно, против...

Из последнего колодца нас выдергивает бригада застоявшихся крымчаков.

1 сентября 1976

2 сентября. Первый привет из цивилизации

На свет божий (какой там свет в час ночи? – россыпи по южному огромных звезд на черном бархате небосвода) выбираемся уже осенью. Встречающие в свитерах и пуховках (температура ночью на плато опускается ниже нуля, и утром дядя Вася демонстрирует нам извлеченный из ведра кружок льда сантиметровой толщины). Мы возбуждены. Вздуроражены встречающие.

Лариса Вершинская приносит бутылку шампанского, появляется и бутылка с «джином».

Нам хорошо, уютно под нежными взглядами друзей.

Расходиться не хочется, и поэтому устраиваемся все вместе в огромном бараке-палатке кают-компании.

Говорить не хочется – все устали. Уже засыпая, Олежка задает вопрос:

– Гена, а ты под землей привидения видел?

– Видел, – хмыкает тот, – Один раз.

«Барак» настороженно замолкает.

– Мы тогда Осеннюю штурмовали, ее только-только открыли. Умотались мы тогда здорово. Снаряжение кончилось раньше, чем дыра. Перед очередным колодцем связали все, что у кого было. Спустили меня. Дна не достал. Приютился на какой-то полочке и вижу... – Пантя делает театральную паузу. Дождавшись нетерпеливого «ну, дальше», продолжает:

– На противоположной стене стоит белая женщина и говорит мне: «Да, Гена, в этот раз я тебе не отдамся. А вот в следующий раз буду только твоей».

– Ну, и как? – раздалось нетерпеливо из другого угла палатки.

– Обманула, первыми там побывали краснорыцы, – шелестят легкие смешки. Это последний всплеск эмоций.

Засыпаем. Но и во сне я продолжаю тащить мешки, брести по узким коридорам, подниматься по рапели. Еще два дня уходят под землю люди, непрерывно поднимаются на поверхность мешки. Трудно отпускает от себя КиЛСИ.

4 сентября. Группа выброски у вертолета МИ-4

Снова Самарканд

Вернулись мы несколько ранее намеченного срока (билеты взяты на 6). Поэтому вовсю предаемся туризму. Ходим и глазеем на восточные чудеса. Для их описания нужна целая глава и цветистая восточная речь. Ночлежка у нас во дворе альплагеря «Артюч». Прием в редакции газеты «Ленинский путь». Газета регулярно писала о ходе работ экспедиции. Ее корреспондент несколько раз поднимался к нам на плато. Юра Рост на прощание ведет штурмовую группу в ресторан: «Не могу, ребята, не поставить вам настоящего азиатского вина».

Ресторан «2500» (очевидно, столько лет городу). Проходим во внутренний дворик: журчит вода в фонтанчике, чинары, бетонные дорожки. Ресторан на втором этаже. Туда ведет широкая и воздушная лестница. Чувствую себя не в своей тарелке. Кроссовки развалились на спуске, и приходится «щеголять» в туристских ботинках, являющих из себя весьма печальное зрелище после соприкосновения с каменистыми склонами Кырк-Тау.

3 сентября. Горный арык

Ведомые Юрой, успеваем только одолеть пару ступенек, как сзади раздаётся сердитое: «Куда пошел в тапочках?» Оглядываюсь.

Из-за роскошного куста встает пожилой узбек во фраке и с бабочкой – швейцар. Осознавая всю непрезентабельность своего внешнего вида, обреченно машу рукой ребятам: «В «Артюче» встретимся». Однако почтенный представитель неумирающего племени привратников покровительственно машет мне рукой: «Нет. Не ты. Ты. Ты и ты», – тычет пальцем в Пантю, Пашу и Роста. «В тапочках нэлзя», – веско резюмирует он. Вся троица в новехоньких кроссовках «Адидас» (в голове мелькает ерническое: «тот, кто носит «Адидас», тот и Родину продаст, а еще любая баба даст»).

3 сентября. Последнее построение на плато

Очевидно, этот страж нравственности придерживается аналогичного мнения.

Уговоры не помогают, и, плюнув на все, идем на площадь в «Ошхону», где мрачно распиваем три бутылки узбекского портвейна, взятого здесь же рядом в магазине и оказавшегося изрядной гадостью.

Местные журналисты (областная газета «Ленинский путь», выходящая на русском и узбекском языках) устраивают встречу в редакции. Выступал Пантя. Выступал Атаджапаров – местный знаток карста, к Гене он относится с огромным пиететом.

Выступали журналисты. Их, в самом деле, очень интересуют наши дела, наверное, потому, что привлекают внимание к этому благодатному краю. Нас одаривают путеводителями по Самарканду с дарственными надписями. На прощание фотографируемся у входа в редакцию.

Разлетаются все. Наш путь лежит через Ташкент. Обещания, данные ранее, надо выполнять. Балташниковы все дома. Разговоры, воспоминания... Наши геологини уехали отмечать свою практику.

У нас проблемы: нас остается трое. Денег на авиабилеты хватает только на двоих.

Моим товарищам нужно быть в Перми послезавтра. У меня оброк – Степаныч уезжает во Фрунзе, вернется через неделю – за это время я должен написать статью о наших делах на плато объемом не менее десяти машинописных страниц для «Советского спорта».

Провожая Татьяну с Валерой домой. Они возьмут у секционного казначея деньги и пришлют мне. Я напишу статью, вернусь в Пермь, займусь топоъемкой. Потом уеду на 1-й Матч городов Урала. Я обязан там быть как один из учредителей.

Потом выйду на работу, если меня еще не уволили.

Пишу мучительно долго. Лезут какие-то тяжелые, неподъемные мысли.

Дня за три отдалбливаю на машинке одним пальцем семь мрачных страниц и в смятении прощаюсь с гостеприимным домом, так и не дождавшись его главы.

Читая потом «свое творение» на газетных страницах, я сгорал от стыда: там не было ни одной моей строчки. Беда, коль сапоги... Да электрик я. Электрик.

Дома сажусь за оформление топо атериалов.

Считаю, рисую. Камералка дала глубину 1028 м.

Рассылаю телеграммы Пантюхи-ну, Росту, Русанову, Балакину.

На Матче сообщение о дыре ажи-отажа не вызвало. «Скоро там будем тоже», – решает Урал. Круги от со-бытия расходятся в эфире бытия, обходя одних и задевая других.

Уезжая в экспедицию, оставил на работе два заявления: «Прошу предоставить» и «Прошу уволить». Шефу сказал: «Как хочешь, так и решишь». 20 сентября появляюсь, как ни в чем не бывало, на работе.

Мой непосредственный начальник смотрит озадаченно и молчит, сослуживцы крутят пальцами у виска, работяги с увлечением выспрашивают про азиатские подробности. В конце смены шеф под-ходит и, наконец-то, спрашивает, где я был. Мой ответ его не удовлетворяет, похоже, просто напрочь не верит.

Хмыкнув неопределенно, просит к завтрашнему дню написать объяснительную: «Соберется че-тырехугольник, будут обсуждать таких, как ты»

Старый работяга – Женя Юшков, мой бескорыстный болельщик из соседнего цеха, случайно при-сутствовавший при этом, ободряюще сказал: «Напиши все коротко и не мудрствуя – как есть, ведь такое дело провернули!»

Слова ложатся на бумагу легко и просто:

*Начальнику цеха 50
т. Стрелкову Н.И.
от Евдокимова С.С.*

объяснительная записка.

Поясняю, что в период с 11 августа по 20 сентября принимал участие во Всесоюзной спелеологи-ческой экспедиции, проводившейся на базе Крымского областного совета по туризму и заявленной на участие в первенстве на лучшее спелеопутешествие. Причины моего участия в экспедиции без согласия администрации цеха такие:

1. Неучастие в экспедиции срывало работу 50 человек в глубочайшей полости Союза – КиЛСИ – и делало невозможной попытку штурма мирового рекорда глубины спуска в естественные подзем-ные полости из-за нехватки кадров с достаточной для этого квалификацией.

2. Каждый человек должен стремиться достичь какого-то более высокого уровня в учебе, рабо-те, спорте. Шанс побить мировой рекорд бывает раз в жизни. По заводу же ходит поговорка, что лучше иметь двух пьяниц, чем одного спортсмена.

3. Полученный отказ от энергетика и начальника цеха.

Подпись

Следующий день проходит, как обычно: работа, отладка оборудования. На «четырехугольник» не

Павел Петров, Сергей Евдокимов, Кочербитова Галина, Мирон Михалевич, Пантюхин Геннадий Серафимович, редактор газеты «Ленинский путь», Атаджанаров перед редакцией газеты

вызывают. «Слишком много там собралось таких, как ты. Вызовут завтра», – роняет вечером начальство. И, возвращая объяснительную, бурчит недовольно: «Это переделай как-нибудь помягче». До меня только сейчас доходит... Шеф у меня отнюдь не дурак выпить, и одна фраза в объяснительной звучит уж очень двусмысленно.

Среда начинается со звонка Валерия Семеновича Шмырева:

– В «Советском спорте» твоя статья. Неси ее сюда.

– Не могу, она у проходных под стеклом.

Поскольку предприятие у нас режимное, приходится ждать окончания смены. В конце рабочего дня приглашают в кабинет начальства. Не четырехугольник собрался, аж шестнадцатигранник. Все старшие мастера и замы. Вопрос у них один: «Что с тобой делать?». Где был – не спрашивают, наслышаны, да и пресса прошумела. Правда, пока небольшие заметки без указания персоналий. Названы города.

Слегка пожурили, мол, начальство давить надо настойчивее. Кто-то предложил оформить отпуск за свой счет. Тут вылез товарищ Чистов, наш партийный вожак:

– А где видно, что ты не прогулял? А теперь прикрываешься прессой.

– Газеты читать надо, – отвечаю нехотя.

– А там, что? Твоя фамилия есть? – ехидно вопрошает он.

– Есть, – мстительно роняю я, – статья в «Советском спорте».

– Чья? – по инерции продолжает допытываться парторг.

– Моя, – отвечаю, не без удовольствия рассматривая финальную сцену из гоголевского «Ревизора», которую являют собравшиеся. Меня быстренько спроваживают, обещая решить вопрос и довести результат до моего сведения.

Круги пошли бродить дальше.

В клубе устраиваем традиционный вечер спелеологов. Откуда-то прибегают девчонки и требуют включить приемник. Радиостанция «Юность», Женя Русанов – 20 минут из жизни экспедиции. Наши голоса в эфире. Своим помощникам по подготовке экспедиции вручаем пиалушки, прикупленные в Самарканде специально для этого случая, в знак нашей благодарности и любви.

Потом выходит звуковой журнал «Кругозор». Одна пластинка о нашей экспедиции. Прощаясь с нами в Самарканде, Юрий Рост сказал: «Материал хороший, если получится, дам в нескольких номерах».

«Комсомолка» дала материал в двух номерах. Круги... Круги... Круги...

Нехорошо так леденит душу одно «но»: все указывают глубину 1082 м. Перепутали две последние цифры 28 – 82, 82 – 28?

Пришло, как никогда, объемистое письмо из Симферополя. Гена писал: «Серый, тянется бодяга с «Централкой». Посылаю свою объяснительную, чтобы ты был полностью в курсе дел. Приходило ли такое письмо к вам? Что ты написал? Сообщи». Объяснительная четко рисует картину тогдашних взаимоотношений секций с «Централкой». Поэтому привожу ее полностью:

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ ПО ТУРИЗМУ И ЭКСКУРСИЯМ

Начальнику управления самостоятельного туризма т. Симакову В.И. Председателю Крымского областного совета по туризму и экскурсиям т. Ревкину М.В.

от руководителя Всесоюзной спелеоэкспедиции

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

27 октября с.г. я был вызван в Крымский областной совет по туризму и экскурсиям, где мне было предъявлено письмо ЦС от 5 октября 1976 г. за N 5910/14, в котором руководству Всесоюзной спелеоэкспедиции на плато Кырк-Тау (Ср. Азия) ставится в вину, что оно в своих сообщениях и интервью представителям центральной печати («Известия», ТАСС) указывало, что это – «экспедиция специалистов ИМР и других производственных организаций Львова, Красноярска, Перми, но не секций советов по туризму и экскурсиям». По данному вопросу мне, как руководителю экспедиции, хотелось бы дать следующие разъяснения:

По всей вероятности, составители проекта указанного письма руководствовались корреспонденциями, которые появились в газете «Известия» за 2 сентября 1976 г. «КиЛСИ – спуск продолжается» и за 9 сентября 1976 г. «Поиск спелеологов», которые давал нештатный кор. «Известий» тов. Зайнутдинов из Ташкента. Чем руководствовался т. Ш.Зайнутдинов, давая такие сообщения, мы не знаем, руководство экспедиции, а также ее участники не давали указанному товарищу никаких данных о работе экспедиции и с ним не знакомы. Если составителей письма интересует вопрос, откуда он (Ш.Зайнутдинов) черпал информацию для своих сообщений, то они могли бы к нему обратиться лично. Руководство экспедиции имело беседы в отношении проводимых и проведенных работ только с теми корреспондентами, которые прибыли на плато Кырк-Тау, а именно: газеты «Ленинский путь» г. Самарканда – т. Каримовым; газеты «Комсомольская правда» – т. Ростом; газеты «Социалистическая индустрия» – т. Э.Максимовским, а также корреспондентом радиостанции «Юность» – т. Русановым. В своих беседах с данными представителями прессы и радио мы указывали, что наша экспедиция является Всесоюзной экспедицией, и что в ней принимали участие спелеологи секций Крыма, Львова, Перми, Красноярска, Самарканда. Именно это и было отражено в статьях корреспондентов и в радиопередаче «Юность».

Кроме того, меня удивляет формулировка составителей письма, что это была «экспедиция специалистов ИМР и других производственных организаций Львова, Перми, Красноярска». Насколько мне известно, в газете «Известия» ничего не сказано об экспедиции специалистов ИМР и других производственных организаций Львова, Перми, и др. Видимо, составители проекта письма позволили себе, по непонятным для нас причинам, заняться прямым вымыслом, что, по видимому, не было сообщено ими подписавшему это письмо тов. В.Симакову.

Подпись: Пантюхин

Как-то сошлось так, что в этот же день вызвали меня «на ковер» к председателю Пермского обл. совета М.П.Гунину (в отличие от последующих деятелей, занимавших это чисто номенклатурное кресло, он интересовался нашей самостоятельной жизнью). В приемной толкутся инструкторы и весело приветствуют мое появление: «Тут из Москвы письмо пришло, чем-то ты им насолил». В кабинет пропускают без очереди. Из-за стола протягивает руку Михал Палыч, весело щуря глазки, он сообщает: «Тут мы решили командировать тебя во Львов от нашего Областного совета на конференцию по КиЛСИ. Иди получать деньги». И добавляет: «Там от Илюхина телега пришла, в отделе считаешь. Ты не бери в голову, я уже, как надо, ответил». Похоже, чиновничьи игры доставляют ему удовольствие, и в этом раунде он целиком на нашей стороне.

Еще несколько кругов от события. Чтобы ехать, надо отпроситься у начальства. Без особой надежды ловлю с утра начальника цеха. Весело улыбаясь, он подписывает письмо и спрашивает меня:

– Деньги получил?

– Какие? – изумляюсь я.

– Ну, мы тебе решили проставить выполнение государственных обязанностей.

Обалдело только и могу, что кивнуть неопределенно. Чудны дела твои...

Во Львове проводится I Всеукраинская спелеологическая конференция. Откровенно, совсем не скрываясь, празднуется фитиль, вставленный Москве. Симпозиум из анекдота: «Товарищ Фурманов, а что такое симпозиум? Симпозиум, Петька, это научное собрание с вином и женщинами». Много вина, много людей, не всегда адекватно воспринимающих действительность.

Пытаюсь выяснить, откуда такая цифра глубины. Но, кажется, это никого не волнует. Гена просто отмахивается:

– Серый, просто я подумал и прибавил к тому, что отсняли томичи с Киевом, наш конец. Так будет честно, а Илюхин все равно будет уменьшать. Я его хорошо знаю. Он ведь и Снежную на 50 м уменьшил. В 1973 я там был и знаю.

Вечером, не дожидаясь окончания торжеств, отправляюсь на вокзал. Всего в девяти часах езды «шестьсот веселым» поездом от Львова – город Ужгород. Здесь живет мама и похоронен отец. Ночь в вагоне. День в разговоре с мамой (больше всего ее волнует, не было ли там опасно). Успокаиваю, как могу. Сходили к отцу на могилку. Брат несет срочную службу в войсках ПВО где-то в Туркмении.

Ночь опять в вагоне. Во Львове конференция благополучно закончилась. Умиротворенные гости разбредаются по домам. Улетаю и я, через Москву. Круги... Круги...

Проходит почти год. Странное происшествие. Однажды ночью снится непонятный сон: я стою перед колодцем 28 метров, что перед лагерем 700 в КиЛСИ. Слышу какие-то разговоры. Вроде слышен голос Илюхина. Что-то там расплозлось, кто-то упал. Звучит невнятно некая фамилия, вроде Шашурин.

Просыпаюсь от ясного чувства реальности происходящего. Звоню Пантюхину, сообщаю, что, мол, кто-то в экспедиции упал. Что это увидел во сне – не говорю. Через некоторое время, на 2 Матче городов Урала узнаю от тагильчан – да, упал, и на 28-метровом колодце. Шашурин, москвич, в Централке отвечает за работу с кадрами. Использовал Абалаковский пояс в обвязке и беседке, карабин со спусковым устройством попал на пряжку, пояс распустился, и с зажатой самостраховкой «клиент» упал на дно колодца. Сломана нога.

Пикантность ситуации в том, что, по нормам того времени, за такое ЧП грозила пожизненная дисквалификация с запрещением заниматься спелеотуризмом. Самому пострадавшему да и руководителю пришлось бы немало.

Руководителю экспедиции не оставалось ничего другого, как высечь самого себя. Не очень больно. На год. До следующей экспедиции. Не без ехидства наблюдали председатели областных спелеосекций на очередном своем семинаре неуклюжую попытку представить все досадной случайностью. Как доставалось многим и за меньшие прегрешения, знали все.

Уже зимой, на очередном семинаре председателей, Владимир Валентинович обронил небрежно в присутствии всего семинара: «Очень у вас большая ошибка в конце, – и уточнил, – все бьет практически один в один до восьмисот метров, а дальше...» – он развел руками. Не знал он, что кроме участка 400-700 все сделано одними руками.

Вообще-то физику не стоит забывать, что знает каждый студент-первокурсник, делающий лабораторные работы по физике: все замеры производятся минимум трижды, и выводится сред-

ний результат. Так что, если считать наши результаты полярными в ошибке, то получается 1/2 (1082+940=1011м). К истине все это не имеет никакого отношения. Это, кажется, называется просто политикой. Круги, круги...

1983 г.

Опять Кырк-Тау. Семь лет спустя. На этот раз СТП и самостоятельная экспедиция ВИВ. Все из Перми. Руководители – Петеримов Л.А. и Воинов А.В. Результат – 1012 м. Чуть позже ПГУ (руководитель – Валуйский С.В.) совершает свое нисхождение в том левом притоке, что мы прошли мимо. Круги, отразившись от неведомых берегов, начинают возвращаться обратно.

1986-1990 гг.

Секция ПГУ работает уже над пещерным восхождением по левому притоку и раз за разом добиваются успехов (рук. Валуйский С.В. и Родионов В.В.), за что получают бронзовые медали чемпионата СССР за лучшее спелеопутешествие. Одну из медалей, тренера, команда дарит мне на память – за 1976 год. Но это уже другая история и не мой рассказ.

1996 г.

Круг, кажется, замкнулся-таки: очередная экспедиция пермяков на дне Киевской. Это уже совершенно другое поколение спелеологов – наши дети. Среди них мой сын Денис. За два десятка лет изменилось многое. Подрос рекорд мира глубины карстовых полостей. Он бестрепетно шагнул за полутораклометровую отметку, и наша КиЛСИ не входит даже в десятку крупнейших пещер. Изменилась техника преодоления отвесов (если та наша экспедиция 1976 года была чуть ли не первой, отказавшейся от лестниц и тотально использовавшей самохватыв, то сейчас молодежь ходит исключительно по одной веревке, используя технику SRT). Неизменным остался только дух познания, который раз за разом уводил, уводит и будет уводить новые поколения вслед неизвестному.

Фотографии взяты с ресурса <https://viv.ucoz.ru/photo/23>

Пещера им. В.Пантюхина

С 1980 по 1987 Сергей Сергеевич участвовал и руководил экспедициями по первопрохождению шахты им. В. Пантюхина (сейчас – 1508 м, Абхазия).

В четырех статьях журнала АСУ он публикует заметки по экспедициям в пещеру в разные годы.

Вступление

История исследования пещеры им. Вячеслава Пантюхина началась с летней поисковой экспедиции 1979 года Симферопольского клуба спелеологов «Крым-550» на Северо-Западную оконечность Бзыбского хребта (урочище Абац).

Тогда крымчаки в неприметной расщелине в устье огромного лога прошли по длинному сильно корродированному ходу и остановились перед огромным колодецем, для преодоления которого у них не нашлось нужной веревки. Прикидочные измерения (бросанием камней) дали фантастическую цифру – больше двухсот метров!

В 1980 году крымчаками была организована большая экспедиция, в которой приняли участие львовяне, чехи, пермяки и спелеологи со всего Крыма.

Экспедиция с приключениями (как же без них) преодолела большой колодец, оказавшийся «все-го» 106-ти метровым, и дошла до глубины 320 м.

Экспедиция 1981 года по плану состояла из двух частей: первыми приезжают пермяки с тросовым снаряжением. Затем, две недели спустя, их должны были сменить крымчаки, которым Пермь оставляла все тросовое снаряжение. «Гладко было на бумаге, но забыли про овраги», овраг в виде простенькой мысли: «А вдруг пермяки первыми дойдут до дна и весь приоритет достанется им» заставил соискателей приоритета приехать на месяц раньше оговоренного срока. В результате тросовая техника остается невостребованной, а привезенной пермяками веревки едва хватило на сотню метров. Итого – 470 м.

На ноябрьские праздники мы съездили со школой на Чатыр-даг, попутно обговорив с симферопольцами летние планы. Вариант оставался прежним: Пермь приезжает первой, две недели занимается дырой. Ей на смену приезжает Симферополь.

КрЭ-01 – 1982 г

27 июля 1982 год. Сумасшедший дом в отсутствие врачей и санитаров – ничто, в сравнении с последними днями перед экспедицией. С каждым годом все туже с продуктами. Абсолютный дефицит сахара, сгущенного молока, тушенки. Если так пойдет и дальше, то в будущем придется модули паковать месяца за три-четыре, только тогда будет полная уверенность в том, что под землю уйдет то, что нужно. Отсюда и необходимость сбора денег на продукты с кандидатов в экспедицию в соответствующие сроки. Сегодня в 21:17 уезжает поездом группа заброски в составе Петеримов –

Поздеев и примкнувшая к ним Жидко из сопутствующих групп. В этот раз проводим одновременно и лагерь второго года. В нагрузку у нас две группы – «Оптимисты» и «ЗИС», причем «Оптимисты» выторговали себе отдельное «гнездовье», но работать собираются по общему плану.

Саша Поздеев (Поздеич – в экспедиционной жизни) появился только сегодня, хотя обещал быть 25. У них в партии ЧП, чуть не спалили буровую. С керном достали кристаллогидраты газа. Два чудика решили проверить – горит ли он. Утащили в жилой блок, где в раковине умывальника попробовали поджечь... Балок спалили. Спалили и еще чего-то. Их счастье, что труба от раковины выходила на улицу в сторону от буровой. Приехало начальство, милиция. Вырвался с трудом. Я работаю во вторую смену, и всю грудю мешков мужики будут утрясать в поезд без меня. Летайте самолетами Аэрофлота. Мы полетели, и пять часов ждали отправки из Перми. Но, все по порядку. Мы летим вдвоем с Шурой дополнительным рейсом. Самолет улетает в два часа дня, и мой попутчик появляется сразу с работы, предварительно основательно спрыснув отпуск в кругу своей бригады.

Через контроль проходим без особых проблем, разве что на вопрос милиционера: «Что у вас в сумке?» получен был ответ: «К-к-карабины, к-к-калибра 5,6», правда, без последствий. В самолет садимся парой, я крепко держу счастливого отпускника под локоток. Едва коснувшись кресла, он блаженно засыпает. Наконец, все усаживаются, стюардесса предлагает пристегнуть ремни. Начинают жужжать какие-то включаемые агрегаты. Одновременно по салону разносится запах горелой проводки. Через минуту шум затихает, и хозяйка салона предлагает покинуть салон самолета и пройти в зал ожидания. По «техническим причинам». Поднять уснувшего десять минут назад счастливого отпускника... Справиться с такой задачей удалось не сразу, и, только внушив, что мы уже прилетели. Скандал разгорелся, когда мы вышли из самолета. Хоть и датый, а родной аэропорт узнал.

Пришлось припугнуть, соврав, что «...при посадке ты, Шура, сломал какую-то антенну, и теперь злоумышленника ищут». Вмиг присмирившего буяна удалось препроводить на второй этаж и уложить на свободную лавку. Два часа, проведенные в объятиях Морфея, благотворно сказались на характере нашего героя, и, когда объявили посадку, все вопросы были сняты, стоило только упомянуть якобы имевшее место происшествие. В Адлере дождь и мряка. Аборигены утверждают, что уже целый месяц без продыху льет с небес. Поздеич и Петеримов встретили нас в зоне выдачи багажа. Диспозиция такая: Поздеев договорился с геологами, они пообещали машину, а, может, и вертолет, что летает через Абац в партию где-то на том конце Бзыби. До вертолета нам разрешено базироваться в летних домиках базы геологов по адресу: Гагры, ул. Чанба, 69.

Разговариваем с начальником этой конторы. Денег он не берет: «Зачем мне деньги. Найдете хорошую пещеру, назовите ее именем моего погибшего друга – Андзора Тавберидзе».

2 августа 1982 г. Кто-то видел крымчаков. Опять раньше, на этот раз на неделю. Нас ждут, так как не хватает снаряжения. Симферопольцы роют копытом землю и готовы тащить наши мешки вместо нас. Учитывая сложившуюся ситуацию, начинаем заброску. С грузом ожидать вертолет остаются два «инвалида» – я и Сан Саныч Желудков. Сезон получился очень напряженным. Школа, Пятый Матч городов Урала, Чусовская экспедиция. Очень много ныряли в Голубое озеро. Неосторожное обращение с режимами декомпрессии привело к декомпрессионной болезни, в просторечии именуемой кессонной, долгому пребыванию в декомпрессионной камере, и как следствие – рецидивам болей в суставах правой ноги и обострению каменилопочечной болезни. К экспедиции я готов не вполне, Сан Саныча Желудкова прошлой осенью сбила машина, переломала ноги, и теперь он жаждет реванша.

Чехи в экспедиции. Та же команда из Богумина под руководством Йжефа Вагнера. Здесь же Лу-

бомир. На двух машинах. Итого – экспедиция состоит из 27 пермяков, 18 крымчаков и семи чехов. Впрочем, все мы независимы в своих решениях и поступках, но цель общая и общий язык находить мы умеем. Руководит крымчаками Козлов Александр. Он сейчас под землей, в первом базовом лагере. При встрече на поверхности Шура Козлов обезоруживающе разводит руками, отвечая на мои упреки, мол, чехи раньше приехали, пришлось подстраиваться под их график.

Ну и хрен с вами. Если и будут экспедиции, то теперь только свои, не совместные.

Йозеф Вагнер

Вечером, лежа в спальнике, Саша Поздеев, объясняя новичкам начала топосъемки, слегка подправляет геометрию с тригонометрией: «Синус – это отношение прилежащего катета к противолежащей гипотенузе». Мы смеемся, а он озадаченно крутит головой и изумленно переспрашивает: «И что это я такое умное брякнул?»

Пермяки опять осваивают чешский. И, как всегда, первым идет выяснение: кто, как и куда посылает, правда чаще всего этим и кончается. «Бамбус до дупы» – конструкция нашенская (это нечто вроде «бамбук тебе в зад»).

Не очень далеко, но произнесенное на «иностранным» языке, поневоле к самому себе вызывает уважение. А уж добавив к бамбуку «а двасто атмосфер» (с ударением на каждое О), получается еще и грозно. Умельцы сочиняют головокружительные словесные пассажи, понятные, Впрочем, только им самим. Но звучит все зловеще.

9 августа 1982 г. Сегодня достигнута глубина 650 м. Вотинов А.В., Остьянов В.Н., Петеримов Л.А., Поздеев А. ползают по галерее в поисках продолжения.

12 августа 1982 г. Сегодня закончено исследование трех предполагаемых продолжений галереи, в том числе сифон.

13 августа 1982 г. Ночью и вчера весь день лил дождь.

17:45 Остьянов и Петеримов вышли из 2-го лагеря.

20.00 Остьянов и Петеримов на верху второго 100 м колодца.

14 августа 1982 г. Проходя от лагеря до входа в КрЭ-01 молодежь (Сергея Меньших) нашла подозрительную щель под маленькой скалкой. Раскопали, пролезли, и практически сразу начался колодец. Парни дальше продвигаться не рискнули (опыт маловат), прибежали за помощью. Идем втроем: я, Бакировна и Серега Меньших (как открывателю, ему положен приз – первопрохождение). Вечером Леня задумчиво предлагает: «А мы геологу обещали пещеру назвать именем его друга!» Предложение принимается без возражений. Так на схеме урочища Абац появляется пещера Тавберидзе.

Красивый парень, назовем его Хаев (из примкнувшего к нам ЗИЛа), после армии, на фоне девушки, с которой планируется заключение брака. Место действия – пещера КрЭ-01. Задача: помощь при выброске, для чего нужно спуститься на дно первого стометрового колодца, чтобы цеплять транспортные мешки, которые подняты в эту точку штурмовой группой, мирно отдыхающей в ПБЛе двумя уступами ниже. Технически задача несложная, но возникает ПРЕТЕНЗИЯ – хочу спуститься

ниже: «Я здоров, чего скрывать, я пятаки могу ломать. . . лучше, хоть плачь. Правда, головой предпочтительно €

Однако незадача в том, что на этих двух уступах льет вода (на «сотке» лишь редкая капля), а у клиента нет гидрокостюма, нет его и ни у кого на поверхности. К тому же это его первый выход на большие отвесы. До этого были лишь 20-метровые сухие колодцы. Хаев самовольно уходит до базового лагеря (смотрите все, какой я мощный), но при подъеме оказывается, что льет на самом деле прилично. Поэтому, опять же самовольно, берет гидра у спящего Поздеева, и наш герой спокойненько уходит наверх. На требование вернуть гидру хозяину следует недвусмысленное: «А пошли вы все, я устал». Положение патовое. Чтобы доставить один гидрокостюм в ПБЛ, нужно два гидрокостюма, Поздееву и тому, кто его доставит вниз. А костюм на поверхности один. Единственный. Который нужно доставить Поздееву. Ситуация рвется Поздеичем. Он выходит на собственном железном здоровье, надев на себя все полиэтиленовые кульки, оказавшиеся в лагере. Зрелище предстало перед прибежавшими встречать поднимающихся жутковатое. На лицо были все признаки жестокого переохлаждения. Растерли, напоили, отогрели. Крымчаки предлагают набить морду Хаеву. Толку-то.

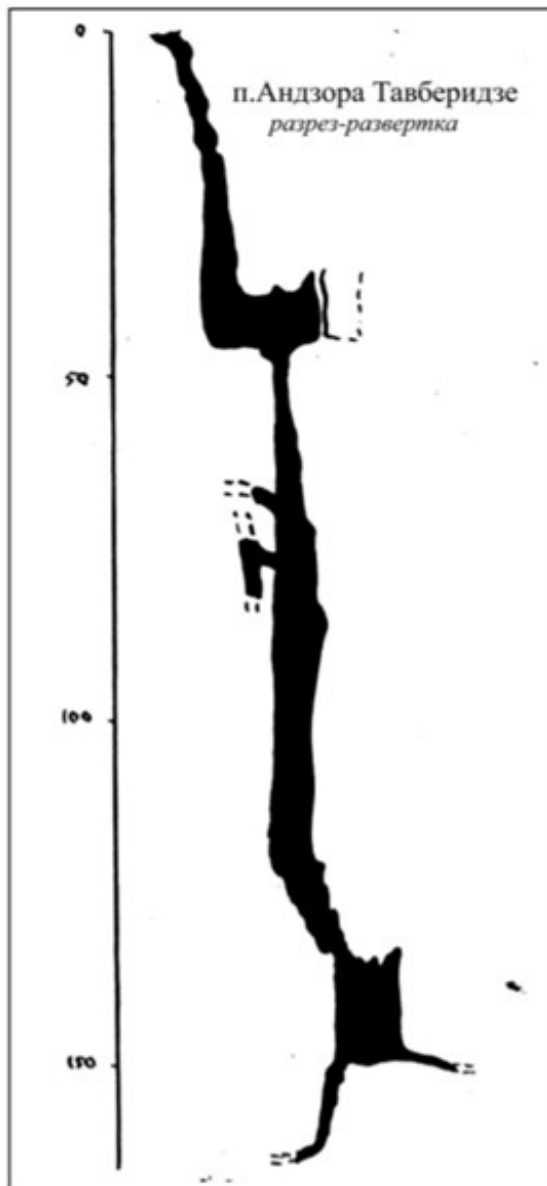
В пользу подобного мероприятия не верится. Думаю я сейчас почему-то об Икаре.

Стало привычкой петь асану «дерзости и смелости» героя древнегреческого мифа об Икаре. Стоп! По инерции написал. Откуда «дерзость и смелость»? Нет такого мифа! Есть у Гомера миф – «Дедал, или деяния Дедала», где и проходит одним из фигурантов Икар. Икар лишь сын Дедала, некоторым образом – одно из его творений, увы, не самое удачное, но зато самое известное.

Миф повествует о жизни гениального древнегреческого конструктора, изобретшего не только крылья, нечаянно прославившие сына, но и множество других изделий, не всегда гуманных, с точки зрения нынешних общечеловеческих ценностей, в том числе и Лабиринт Минотавра. Но вот знают его много меньше людей, чем сына, чье имя у всех на слуху.

Напомню вкратце фабулу того происшествия: Дедал, уже тогда признанный технический гений, попадает под власть дикого и своенравного царя Крита (попросту говоря – был выкраден, вот они – истоки промышленного шпионажа), где, тем не менее, продолжает успешно заниматься творческой деятельностью, изобретая и строя все новые и новые чудеса под «чутким руководством» коварного правителя.

Но свобода ему дороже, и, как средство избавления от неволи, изобретаются крылья из подручного материала – лебединых перьев и воска. Покидая постылый остров посредством изобретенного малогабаритного индивидуального транспортного средства, конструктор дает подробную инструк-

цию любимому дитяти, входящему в юношеский возраст: «Высоко не забираться – от близости к лучезарному Гелиосу может размягчиться конструкция, будет «бо-ба». Низенько опускаться тоже не след, там море перья намочить может – случится перегруз, и опять же будет «бо-ба»». Дедал, произведя это действие, походя создал, наверное, сам того не подозревая, и первую инструкцию по безопасному техническому применению и использованию малосерийного сложного технического устройства (ТБ), каковым, безусловно, являлись вышеозначенные крылья в количестве две (2) пары. Стартовали удачно. Погони не было в виду отсутствия у недруга подобного аппарата. Юнец, почуввав восторг полета (кто летал – тот помнит первый полет всю жизнь), стал выделяться. А и было перед кем, морская пучина кишела в древние времена всякими там наядами, русалками и прочими морскими представителями прекрасного пола. Нарушил строй, покинул ведущего.

Забрался аж до огненной колесницы солнечного бога. Воск растаял, перья рассыпались, и рухнул юный нарушитель ТБ в море, средю обитания тех самых наяд, ради которых и был весь кураж. Впрочем, прелестницы безутешно «отрыдали честно» над пучиной положенное. Ну, а дальше все как обычно. Дедала потихоньку забывают, хотя он живет еще долго и творит немало чудес. А вот воздушного хулигана и аварийщика помнят, хвалу поют и «многая лета». Уж не потому ли, что в самой сути человека сидит нечто,двигающее свое небрежение на уровень подвига. Впрочем, мы все учили «Песню о Буревестнике». «Безумство смелых», из этой песни.

Подходят пастухи, просят поднять корову, свалившуюся в воронку. Отдыхающие с энтузиазмом достают веревки, блоки, карабины и идут под руководством Саши Вотина в след за хозяином скотины. Еще один хозяин приводит козу. Говорит, что ночью медведь пошалил, за бок хапнул и шкуру порвал.

Картина незабываемая: двое спелеологов держат рогатую за ноги; один висит, вцепившись в рога; двое – расправляют лоскут кожи. Медик шьет шелком. Рогатая страдалница, вырвавшись из лап орды насильников и садистов, боком-боком делает ноги по направлению к своему кошу. Возвращаются гогочущие спасатели. Одну буренку достали благополучно. Со второй не заладилось, хитро накрученный узел сполз с крупа на шею и задавил животное. Все дружно цитируют анекдот: «Больной, у вас что болит?» – «Голова» – «А почему повязка на ноге?» – «Сползла».

Быстро сгущаются сумерки. Остается совсем немного, по сути один выход под землю на выброску снаряжения.

16 августа 1982 г.

13.50 – Шаров Сергей в лагере начинает выброску.

17.30 – мешки на дне 45-метрового колодца.

19.25 – мешки пошли по 100-метровому колодцу. Их примерно 25 шт.

17 августа 1982 г. Последние мешки выволакивают на поверхность далеко за полночь. Если быть полностью правдивым, то ближе к обеду. Стираем и сушим снаряжение. Приводим в порядок место, где прожили две недели.

18 августа 1982 г. День выброски. Провернулись очень дружно. Уже к четырем часам дня стоим на автобусной остановке у моста. Красными, синими, белыми строчками расцвечена вода реки. Моется отечественное и экспортное снаряжение. Петеримов договаривается с чехами, и теперь в Бзыби полощутся наши цветные веревки. К вечеру перебираемся в Гантиади, где празднуем окончание экспедиции и пещеры. Кончилась она как-то резко. Не по науке. Впрочем, не по науке она и началась.

19 августа 1982 г. Едем с чехами в Сухуми на двух машинах. Им надо сняться с учета в КСС.

«Коровьи» спасы

На выезде из Афона что-то начинает периодически греметь в моторе микроавтобуса. Я как абориген остаюсь с Лумиром (Lumir) разбираться, Козлов с Йозефом Вагнером и всей чешской командой уезжают на газончике.

Залазим под машину. Первый осмотр вызывает сильное уныние Лубомира. В нижней части блока цилиндров симметрично с двух сторон зияют дыры, в которые пролазит палец. Снимаем картер. Из него вываливается железка, которая при ближайшем рассмотрении оказывается обломком шатуна второго поршня, согнутого пополам (!?). Поршень заклинило. Ближайший магазин запчастей только в Словакии. Хотя... В принципе, сняв высоковольтный провод со свечи, ехать можно, масло только будет выбрасываться в дыры. Так... А дыры можно залепить расплавленным капроном. Объясняю идею Лубомиру. Он не понимает. Тогда прошу кусок капроновой веревки и спички. Лезу под машину, зажигаю кончик веревки и, как тампоном, заделываю обе щели.

К возвращению Козлова и Вагнера мотор у нас работает, хоть и на трех цилиндрах, но почти как часы. Возвращаемся в Гантиади колонной.

На подъезде к речке Бзыбь на нас обрушивается стена воды, настоящий тропический ливень.

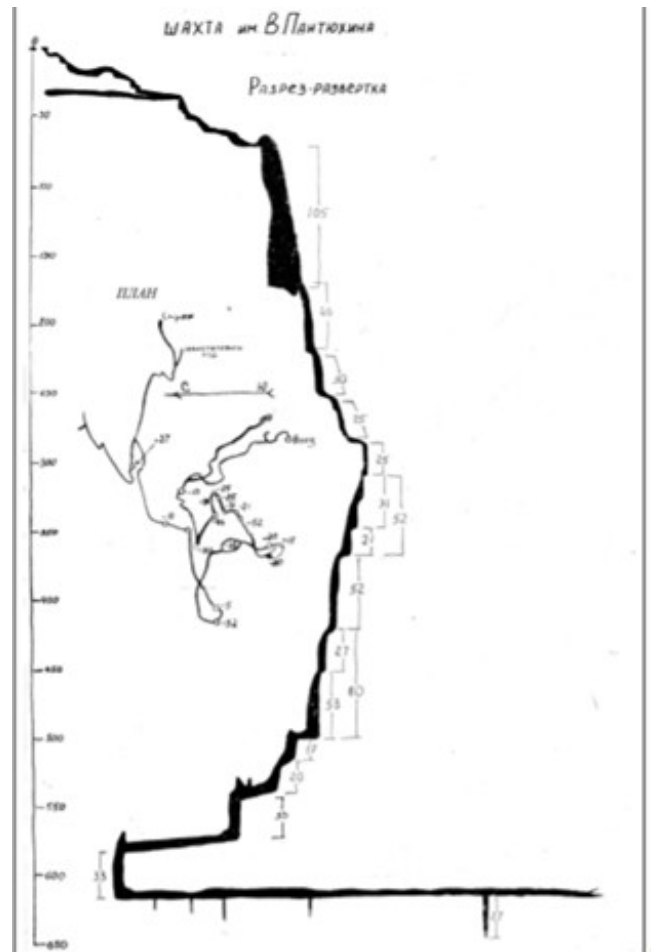
За мостом нас резко тормозят местные гаишники. Любомир идет разбираться, следом выскакивает Козлов. Через минуту возвращаются оба в сопровождении черноусого сержанта. Угодливо придерживая дверцу, тот говорит скороговоркой: «Панимаеш, ви очень бистро ехал. Дорога сильно мокрый, предупредить хотел». «Валюты ты хотел срубить», – ядовито усмехается Саша, закрывая дверь и пряча в «банан» свое удостоверение действующего сотрудника КГБ. Д-да... Выцвевшие трикотажные трико и свитерок, из которых долговязо торчат исцарапанные, побитые руки-ноги, ну никак не подтверждают это.

У Гантиади ливень иссякает. В синих сумерках сворачиваем с трассы к вокзалу. Люмир резко тормозит и начинает разворачиваться: «Там ваши полицаи. Наверное, авария», – отвечает он на мой вопрос. Едем долго и нудно назад, вдоль железнодорожного полотна по проселку; под каким-то мостом, пересекаем его; и так же нудно тащимся обратно. Минут через сорок оказываемся на поляне, что между вокзалом и морем. Наши уже расположились здесь. Вещи накрыты полиэтиленом. Спальники разложены под футбольными воротами, через верхнюю перекладину которых переброшены еще два тента, образуя подобие палатки. От ливня – защита символическая, но морось, сыплющаяся с небес, нас не достанет. Невдалеке ставят палатки спелеологи, спустившиеся с Арабики. Вынырнувший из вечернего сумрака Леня Петеримов отводит меня чуть в сторону и вполголоса сообщает: «Москвичи, руководителем у них Илюхин», – и смотрит выжидающе на меня – ждет, как яотреагирую. «Ну и что?» – спрашиваю в свой черед, – сейчас он такой же спелеолог, как и мы все.

Финальный снимок участников экспедиции 1982 года на Бзыби. 18 августа

Надо подойти и поздороваться. Прихватив Сашу Козлова, направляемся к соседям. Это совсем зеленая молодежь. Замкнуто бродят меж палаток, на вопрос: «Где Илюхин?» – долго не можем добиться вразумительного ответа. И, добившись, стоим огорошенные. Час назад Володя попал под машину. Спускался от автобусной остановки к вокзалу... Там стоял автобус, из-за него и вылетела машина... Увезли в Сухуми... Эту аварию мы, очевидно, и видели, сворачивая к вокзалу. Поздно ночью появляется Паша Горбенко. Вот кого я мог ожидать увидеть здесь меньше всего. С ним знаком еще по ВИС-71, где оба были слушателями. Тогда студент-медик, в описываемое время уже работал в Москве. Его научные работы по медицинским аспектам спелеологии часто встречаются в научной литературе. Сейчас он, по слухам, связан с медициной космической. Был в экспедиции вместе с Илюхиным. Здравоемся сдержанно.

На немой вопрос: «Ну что там?» – отрешенно начинает рассказывать: «Увезли в Сухуми, в центральную больницу. Ну, ты знаешь местных, пришлось через Тинтилозова до министра Грузинского здравоохранения дозваниваться. Только тогда к операционному столу стали. Я сам ассистировал... Спасти не удалось...». Долго и бесцельно молчим. Наутро удрученно разъезжаемся по домам.

Через месяц пришло письмо из Чехословакии. Писал Лумир. Добрались они благополучно, наш «ремонт» оказался достаточно качественным. Как он писал: «В Чехословакию мы приехали живы и здоровы, хотя стали участниками автонеся – так в справку написала ваша милиция. Просто в нас прилетел военный грузовик, и на скорости в 90 км нас перевернуло на крышу. Так окончился путь моего старого джипа, но с нами, на счастье, ничего страшного не случилось». Что-то в этом году много автомобильных аварий на спелеологических маршрутах.

КрЭ-01 – 1985 г.

Окончив сезон 1982 года, на отчетном годовом собрании спелеосекции ВИВ (которая, собственно, и представляла пермскую спелеологию в тех экспедициях) было принято решение больше в подобных «играх» не участвовать, а проводить самостоятельные экспедиции. Независимые от приоритетных настроений.

Здесь позволю себе привести обширную цитату из моей же статьи «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о приоритете», чтобы был понятен ход наших мыслей, приведших к дальнейшим событиям. Итак: споры о приоритете в истории человеческой не являются чем-то уникальным, из ряда вон выходящим. Помяну только три пары спорящих: Скот – Амундсен, Попов – Маркони, Ладыгин – Эдисон. Гонка на Южный полюс, открытие РАДИО, изобретение электрической лампочки, которая и вообще звалась на одной шестой части суши не понять почему «лампочкой Ильича». Первый спор окончился трагически, в двух других давит на сознание капитал. У кого он есть, тот и прав. Нынешние схлестки на спелеологической ниве удивления особенного не вызывают. Случалось и раньше: народ развлекался подобным образом.

Помнится, всесоюзная скандалюшка конца 60-х по поводу самых длинных пещер. После того эксцесса, на одном из семинаров председателей областных спелеосекций (существовала у Центрального совета по туризму, управляющего всем туризмом в стране, совсем неплохая привычка проводить ежегодные, так сказать, установочные семинары с подчиненными), была принята договоренность о так называемом «праве первой брачной ночи».

Право это, просуществовавшее в «цивилизованной» Европе почти до конца 19 века (читайте «Происхождение семьи, частной собственности и государства» – классика марксизма), гласило: что выходящая замуж девица, попадающая под юрисдикцию местного правителя, первую брачную ночь должна провести со своим сюзереном. Что, в приложении к нашему занятию, означало право первооткрывателя пещеры заниматься ее исследованиями единолично. Право (спелеологическое) было бесспорным и бессрочным (так решил высокий синклит в лице своих председателей). Само собой, спелеологическое это право не оформлялось в виде законченного документа, а существовало как простая договоренность председателей, людей болеющих (и, что немаловажно, реально отвечающих) за развитие движения в регионах. Потом почта (обычная, так сказать эпистолярная, электронная еще не существовала) нет-нет да и приносила периодически скандальные вести из разных мест: то А у Б пещеру отобрал – раньше поспел «негодяй», то В у Г топосъемку стырил, а то и вовсе Е присвоил себе все лавры первооткрывателя, побывав в экспедиции Д. Скандалы возникали и гасли. Но в целом положение регулировалось договоренностью. Шло время. Неуклонно росла не только протяженность и глубина наших ям, но и их сложность. И случилось так, что многие пещеры по сложности переросли возможности своих сюзеренов, иные из которых и вовсе канули в лету. Поэтому к середине 70-х годов «право первой брачной ночи» несколько модернизировали, учитывая возросшую сложность исследуемых пещер, разную подготовленность секций – обладателей этого права.

Собравшись в очередной раз на очередной свой семинар (1973-75 гг.), председатели решили, что «право Первой брачной ночи» отныне принадлежит секции до тех пор, пока та занимается регулярными исследованиями ее и получает положительный спелеологический результат (прирост длины и глубины, научные исследования). Тогда же было оговорено, что если на протяжении трех сезонов

(тогда это было лето) секция не занимается пещерой, или результат не меняется, право на исследования получают другие секции. С таким «Этическим кодексом» мы (имеется ввиду бывший СССР) и вошли в восьмидесятые-девяностые годы. Вот, исходя из каких посылок, ВИВами было решено сделать перерыв в три сезона. С тем, чтобы продолжить работу самостоятельно. В тот период Геннадий Серафимович активно занимался подготовкой кадров в Украинской спелеокомиссии и, как говорится, оседлал район, регулярно приглашая нас продолжить исследование пещеры. Все эти три сезона экспедиции пытались пройти сквозь щели, из которых дуло с разной силой, но постоянно. И нам настоятельно советовали тащить под землю дрова (для термической обработки стен), кузнечный инструмент и ВВ (рвать и долбить).

Между тем, первооткрыватели секция «Крым-550» не работали там после 1982 г. Я же всегда знал, что продолжение за сифоном. Не слышали. Отговаривали. Анекдот не к месту: «Штирлиц зашел в тупик и увидел: дуло! Он закрыл форточку и дуло пропало». Наше «дуло» появилось, когда сифон вычерпали в 1985 г. К сожалению, принимать непосредственное участие в событиях этого года мне не пришлось. За день до экспедиции тяжело заболели мои дочери, и уже непосредственно в день отлета экспедиции на Кавказ слегла с высокой температурой и жена. Бразды правления были переданы Саше Вотинову, и собственно об экспедиции я знаю только по рассказам ее участников. А вот все, что связано с подготовкой, проходило через мои руки. Еще в 1984 году на всесоюзных соревнованиях в Сухуми (теперь Сухум – столица независимого государства), мы сообщили всем, что планируем экспедицию на Абац, и согласовали сроки, чтобы не сесть кому-нибудь на голову. И пошла рутинная работа по подготовке экспедиции.

Уже в начале лета пришло письмо от Сергея Бучного – севастопольского спелеолога, который был в моем отделении на семинаре ВТП 1982 года.

В связи с напряженными отношениями со своими областными сюзеренами, он спрашивал у нас согласия на участие нескольких человек из их секции «Бездна» в нашей экспедиции.

Согласие было дано, и пошли всякие уточнения списков людей для включения в заявочные документы, списки продуктов, снаряжения...

Так в списках экспедиции появились севастопольцы: Вольский И.С., Воронин Ю.М., Стаценко В.И.

Потом, в конце весны, пришло письмо от Аллы Карповой из Ленинграда, в том же 1982 году она была слушательницей ВТП, но в отделении Александра Вотинова.

Среди разной информации прозвучало и желание сходить в приличную пещеру, да вот «сроки отпуска и секционных мероприятий не совпадают».

Письмо от Геннадия Серафимовича Пантюхина.

Поскольку наши сроки совпадали, пригласили и ее.

Уже перед самым отъездом (дня за два) пришло письмо от Пантюхина, проводившего на Абаце украинский семинар ВТП.

Гена писал: «ВТП – закончили. В Славкиной нашли продолжение. Первое – в 5-метровом колодце в начале галереи на дне, не прошли последние метры (надо разбивать, кувалдочки по 1-2 кг там очень кстати), второе – в правом ответвлении по ходу галереи. Рисую. Во втором до больших объемов не дошли, 80 см – 1 м, но эхо туда сильное (шестикратное). Третье – ребята не лазили, только посмотрели». Практически в день отлета экспедиции из Перми прислал свои соображения о перспективах работы на дыре севастополец Костя Гавриленко, он не принадлежал к «Бездне» и работал с Пантюхиным самостоятельно.

В целом, повторяя Пантюхинские рекомендации, он много внимания уделил технологии отжигания стенок узостей и заключил письмо замечательными словами: «Нам делить нечего, мы все делаем одно дело, и хочется, чтобы оно успешно продвигалось вперед». Замечательные слова настоящего спелеолога. В день отлета, по причинам упомянутым выше, я, что называется, у трапа самолета, передал свои полномочия Александру Вотинову, оставшись сиделкой при домашнем лазарете.

Прошло две недели, приблизился срок возвращения, и, пользуясь своим положением председателя правления городского туристского клуба «Компас», для встречи возвращающихся ребят (самолет прилетал далеко за полночь) заказал автобус, благо смета позволяла, и отправился встречать экспедиционеров.

* * *

Они появлялись в боковом проходе с летного поля. Загоревшие, сияющие радостными улыбками, с охотой выплескивая обуревающие их эмоции. Да, прошли! Но взятый с собой баллон акваланга и редуктор с легочником не понадобились. С опаской покосившись на нашу технику, севастополец Игорь Вольский попробовал просунуть в дыру сифона ноги и... почти сразу оказался по ту сторону сифона.

Прошло почти десять лет, и появилась книжечка Игоря Вольского «Пропась имени В.Пантюхина». Из нее становилось ясно, какая сильная секция в Севастополе, и совершенно непонятно, что собственно делали пермяки в пещере.

Как тут не вспомнить моего старого товарища Валентина Остьянова, на дух не переносившего тех иногородних участников экспедиций, по завершению которых становилось ясно, что главные герои – это приехавшие гости и есть, хозяева-то здесь ни при чем.

Но это было потом.

Съёмка донной галереи от сифона и до колодца 28м. выполнена в 1985 году.

КрЭ-01 – 1986 г.

Год проходит в хлопотах, сборах и заботах: школа начинающего спелеолога, спелеолагерь первого года обучения в Губахе, 9 Матч городов Урала по спелеотехнике на Коуровской турбазе под Свердловском, очередная подводная экспедиция по Чусовой (п. Кусье-Александровский – г. Чусовой). Попутно готовим экспедицию на Бзыбь, в Славкину пещеру (так между собой фамильярно называют пещеру имени Вячеслава Пантюхина), о чем решение приняли крымчаки еще в январе. В этом году, как и в прошлом, забираем с собой на плато и лагерь второго года. С Крымом все вопросы как будто бы решены, к обоюдному удовольствию, еще в ноябре, в очередной наш приезд в крымские пещеры. Пантюхин планирует провести на Бзыби какой-то Украинский семинар, и, чтобы не путаться, договариваемся, что мы начнем работать по его окончании. Правда, в середине года приходит путаное письмо от Гены с непонятным вопросом о какой-то моей публикации по Бзыби.

Мост через р. Бзыбь.

Опять старая история. Поскольку ничего, никому и никуда не писал, отвечаю совершенно честно, что все это чушь, и подобными вещами я не занимаюсь. Тем более, что договаривались визировать все материалы у него же. Договоры должны выполняться – это, кажется, основная формула древнего Римского права, на которой зиждется здание современной юриспруденции. Остается, правда, неприятный осадок, но «все суета», и в предэкспедиционной суете проходит и это.

12 июня. Отправляем заявочные документы в Российскую МКК.

26 июня. На областном спелеослете с представителями секций согласовываем принципы проведения экспедиции. Это урок разбора прошлогодней экспедиции, когда некоторые участники начали всем предъявлять претензии и по принципам проведения, и по достигнутым результатам, и по используемому снаряжению. Нового в этом нет ничего. Подобную бумагу мы готовили еще в 1978 году, когда шла подготовка к первой Всеуральской экспедиции (к сожалению, не состоявшейся из-за несогласованных вопросов) в Парящую птицу.

9 июля. Работает наша областная МКК. Рассматриваются заявочные материалы групп, идущих в составе экспедиции на двойку и тройку.

16 августа. Начало экспедиции Бзыбь-86. Все как обычно: прилет в Адлер, беглый взгляд на море. Переброска багажа и участников к 13 км Ричинского шоссе. Мост через Бзыбь. Ночлег у первого подъема.

17 августа. Сегодня делаем по три ходки с грузом. Первый промежуточный лагерь – у источника (что-то около километра высоты), после взлета. Весь груз планируем забросить сюда, заночевать и

с утречка продолжить челночные рейсы к «перевалу тракториста», так окрестили перевал за прибли-
тый к буку пропеллер от тракторного вентилятора. Пока у нас перекус после первой ходки. Снизу
поднимаются ребята, наспех глотают пару кружек горячего чая, спешно бегут вниз за очередной
порцией груза. Мимо нас спускается команда украинского семинара. Лица не выражают особого
восторга от встречи. От предложенного чая гордо отказываются почти все. Странно это. «Агентура»
докладывает, что им «высочайше» велено с нами не разговаривать, «пока Гена лично не разберется
с Евдокимовым» и не даст на это добро. Ну, и черт с ними, перышко в донышко и попутного ветра.
Моя совесть чиста. Знаю и то, что все подозрения развеются после встречи.

Вот и Гена. Помогаю снять рюкзак. Вместо приветствия получаю прямо в лоб:

– Ты почему не пишешь в газетах про нас, а только про себя?

От неожиданности забываю предложить кружку с горячим чаем. Недоуменно переспрашиваю:

– Гена, о чем и в каких это газетах? Уточни, пожалуйста.

– В «Комсомолке», в «Правде»... – секундная заминка, и дальше не очень уверенно, – мне так
говорили.

– Кто говорил? Покажи хотя бы одну заметку.

Гена раздраженно ворчит:

– Ну, мне на Украине тут говорили... Хотя, отец бы сказал: он пенсионер, все газеты читает...

Обескуражено машу рукой:

– Ты разберись, кому это нужно, а потом выдвигай претензии. Или прямо скажи, что нам здесь
делать нечего. Мы не гордые, место себе найдем.

– Да не горячись ты,

– Это я-то горячусь!?

– Разберусь я с этим.

– Дошли до глубины метров 1200, – успокаивающе продолжает он, – вот я тут переписал пике-
тажки, – показывает блокнот с чистовыми записями.

– А откуда такая глубина? – интересуюсь я.

– Ну, 650 метров – старая часть, 100 метров в галерее, что вы в прошлом году прошли, после
колодцев галерея еще 100, ну и еще колодцы. Остановились перед колодцем метров 300, но веревок
не хватило.

– Гена, – осторожно тяну я, – но ведь старая часть с колодцами в галерее – это минус 30 метров.
Потом, по нашей съемке, галерея всего-то метров 10 прироста глубины дает...

– Снимать не умеете, – моментально вспыхивает он.

– Пантя, это не корректно, – парирую я, – ты ведь знаешь, как мы снимаем.

– Ладно, проверьте, результаты пришлешь.

– Разве я слово свое когда-нибудь нарушал? – спрашиваю недоуменно.

Прощаясь, Гена в полголоса говорит:

– Серый, помни о праве первой ночи.

– Гена! – изумляюсь я. – Это кто о нем помнить должен?

18 августа. Весь день перетаскиваем груз до перевала Пьяного тракториста. Хорошее место, вот
только до воды нужно спустаться к ручью.

19 августа. Последний и решительный бросок в 3 ходки – и груз на месте нашего базового лаге-
ря. Заброску заканчиваем засветло. Успеваем сходить к соседям – поздороваться, поговорить немно-

го «за жизнь».

23 августа. Подходит Бакировка (это для своих, на работе ее зовут уважительно Нурзия Бакировна):

– Там ребята из Самары приходили, спрашивали, можно ли поучаствовать в экспедиции?

– Ты их знаешь?

– Нет, – пожимает она плечами, – это, очевидно, молодежь, но они фамилии знакомые называли.

– Хорошо, пусть приходят, работу мы им всегда найдем.

Через день на поляне появляется невысокий шустрый парень. Едва начинается разговор, как я понимаю: передо мной явный столичный житель. Но о своем открытии сообщать собеседнику я не тороплюсь. Наоборот, начинаю интересоваться самарскими делами. Собеседник мой, как говорится, «ни в дугу». Ясно только одно: их группа хочет посетить Славкину самостоятельно, но по нашему снаряжению. Не выдерживаю «политеса» и задаю вопрос прямо: «Ты-то ведь москвич?». Он орошено сбивается с мысли, мямлит что-то про то, что он только руководит самарцами, а что имен самарских не ведает – так просто группа из молодых спелеологов. Сами собой вспоминаются строки Виктора Петровича Астафьева, за которые года два назад досталось писателю от писательских чиновников и в прессе, и на писательском пленуме: «Москвич – он всегда разнолик и многообразен. В метро он один, в пивнушке и на стадионе – другой, в квартире своей – третий... Водится москвич, как русский ерш, на всяком, даже на жилом водоеме и может съесть икру других рыб, после чего сделает вид, что в водоемах тех никогда и ничего, кроме ерша, не водилось, и ничью икру он не ел... Иной столичный житель присвоил себе право считать себя почти голубых кровей породой или нацией и на этом основании желающий получать все лучшее, модное, свежее поперед остального народа...». Пускать чужую неизвестную группу по своей навеске? Я, конечно, ответил: «Нет», но предложил показать другие пещеры. На это ответ как будто положительный. И, уже уходя, мой визави задал, очевидно, сильно мучившие его вопросы:

– А как вы узнали, что я из Москвы? И почему вы нас не любите?

– А за что вас любить? – говорю я, пропуская первую часть вопроса мимо ушей. – Вот как бы я, да и любой простой советский спелеолог, поступил в подобном случае? Во-первых, представился бы, а то уж полчаса с тобой беседуем, а как звать тебя, не знаю; мало того, ты еще и наврал, прикинувшись самарцем...

– Ой! – спохватился собеседник. – Я Николай М.

– Очень приятно, Евдокимов Сергей, – наконец-то представился и я, – во-вторых, расспросил бы про дела. Да хотя бы узнал, где работать можно, чтобы не мешаться, предложил бы свою помощь. Ты же начинаешь со своего желания отметиться в дыре. Теперь понятно, отчего видно, что ты москвич?

Про характерный московский говор я даже не упоминал, хотя сомнения он и заронил. Еще пару минут разговора ни о чем, и гость засобирился:

– Будете в Москве, заходите в гости, я на проспекте Вернадского живу, – уже в пол-оборота закончил он разговор.

– Вот и еще повод вас не любить. Пригласить-то ты меня пригласил, а вот адрес дать, очевидно, позабыл, – ехидничаю вдогонку я.

– Вот мой телефон и адрес, – похоже, смутился наш гость и, вернувшись, стал черкать на листике из блокнота (листок тот так и лежит до сих пор среди страниц журнала телефонных разговоров экспедиции). Гость обиженно удалился. Больше мы его не видели.

Один из вопросов спелеоэтики – совместные экспедиции. Можно ли назвать совместной экспедицией участие одного иногороднего человека? А двух? А трех? А половину состава экспедиции? Вопросы, вроде, на первый взгляд наивные, но... Мудрый мой друг, Остьянов Валентин, как-то писал мне: «Когда ты задумал экспедицию, когда ты бежал, готовил ее, выбивая снаряжение и продукты, вдруг приваливает на все готовое толпа чужого народа, что-то делает, как правило, не то и не так, беззаботно уносится и начинает трезвонить о своих подвигах... Я их посылаю далеко и дел больше иметь не хочу». Есть и другой вариант, когда один человек неслышно появляется, делает все, от него зависящее (а иногда и больше) и потом нешумно отбывает обратно до следующего раза, напоминая о себе письмами. Между этими вариантами – весь мир человеческих взаимоотношений. Не являются исключением и спелеологи.

25 августа. Под землю уходит очередная группа. Руководит ею наша Нурзияшечка. Человек она очень ответственный, дотошный и аккуратный. Не зря обязанности экспедиционного завхоза уже много лет отдаю ей без спора. Сопровождают ее Петя Печенкин и Игорь Хаукка. Им предстоит пере съемка всех сомнительных участков и гидронивелирование галереи, соединяющей старую и новую части.

26 августа. По рукам ходит номер журнала «Юность», в нем сатирическая повесть «Удавы и кролики» Фазиля Искандера, о том, как два племени – кролики и удавы – сосуществуют в одном лесу. Наш экспедиционный бестселлер. В ходу фраза: «Размножение с опережением».

28 августа. Первые наши потери. Нет-нет, ничего плохого, просто у Кокорышкина и Новоструевой кончается отпуск, и билеты у них на завтра.

29 августа. В город уходит группа за билетами и продуктами. Тюни-муни напросились в сопровождающие Бабину.

1 сентября. Из поездки в Адлер за билетами вернулись Тюни-муни. Похоже, немного понежились на пляже. Билеты взяли, но везде много народу. Затонул под Новороссийском пассажирский теплоход, много жертв. Прибыл Алиев, и на побережье все чиновники и клерки трясутся, что твой перфоратор: суровый нрав члена Политбюро известен всему союзу. Все билеты забронированы для родственников погибших. Новость чудовищная, и поначалу мы верим в это с трудом. Как обычно, наше радио молчит об этом.

2 сентября. У Оленьки на лбу банальный чирый, острословы изгаляются насчет рога, мне же не до смеха: прорываться он не собирается и грозит расползтись на все лицо. Срочно отправляем ее в Адлер, а потом и в Пермь, если удастся переоформить билет, в сопровождении Андрея Кудымова и Лены Боровниковой, билеты им взяты на завтра. Деньги на дорогу и за неизрасходованное питание выданы. Встретиться с ними должны уже в Перми.

3 сентября. Группа из 10 человек под руководством Саши Желудкова наносит последний штрих на график нисхождений. Выносят на поверхность снаряжение по привходной галерее от верха 105-метрового колодца.

4 сентября. Моем, стираем, пакуем снаряжение.

5 сентября. «К морю пора! Лето кончается!». День выброски. Как обычно, груженные сверх всякой меры, уносим остатки снаряжения вниз, к Бзыби. Общее настроение: «не надо нам моря», обмоем достигнутый результат у ручья, что посреди дороги от сыпухи до моста.

* * *

Уже в полудреме Сережа Ошев задает вопрос, который, похоже, мучит всех: «Сергеич, как ты

думаешь, а сколько метров она даст?». Поскольку раздумывать над этим вопросом во время ночных дежурств приходилось уже не раз, то, чуточку помедлив (для приличия) с ответом, говорю:

– Думаю, метров 1400.

– Ну, да? – зашевелились у костра. – Не может быть?

Пытаюсь объяснить, как могу, что, собственно, Пантюхинская, похоже, кончается на 600 м. Все прекрасно знают прослойку некарстующихся пород, проступающую на поверхности между первым и вторым подъемами. Вот в нее мы в 1982 году и уперлись, но уже в глубинах этого отрога. Нам повезло, и мы вывалились в новую грандиозную полость, которая являлась, по сути, боковым притоком. Как правило, при приближении к зоне напорной циркуляции колодцы становятся помельче, наклонные галереи длиннее. Нас же остановил завал на дне двухсотметрового колодца. При достигнутой глубине это даст... экстраполируя, метров еще 400-500 глубины.

– Ну, а если не будет 1400? – несетя из-за дерева.

– Хорошо! Хотите пари?

– Давай. А на что?

– Если будет меньше 1300 м, – из осторожности сбавляю слегка планку, – то я буду возвращаться из экспедиции до самого порога дома в Перми в трусах «Адидас» (хит сезона 1986 г. в одежде курортников на берегу моря, в них шеголяют везде: на пляже, на рынке, в магазине, в кино).

У костра легкое веселье: народ представляет мою фигуру в трусах под рюкзаком в интерьере осенней уральской погоды и откровенно потешается:

– Не поедешь! – кричат почти хором.

– Поеду, – твердо обещаю я, и, делая короткую паузу, заканчиваю, – но, если будет больше, то я еду в цивильном, а вы всей командой в «Адидас». Договорились?

Давно отзвучали последние аккорды ставшей традиционной песни Ефремова «К морю пора!!!» За рекой, прорезая вяжущую духоту летней южной ночи, с мечущимися снопами света ревут гигантскими шмелями редкие в этот полуночный час автомобили. Не спится. Сквозь парадный стрекот цикад нежной струной звенит неотступная мелодия доброй старой туристской песни:

«Вот и окончился круг,

Помни, надейся, скучай...»

Завтра самолет доставит нас в Пермь.

6 сентября. Окончание экспедиции. В аэропорту Сочи к нам подбегает... Оля. Оказывается, она не улетела домой, а, прооперировав свой «рог» в местной больнице, решила дожидаться нас и загорала все эти дни на море, снимая койку в частном секторе.

Все! Все хорошо. Теперь я спокоен. Как оказалось – зря. Обе последние наши экспедиции были самостоятельными и, отправляя материалы по старому адресу, мы действовали согласно своим этическим представлениям, признавая Пантюхина «лордом, хранителем-депозитарием», не претендуя на ответную любезность, да и не получая взамен никаких материалов. Разве что скупые строчки информации в письмах да обвинения и требования объясниться. Наш устный договор с Пантюхиным, заключенный в октябре 1984 года в Сухуми на Всесоюзном слете спелеологов, содержал всего 3 пункта:

1. Пермь работает на Славкиной самостоятельно. Наши экспедиции открыты для всех.
2. Пантюхин является координатором всех работ. Все топографические материалы отправляются ему.

3. Никаких самостоятельных публикаций. Только согласованные с Пантюхиным.

Жаль, но к разборке с «нарушителями конвенции» попробовали привлечь и общественное мнение Урала. Сразу после экспедиции (в следующие выходные) поехал я на 25-летний юбилей СГС (Свердловской городской спелеосекции), который отмечался на Коуровской турбазе. Там мне показали письмо к Уральским спелеологам (от К. Юры) с требованием разобраться с Евдокимовым, «присвоившим себе права первооткрывателя и ведущего в прессе массивную кампанию по этому поводу». Назывались даже газеты, в которых я якобы «публиковал статьи с прославлением своих подвигов». Получалось, что пока мы мерзли в глубине Бзыбского хребта, кто-то уже успел состряпать и растиражировать слух о наших «неблаговидных» делах. Остается только развести руками. Я попросил предъявить хоть одну строчку из названных газет (а там упоминались и «Комсомолка», и «Правда», и «Труд»). Уральский спелеонарод усмехнулся, мол «опять хохлы чудят», и занялся более актуальными юбилейными делами.

Жаль, но подобное же письмо прислал и мой лучший друг. Поскольку оправдываться за грехи, которых даже не думал совершать, невозможно – отвечать я не стал. Моя бабушка Мария Арсентьевна говорила в подобных случаях: «Если на тебя лают собаки, ты же не становишься на четвереньки и не лаешь в ответ!».

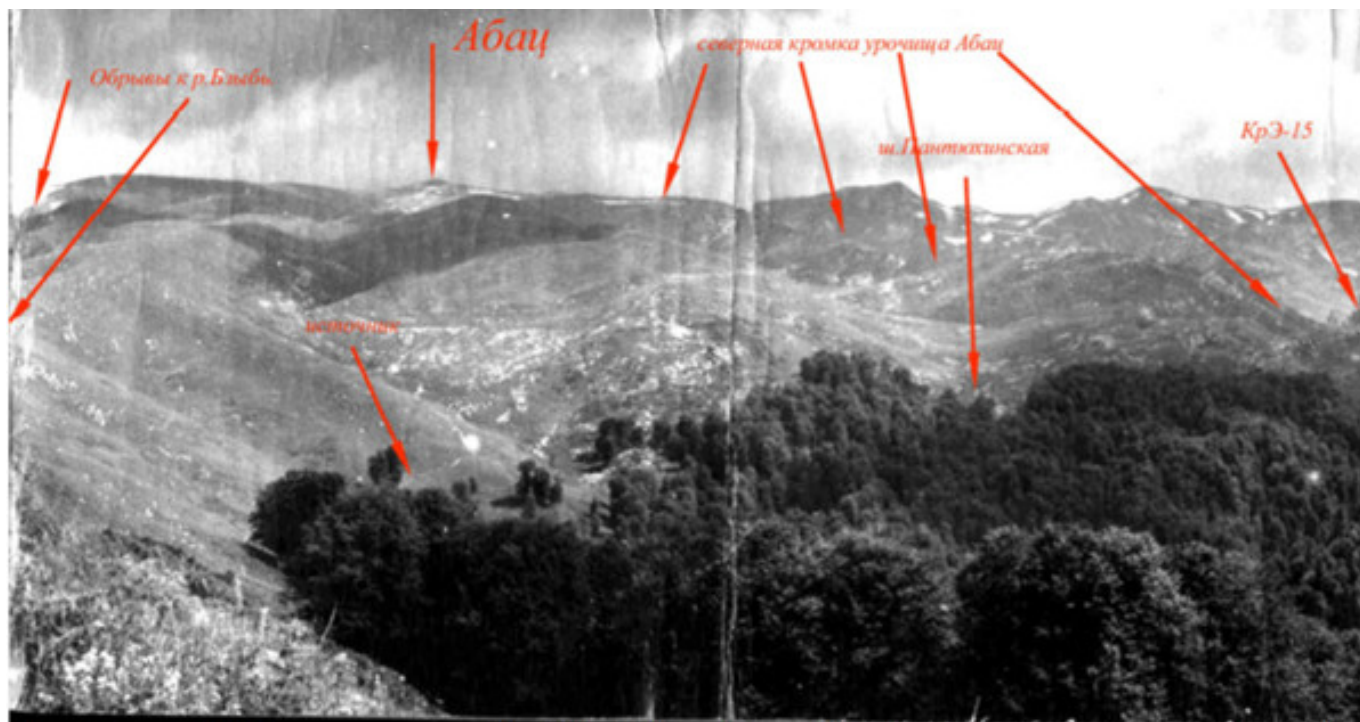
Наблюдая нынешние войны компроматов, понимаю, что там все высосано из грязного пальца, побывавшего незадолго до начала процесса обсасывания в том месте, которым некоторые умудряются думать, несмотря на наличие всего одной борозды. Приходит на память анекдот:

– Братан, вот все думаю: под ногтями у меня пластилин или г...

Выковыривают и пробуют:

– Нет, братан, не пластилин.

– Вот и я думаю: откуда ему там взяться.

Старый снимок (1982г.) урочища, сделан Дядей Васей (Васин Василий Иосифович), бессменного завхоза и фотографа в экспедициях секции Крым-550.

Судья

Сергей Сергеевич приложил много труда к созданию и развитию спортивной спелеологии в Пермском крае и на Урале в целом. Он справедливо полагал, что совместные сборы и соревнования станут ключом к обмену опытом и дружбе между спелеосекциями городов Урала. Именно дружба и открытость позволила уральским спелеологам достигать рекордных глубин и призовых мест в масштабе не только российской, но и мировой спелеологии.

1976 – Проводится первый в истории Матч городов Урала (в г. Челябинск), который даст начало славной традиции уральских соревнований. Матчи городов Урала проводятся до сих пор.

1977 – 2-й Матч городов Урала, проводится в районе г. Губаха Пермской области. Организатор матча – Пермская спелеосекция «ВиВ», главный судья – Евдокимов С.С.

1980 – Евдокимов получает звание судьи 1-ой категории.

1982 – 5-й Матч городов Урала, проводится в районе г. Губаха Пермской области, на скалах лога и в Мариинской пещере. Организатор матча – Пермская спелеосекция «ВиВ», главный судья – Евдокимов С.С.

1983 – 1-й Всероссийский слет спелеотуристов в районе г. Губаха Пермской области, на скалах Ладейного лога. Главный судья – Евдокимов С.С.

1984 – 7-й Матч городов Урала, проводится на скальном массиве Шихан, возвышающемся над озером Ара-куль Челябинской области. Организатор матча – Челябинский спелеоклуб «Плутон». Главный судья – Евдокимов С.С.

1984 – 2-й Всероссийский слет спелеотуристов в городе Сухум (Абхазия). Главный судья – Евдокимов С.С.

1985 – Евдокимов С.С. получает звание судьи республиканской категории.

1986 – 9-й Матч городов Урала, проводится на турбазе «Чусовая». Организатор матча – Свердловская городская секция спелеологии, главный судья – Евдокимов С.С.

Об АСУ

АСУ для меня – это постоянное чувство удивления перед фактом самого существования этого объединения основанного не на корыстных интересах. Для меня это: очень много мелкой, кропотливой работы с людьми по возведению и поддержанию в порядке этого здания под названием Ассоциация спелеологов Урала. Договорившись однажды с соратниками, что зовутся сейчас «Отцами-основателями», не перестаю удивляться бесконечной коллективной мудрости людей невообразимо разных, большинству из которых не исполнилось к моменту создания АСУ и сорока лет. Для меня это постоянное беспокойство о здоровье нашего совместного детища, к рождению которого я причастен. Основная задача сейчас – зафиксировать сложившиеся законы и традиции нашего сообщества. Для меня бесценен такой случай из нашей истории, приключившийся на втором чемпионате России (Красноярск, 1999.06.10-14.). Урал тогда представляли четыре команды (Пермь, Свердловск,

Челябинск, Уфа). Я тогда выступал в роли зама главного на дистанции «Техника». Атмосфера на соревнованиях была, скажем так, не очень... Нет, к организаторам вопросов не было, наоборот, делалось все для создания комфортных условий. А вот окружение: сами хозяева, что помельче рангом, зрители не скрывали пренебрежения к приезжим. И поэтому сыпались ворохом недоуменные вопросы: «А почему, когда выступает Уфа, то болеют Свердловск, Челябинск, Пермь?» «А почему...?» Читатель может самостоятельно в любом порядке перечислить эти четыре города. Главным в этом было непонимание, недоумение: ПОЧЕМУ? На что я с законным чувством гордости и морального превосходства отвечал просто: «Мы с Урала». Время течет неумолимо. Наметилась тенденция роста наших рядов. И отвечать сейчас нужно так же просто: «Мы из АСУ».

Храните это чувство.

История создания АСУ

Ассоциация спелеологов Урала была создана решением Учредительного съезда, состоявшегося вечером 9 июня 1989 года в судейском лагере дистанции спелеотуризма Всесоюзного слета туристов, который проходил под городом Каменск-Уральский Свердловской области. Для проведения соревнований по спелеотехнике хозяева выбрали живописное место в пригороде Каменск-Уральского, на правобережных скалах Филин, живописно обрывающихся в воды городского пруда, образованного плотиной, перегораживающей речку Исеть.

Старт и финиш участников соревнований проходил с понтонов, прибуksированных из городского парка культуры и отдыха, куда стартующие команды доставлялись лодками с левого судейского берега. Здесь же, на левом берегу располагался и лагерь Судей, ставший местом учреждения не только Ассоциации спелеологов Урала, но и Ассоциации советских спелеологов (состоялось это событие днем позже – 10 июня 1989 года).

Строго говоря, если отслеживать самые истоки, Ассоциация спелеологов Урала берет свое начало с того вечера 13 февраля 1976 года на подмосковной турбазе министерства обороны СССР «Зеленый бор», где ЦСТЭ проводился (9-14.02.1976) традиционный семинар председателей областных спелеосекций, и где представители пяти уральских областных спелеосекций, собравшиеся в кулуарах по приглашению Семена Баранова (Челябинск) на разговор «за жизнь на Урале», договорились дать старт череде Матчей городов Урала по технике и тактике спелеотуризма.

Еще тогда высказывались предложения не замыкаться на проведении соревнований, а вести дело таким образом, чтобы постепенно расширять круг координации нашей деятельности.

Успех проведения Первого Матча вдохновил на очередные шаги. Ими должны были стать совместные экспедиции, с идеей которых выступил на очередном Всесоюзном семинаре председателей Загидулин Михаил (Свердловск), предложивший заняться дальнейшим исследованием шахты Снежная (хр. Бзыбь, Западный Кавказ).

Уже в марте 1977 года шестой областной Конференции по технике и тактике спелеотуризма, ежегодно проводимой Пермской спелеосекцией ВИВ, собралась представительная компания спелео-

логов Урала, чтобы выбрать «Условия проведения совместных экспедиций» (аналогично Условиям проведения Матчей).

Отчет сохранил имена тех «первопроходцев»: Загидулин М., Голубев С. (Свердловск), Бармасов Г., Мешеряков В. (Челябинск), Евдокимов С., Вотинов А. (Пермь). Было разработано «Положение о совместной экспедиции» и предложено, в качестве тренировки перед столь серьезным мероприятием, провести совместный выход в ноябре на хребет Алек.

Эта идея не получила поддержки в Центральной спелеокомиссии, и было предложено всем заявляться самостоятельно, но под общим руководством Челябинска, проводящего учебное мероприятие.

Та поездка на Алек не принесла удовлетворения, каждый работал самостоятельно, не допуская иногородних к своим «цеховым тайнам».

Обсудив на Буковой поляне сложившееся положение, решили «сменить тему».

Этой темой и стал «Фишт-78».

Экспедиция была задумана свердловчанами, основной целью ее было дальнейшее прохождение шахты Парящая Птица. Идеей поделился и, что называется, «к столу пригласил» на очередном семинаре председателей спелеокомиссий один из братьев Новиковых (Свердловск).

Идея нашла понимание и, на семинаре же, были сделаны предварительные наброски по орг. структуре, питанию и снаряжению. Договорились, что подробно утрясем все на 7 областной Конференции в Перми.

Конференция прошла 24-25 февраля 1978 года в помещении Пермского городского г/к «Компас».

Урал представляли: Баранов С, Бармасов Г. (Челябинск), Рыжков А., Вишневецкий А., Голубев С., Андреев (Свердловск), Евдокимов С., Вотинов А., Родионов В. (Пермь).

Большое внимание было уделено проработке организационных мероприятий при проведении экспедиции. Поэтому пункт 8 раздела «Техника и тактика» вылился в пленарное заседание с принятием обязательных для ее участников решений.

Мы смогли договориться. Но не смогли сработаться. Уже в процессе подготовки стало возникать множество мелких вопросов, которые (понимание этого печального факта пришло много позже), щедро унавоженные секционными амбициями, стремительно вырастали в глобальные проблемы.

Забытым оказался ни основной принцип, положенный в строительство здания матчей – принцип общего согласия (консенсуса).

Всех мучили вопросы: кому достанется слава, как делить убытки и пр.

В результате совместная Уральская экспедиция скончалась по-английски – не попрощавшись.

Похоже, эта кончина и была одной из причин резкого охлаждения энтузиазма в проведении матчей. Целых два года длился единственный в их истории перерыв, пока в 1981 году свердловчане не возродили потерю.

Еще долгих семь лет матчи были единственным Уральским мероприятием. Много чего изменилось вокруг. Скончалась вместе с престарелым Генсеком эпоха застоя. Другой Генсек принес нам перестройку, поднявшую волну надежд и ожиданий, а с ними и талоны на водку, продукты, соль и спички. Появились законы о предпринимательстве и кооперации, появились «Объединения по интересам».

Не следует думать, что за весь этот период вовсе не проводилось совместных мероприятий. Широко практиковалось участие в экспедициях, учебных мероприятиях соседей, но носили они нерегу-

лярный характер и никак не планировались.

На повестку дня встал вопрос о создании видовых клубов, юридически самостоятельных организаций со своими печатями, счетами и другими делами. По стране рассылались толстые письма с проектами, программами и планами.

Заговорили о Госстроевской программе освоения подземных пространств страны. Наиболее радикальные спелеологи предлагали вообще уйти из-под опеки Центрального совета, зарабатывать деньги спелеологией.

Здравомыслящее крыло утверждало, что пещеры – наши, и никому, кроме нас, они не нужны.

Отвлекаясь от темы: идея подкупала простотой. Секция берет в аренду участок земли, на котором расположена пещера, оборудует ее и начинает водить туристов. Турист валит валом, денежка капает, на денежку, честно заработанную, коллеги-спелеологи шастают по всему миру. Лепота! Но первые же расчеты напрочь зачеркнули благостные грезы. Оказалось, что без развитой структуры развлечений (народ перед и после пещеры надо чем-то развлекать; а чиновный и уголовный рэкет?) и думать нечего хоть о какой-то прибыли.

Вообще-то на всей территории СНГ известен мне только один такой случай: Крым – Мраморная, Козлов Александр. Но это случай уникальный, и в фундаменте его лежат причины особые.

Центром всяческих новаций стал Красноярск, глашатаем – Корначев Юра.

Шел закономерный процесс обновления секций. Уходили в другие сферы деятельности ортодоксы, приходила молодежь.

Появился опыт работы спелеоклубов, не всегда удачный.

Попутно выяснилось, что спортивную спелеологию Союза Советских Социалистических Республик в международных спелеокругах не представляет никто. Возникла идея создания Союза Советских Спелеологов (Марченко Н.А.).

Произошло и еще одно событие, в начале прошедшее незамеченным в спелеомире: директором Кунгурского стационара стал Андрейчук В., до этого работавший в Черновцах, что на Украине. И в апреле 1987 года многие спелеологи области получили письма-приглашения принять участие в совместном с представителями науки совещании по проблеме объединения усилий на ниве изучения пещер. Как было записано в решениях семинара: «Обсуждены вопросы конструктивного сотрудничества карстоведов Кунгурского стационара и спелеологов Пермской области и частично Свердловской». Я не был на том совещании. Не помню причины: то ли занят был подготовкой 10-го Матча, то ли сработал негативный опыт подобного рода совещаний, где любителям говорилось корифеями от карстоведения: «В пещерах не бывал. Вы мне несите результаты, а я их обработаю и опубликую». Корифеям вторили зачинатели спелеотуризма: «Нам не нужны ваши километровые глубины, для науки важнее 100 пещер по 10 метров, чем одна в тысячу».

Отзывы присутствовавших на совещании в общем-то не вселяли особого оптимизма. Потом пришел пакет с материалами, инструкциями. Нас, спелеологов (не будем спорить сейчас о правомочности и чистоте терминологии, вопрос этот достаточно непростой и решится он не на таких совещаниях, а, очевидно, явочным порядком и снизу), в очередной раз принимали за отбившихся от стада, хотя уже давно мы шли своей дорогой, параллельной ли – не уверен, но своей.

Резало слух многочисленными: признать..., представить до..., активизировать..., упорядочить...

Кое-кто ехидно интересовался:

– А сколько в вашем Областном каталоге папок с материалами по пещерам?

– 250.

– Эт сколько же народу должно день и ночь трудиться, чтобы все в соответствии с рекомендациями привести? – чесали затылки любопытствующие.

Еще полтора года шло то, что в дипломатическом протоколе именуют «сближение точек зрения». Но очевидное желание как-то изменить статус-кво вызвало к жизни еще одно совещание, здесь же, в Кунгуре в декабре 1988 года.

Вот на этом-то совещании провозглашена была идея создания объединения спелеологов Урала, которое бы координировало работу секций, объединяло усилия в проведении различных мероприятий. Собрались в туркомплексе «Сталагмит», где половину пятого этажа гостиницы занимали кабинеты сотрудников стационара (финансирование в те годы позволяло).

Пленарные заседания проходили в кинозале комплекса.

Кулуары растянулись на все пять этажей, захватывая периодически и стоящее на отшибе старое здание стационара, пугая горничных, коридорных и просто отдыхающих. Самое интересное происходило, конечно же, здесь.

Много было споров по структуре будущей организации. Предлагалось сохранить развитую вертикальную иерархическую структуру (руководящий центр – областные клубы – низовые клубы – низовые секции – рядовые спелеологи). Сошлись на горизонтальной структуре и непосредственном участии коллективных и индивидуальных членов. Каждый может быть членом ассоциации, и каждый член ассоциации получает всю информацию о ее работе, имеет право работать под эгидой и пр.

Не меньшие споры породило и название будущего объединения. С детства известное «как вы яхту назовете, так она и поплывет» бередило сознание. Хотелось поплыть хорошо. Союз, конфедерация, федерация, клуб? Пришли к выводу, что «Ассоциация» наиболее полно отражает наши устремления и цели. Заглянул в словарь: АССОЦИАЦИЯ – объединение лиц и учреждений одного рода деятельности.

Потом, в кулуарах, начался интимный процесс написания устава Ассоциации. Волей случая (а скорее памятуя мое участие в создании Условий проведения матчей) мне поручили руководить работой редакционной комиссии (Евдокимов – Пермь, Баранов – Челябинск).

Попутно возникла одна идея, основанная на знании свойств родной бюрократии: учитывая, что процесс регистрации Ассоциации может затянуться на много месяцев (так оно потом и оказалось), мной было предложено: не откладывать в долгий ящик начало практической работы и, не дожидаясь официального прохождения всех документов, начать ее с проведения Всеуральского спелеолагеря первого года обучения (пермяки все равно готовили проведение такого лагеря в мае, и расширение состава и географии нас не пугало).

Собралась еще одна редакционная комиссия: Евдокимов (Пермь), Коптелов, Пластинин (Свердловск), Баранов (Челябинск). Мигом набросали Условия проведения учебных лагерей зоны Урала. Документ получился краткий, но емкий.

Приняли его без всяких возражений. Отныне полторы странички текста должны были регламентировать эту немаловажную сторону нашей общей будущей деятельности. Устав так просто не получался, но ночные бдения результат принесли. Компьютеров не было, поэтому чтобы помногу раз не переписывать одно и то же, в дело включили ножницы и клей. Результат нашего труда, вынесенный на итоговое заседание учредительного съезда Ассоциации Спелеологов Урала, внешне выглядел достаточно пестро. Редакционная комиссия надеялась на железную внутреннюю логику.

Устав приняли. Учредили оргкомитет во главе с Андрейчуком, назначив очередную встречу на 3 Всесоюзный слет туристов, планирующий в июне.

Сверстали первый план работы. Всего несколько строчек.

Собрали взносы (что за организация без взносов).

Разъехались по домам.

В мае провели спелеолагерь. Было много народу, но были и лишние: кто-то под участие в лагере выпустил путевки, кто-то у себя в городе распределил их, как обычно распределяли путевки на тур. семинары (ребятки съездят, оздоровятся по профсоюзной линии – но это ведь не турбаза!). Короче, приехали ребяташки в туфельках и без теплых вещей. С туфель как-то тать спорола «липучку». Было и еще немало забавного. А тут и июнь подошел, встретились уже в Каменец-Уральском на дистанции спелеотехники 3 Всесоюзного слета туристов, которую мудрые хозяева отнесли от прочих видов туризма аж километров на тридцать («Оно тебе надо – весь этот двухтысячный бедлам?»).

Я присутствовал здесь в официальном чине зама главного судьи по безопасности.

Время было интересное, ветер перемен витал в воздухе, хотя никто, наверно, не мог и представить, в какую пучину ввергнут огромную страну «слуги народа», по привычке живущие лучше хозяев. Чуть выше по течению трепетали на ветру жовто-блакитные прапоры украинских команд. До их «незалежности» было еще целых два года. Прибалты спешно читали Керола на языке автора и, кажется, были готовы на нем же и изъясняться со всеми на слете. Русский уже цедили сквозь зубы.

Союз трещал по швам. Но треска пока еще не слышал никто.

Все ходили, прильнув к портативным приемникам. В Москве открывался первый Съезд Советов. И среди жарких политических баталий мы между прочим узнавали: что секса у нас нет, что у депутатов тоже дети, что не любого народного избранника можно «захлопать, затопать» и много еще чего. Урал на слет собрался весь. И вечером 9 июня провели учредительный съезд Ассоциации Спелеологов Урала. Заслушали председателя оргкомитета. Продлили его полномочия. Приняли измененный Устав (после чиновничьей правки).

Присутствовали наблюдатели от ЦКС (в лице ее председателя Марченко Н.А.) и от Сибири (Корначев Ю. – Красноярск).

Особых вопросов не возникало, мелькнули тенью сомнения: «А не потеряем ли свою самостоятельность?» Но проголосовали все единогласно.

Протокол подписали: Вишневский А.С. (Свердловск), Баранов С.М. (Челябинск), Решетников С. (Ижевск), Евдокимов С.С. (Пермь), Федотов (Оренбург), Афанасьев А. (Уфа).

А в начале декабря 1989 года состоялся Первый съезд АСУ.

С той поры прошло долгих 16 лет. Разные события случались на территории Урала и России.

Но ежегодно во вторые выходные декабря собирается спелеологический народ на свои ежегодные выезды. Если первые съезды проводились в Кунгуре на базе Кунгурского стационара и гостиничного комплекса Сталагмит, то в настоящее время организаторами съездов выступают по очереди города-участники АСУ.

Мы были первыми на территории Советского Союза.

После нас образовались и Ассоциация советских спелеологов, и Украинская спелеологическая ассоциация (УСА).

По-разному сложились их судьбы. Если Ассоциация советских спелеологов, просуществовав два года, пропала под обломками Советского Союза, то УСА наших южных коллег успешно работает и

развивается, имея немалый международный авторитет.

Остается лишь с огорчением констатировать, что до сих пор единственным реальным региональным спелеообъединением в России остается только наша АСУ.

Май 1989 – Февраль 2006 гг.

Матчи городов Урала

№ п/п	Город организатор	Дата	Место проведения	Главный судья	Главный секретарь	К-во команд
1	Челябинск	17-19.09.1976	гр.Южношескин ст. Сулея	Баранов С.М. Челябинск	Красикова Н.А. Челябинск	5+13=18
2	Пермь	14-16.09.1977	г.Кизел г.Губаха	Евдокимов С.С. Пермь	Петухова О.А. Пермь	108чел. 4+14=19
3	Уфа	16-18.06.1978	ст.Аша	Назаров Ю.В. Уфа	?	11
4	Свердловск	00.05.1981	Свердловск. ск. Семь братьев	Вишневский А.С. Свердловск	Хузина Н. Свердловск	9
5	Пермь	08-09.05.1982г	г.Губаха Ладейный лог	Евдокимов С.С. Пермь	Вотнинова Л.В.	159 чел. 7+13=19
6	Оренбург	24-26.06.1983г	д.Мраково.	Лукович В.Г. Челябинск	Суворова Г. Челябинск	9
7	Челябинск	29.04-02.05.1984г	ск. Шихан	Вишневский А.С. Свердловск	Красикова Н.А. Челябинск	8
8	Салават	21-23.06.1985г.	г.Юрак-Тау	Евдокимов С.С. Пермь	Боричева А.В. Челябинск	22
9	Свердловск	23-25.05.1986г	Коуровская т/б "Чусовая"	Евдокимов С.С. Пермь	Трегуб Р.И. Свердловск	13
10	Пермь	6-8.06.1987г	г.Губаха Ладейный лог.	Вишневский А.С. Свердловск	Евдокимова Г.И. Пермь	14
11	Пермь	7-9.05.1988г	ст.Чикали ск.Стае.	Вишневский А.С. Свердловск	Болтачева Г.П. Березники	11
12	Оренбург	07-09.05.1989г	с.Мурадымово	Голубев С.И. Свердловск	?	23
13	Челябинск	07-09.05.1990	Сатка-Межевой лог	Родионов В.В. Пермь	Костромитина Т.А. Челябинск	21
14	Уфа	09-11.05.1991г	Стерлитамак г.Юрак-тау.	Ануфриев В. Салават	Рычагова Н.И. Уфа	17
15	Свердловск	08-09.05.1992г	Чертово городище	Мерзляков В.П. Екатеринбург	Распопова Н. Екатеринбург	?
16	Пермь	07-10.05.1993г	г.Губаха Ладейный лог	Бояршинов А.В. Пермь	Попова Н. Пермь	?
17	Челябинск	06-09.05.1994г	ст.Силачск.Шихан	Козлов В.Б. Челябинск	?	40
18	Уфа	07-08.05.1995г.	Стерлитамак г.Юрак-тау.	Афанасьев А.А. Уфа	Ракитина Т.Г. Уфа	46
19	Оренбург	07-10.05.1996г	г.Юрюзань, ск.Шуйда.	Каменев В.В. Оренбург	Семидоцкая Н.В. Оренбург	36
20	Екатеринбург	07-10.05.1997г	ст.Силач, ск.Шихан	Евдокимов С.С. Пермь	Попова Н. Пермь	9+16+17=47
21	Пермь	08-11.05.1998г	ст.Чикали ск.Ермак	Бояршинов А.В. Пермь	Попова Н.В. Пермь	9+16+18=43
22	Челябинск	08-10.05.1999г	ст.Бердяуш. д.Пороги	Филипов А.Г. Челябинск	?	9+16+20=45
23	Уфа	07-09.05.2000	Стерлитамак г.Юрак-тау.	Афанасьев А.А. Уфа	Рычагова Н.И. Уфа	8+17=25
24	Оренбург	09-11.05.2001	Мурадымовское устье	Каменев В.В. Оренбург	Семидоцкая Н.В. Оренбург	+12=21 к.350ч
25	Екатеринбург	09-11.05.2002г.	Ск.Семь Братьев В.Невьянск	Пластинин А.В. Екатеринбург	Сапожников Г.В. Екатеринбург	Ок.250чел. 7+12
26	Пермь	09-11.05.2003	Ладейный лог г.Губаха	Бояршинов А.В. Пермь	Попова Н.В. Пермь	Ок.300чел. 6+15
27	Челябинск	07-10.05.2004	ст.Силачск.Шихан	Козлов В.Б. Челябинск	Конова Н.В. Челябинск	6+14+6=26
28	Уфа	06-09.05.2005	г.Калин-Осканн Макарове	Афанасьев А.А. Уфа	Рычагова Н.И. Уфа	
29	Оренбург	07-09.05.2006	Юрак-тау Стерлитамак	Самсонов В. Оренбург	Семидоцкая Н.В. Оренбург	
30	Екатеринбург	2007				

Вопрос о точной дате возникновения идеи проведения Матчей городов Урала достаточно прост. Имеются конкретные сроки проведения Всесоюзного семинара председателей областных спелеосекций: 09–14 февраля 1976 года на базе отдыха Министерства обороны «Зеленый бор».

В конце той бурно проведенной недели Сережа Голубев (старый мой приятель еще со времен ВИС-71) зазвал меня на второй этаж в полукруглую комнату, где обитал Семен Баранов, «на разговоры по Уралу».

А поскольку на завтра не планировалось никаких занятий, а в наших командировочных удостоверениях стояли фиолетовые печати в графе «убыл», то кастелянша предусмотрительно собрала у всех отъезжающих постельное белье и стаканы, чтобы не караулить убывающую публику. Так что посиделки эти, как потом оказалось, имеющие краеугольное значение для будущей уральской спелеожизни проходили на фоне голых матрасов с учетными штампами: «МинОбороны».

Таким образом, мы должны констатировать, что зерно, из которого проросли наши Матчи, было вброшено челябинцем Семеном Барановым в умы уральских председателей вечером 14 февраля 1976 года.

Помнится, собралось нас шесть человек: Голубев и Загидулин Миша представляли Свердловск, Харин из Ижевска, Евдокимов – Пермь, Климец представлял Уфу (правда, сам он категорически отрицает свое участие в том акте непорочного зачатия, но в отчете о 2 Матче записан именно такой состав «отцов-учредителей»).

Пристально вглядываясь в каждого из собравшихся, после значительного молчания, Баранов предложил выслушать его, как он деликатно выразился – «бред пока, но очень хочется, чтобы были добрые плоды». И повел речь о том, что секциям городов Урала нужно больше контактировать друг с другом в повседневной деятельности, и первым шагом на этом пути предложил провести межобластные соревнования, куда привлечь не только команды областных секций, но и секций низовых коллективов. «Бред» был выслушан со вниманием, затем последовала жаркая, но конструктивная дискуссия, из которой стало ясно, что:

а) все секции проводят соревнования (секция, город, область), но нет возможности удовлетворить свои амбиции на более высоком уровне, а очень хочется;

б) идеология соревнований примерно одинакова, но вот методы и виды – существенно разнятся, хотя и случаются совпадения;

в) у секций есть определенные наработки – положения, судейство, правила соревнований;

г) есть выраженное желание, и есть удачный прецедент (соревнования, проведенные совместно с Челябинском и Уфой в предыдущем 1975 году).

Мы были откровенны друг с другом и хорошо представляли подводные камни на нашем пути. Поэтому много времени посвятили выработке мер, позволяющих убрать или по крайней мере обойти их.

Первый «камень» – желание спрятаться за спиной организаторов матча и не проводить свои областные соревнования, привозя на матчи все свои команды. Поставили ограничить число команд по

Призеры Матчей городов Урала.

Таблица № 2

№	ПРИЗЕРЫ группы А	ПРИЗЕРЫ группы В	ПРИЗЕРЫ группы С	КАСКА Илюхина
1	Челябинск-1 Уфа Свердловск	Златоуст Челябинск Уфа	Не проводились	Не разыгрывалась
2	Пермь Челябинск Уфа	Челябинск И-Тагил Березники	Не проводились	Не разыгрывалась
3	Челябинск Уфа Свердловск	Челябинск	Не проводились	Не разыгрывалась
4	Челябинск Свердловск Пермь		Не проводились	Не разыгрывалась
5	Пермь-2 Пермь-1 Челябинск	Свердловск-1 Свердловск-2 Пермь-3/ИЛ	Не проводились	Не разыгрывалась
6	Свердловск Уфа Челябинск	Свердловск Златоуст Челябинск	Не проводились	Не разыгрывалась
7	Свердловск Челябинск-2 Челябинск-1	Златоуст Магнитогорск Челябинск	Не проводились	Не разыгрывалась
8	Челябинск Свердловск Салават	Уфа-1 Челябинск Оренбург	Не проводились	Не разыгрывалась
9	Челябинск Свердловск Уфа	Пермь Челябинск Свердловск-3	Не проводились	Челябинск
10	Свердловск Челябинск Пермь	Златоуст Миньяр	Не проводились	Челябинск
11	Свердловск Пермь Челябинск	Свердловск Златоуст Уфа	Не проводились	Свердловск
12	Уфа Свердловск Пермь	Свердловск Златоуст Уфа	Сатка Уфа Ижевск	Уфа
13	Свердловск Челябинск-1 Челябинск-2	Оренбург-2 Свердловск Челябинск-2	Сатка Оренбург Ижевск	Свердловск
14	Уфа Челябинск Свердловск	Салават-2 Свердловск Нефтекамск	Сатка Оренбург Уфа	Уфа
15	Екатеринбург Пермь	Уфа	Сатка	Уфа
16				
17	Екатеринбург Челябинск Нефтекамск	Златоуст Салават Челябинск	Челябинск Салават Нефтекамск	Челябинск
18	Салават Челябинск-1 Челябинск-2	Оренбург Челябинск-1 Пермь-2	Челябинск п/п Пермь Челябинск-1	Челябинск
19	Челябинск-1 Екатеринбург Уфа	Екатеринбург-1 Екатеринбург-2 Пермь	Пермь-3 Пермь-1 Челябинск	Екатеринбург
20	Челябинск-2 Нефтекамск Екатеринбург	Екатеринбург Пермь Челябинск-2	Пермь-1 Нефтекамск-1 Челябинск	Челябинск-2
21	Челябинск-2 Челябинск-1 Пермь	Пермь-1 Челябинск-3 Екатеринбург-1	Пермь-1 Екатеринбург Оренбург	Челябинск
22	Челябинск-2 Челябинск-1 Екатеринбург	Екатеринбург Пермь-1 Магнитогорск	Пермь-1 Челябинск-Косотур Челябинск-Экстремум	Екатеринбург
23	Нефтекамск Екатеринбург Пермь	Пермь Екатеринбург Уфа	Проводились как 1-чемпионат среди учащейся молодежи	Екатеринбург
24	Челябинск Екатеринбург-1 Пермь	Пермь-1 Уфа(Насонов) Пермь-2	Проводились как 2-чемпионат среди учащейся молодежи	Пермь
25	СГ С- Екатеринбург Уфа-Насонова Челябинск	СГ С-1 (Екатеринбург) Оренбург Пермь-1	Проводились как 3-чемпионат среди учащейся молодежи	Екатеринбург
26	Екатеринбург Пермь Челябинск	Оренбург-1 Уфа, Насонова-1 Оренбург-2(жен)	Не проводилась	Екатеринбург
27	Екатеринбург Пермь Челябинск	СГ С-1 Оренбург Уфа-Насонова	Уфа-Насонова Первоуральск-1 Первоуральск-2	Екатеринбург
28	Екатеринбург Челябинск Пермь	Оренбург Пермь Екатеринбург	Не проводилось	Екатеринбург
29	Екатеринбург Пермь Челябинск	СГ С-Екатеринбург Пермь Оренбург	Не проводились	Екатеринбург

классу А одной командой от региона и тремя командами в классе В от начинающих секций (низовых коллективов).

Второй «камень»: сам класс В рассматривался, как класс начинающих секций со строгим ограничением по опыту участников (не более 26 к/с).

Среди учредителей существовало понимание, что присутствие в такой команде даже одного более опытного участника сводит на нет суть соревнований в классе, заведомо ставя другие команды в неравные условия. К сожалению, в последние годы принцип нарушался постоянно, прикрываемый демагогическими рассуждениями о праве тренера (разумеется, более опытного) выступать вместе с командой новичков. И, честно говоря, бывает стыдно наблюдать похвальбу такого «тренера»: «А как я ваших В-ешников надрал».

Из личного опыта: еще в доматчевый период доводилось выигрывать областные слеты, имея в составе команды до половины новичков (людей с опытом занятий полгода).

Группа В формировалась из команд низовых коллективов, но не более 3-х от представителей области. 5 команд мог позволить себе город-организатор. Формула от раза к разу менялась, и сейчас такие ограничения сняты. Может быть, зря.

Третий «камень»: возможные включения в состав команды участников из других областей, рассматривался чисто в теоретическом плане, так как существовало четкое понимание того, что цель мероприятия – развитие спелеотуризма на местах, а не чистый результат как результат. Но и здесь появились тревожные послы, обставляемые ворохом демагогических обсуждений.

Хотя причина лежит на поверхности: вместо вдумчивой работы с людьми на местах получить результат (желательно хороший) сразу и не прикладывая усилий.

Четвертый «камень»: усложнение дистанций класса В. Появление его не прогнозировалось, так как у «отцов-основателей» существовало четкое понимание постепенности в наборе опыта и были критерии «знать и уметь» для каждого уровня подготовки. Так вот, уровень класса В – от новичков до выпускников лагеря второго года. Казус этот возник совершенно недавно, как я понимаю, из необузданного желания вполне конкретных начальников дистанций показать свое «Я», совершенно не сообразуясь с реалиями.

Так вот класс В – это твердое ЛИЧНОЕ знание правил работы с веревкой и другим снаряжением (подготовка новичка), но не организация навесок и тактически сложных коллективных решений (подготовка руководителей).

Нынешняя практика постановки дистанций практически идентичной сложности (для классов А и В) отсекает от соревнований новичков, превращая соревнования в классе В в чемпионаты второго сорта. И еще. Соревнования в классе В лично-командные, то есть дистанции должны позволять отсекать время каждого участника на отдельных этапах и подводить на них отдельные итоги, что весьма ценно для новичка.

Печально, но тридцать лет назад тогдашние тридцатилетние «отцы-основатели» оказались мудрее нынешних сорокалетних руководителей.

В момент утверждения Матчей не возникло и тени сомнения, что спелеология в своей глубинной сути – дело исключительно мужское. Были, конечно, исключения (Таня Немченко, соратница Саши Морозова в исследовании пещеры Снежная; наша пермская Нурзия Бакировна Гизатова, семь лет посвятившая исследованию пропасти им. В.Пантюхина), которые тем не менее подтверждали правило.

Фото 1. Ильченко Наташа на дистанции спасательных работ 5 Матча городов Урала

Правило же гласило, что в пропасти сложнее 3 к/с присутствие женщин ограничено, если не нежелательно.

Отсюда и ограничение, возникшее на участии в Матчах.

Как всякое дискриминационное ограничение, оно скрывалось за нелепой фразой положений: «не менее одной женщины».

Демократические юго-западные пределы советской империи вообще широко декларировали лозунг: «Бабе в спелеологии не место».

Тем не менее, в истории Матчей известна одна девушка, которая достойно выступала на дистанции спасательных работ 5 Матча в роли сопровождающей Ижевской команды. Это Ильченко Наташа.

Четверть века, прошедшая с тех пор, мало что изменила в этом вопросе.

Хотя давно назрело включение в программы Матчей выступление женских команд.

Может быть, пока отдельным зачетом, но я думаю, что это даст толчок развитию всей спортивной спелеологии.

И главное, избавит от мучительных поисков той самой «не менее одной женщины».

Это будет **Пятым** «камнем» преткновения, ибо предстоит перешагнуть через застарелый мужской шовинизм.

Шестой «камень» – это программы наших соревнований. Представляется очевидным, что программа должна включать в себя все те препятствия, что встречаются на пути исследователей подземного мира. Составим краткий список основных из них: вертикали (спуски и подъемы); траверсы, узости всех типов; обводненность (водопады, реки, сифоны); лед во всем его многообразии и т.д. и т.п.

Зададимся вопросом: «А что используется из этого набора для постановки дистанции?» Да только лишь вертикаль и траверсы с различными отягощениями вроде переноски грузов (транспортных мешков или носилок с манекеном). На 4 чемпионате России была предпринята робкая, но удачная попытка изобрести узость, используя покрышки легковых автомобилей (нач. дистанции Дима Журавлев) и на том все окончилось.

Хотя при современном уровне развития бытовой техники не составит большого труда организовать обводненную дистанцию, хоть с сифонами (были успешные демонстрационные попытки на 2 и 8 Матчах), хоть с колодцами. Ледяные дистанции вообще просто просятся в программы, тем более, у нас зима достаточно продолжительная. Единственное новшество, надолго задержавшееся в программе – экспресс-спасы, включенные в программу еще второго Матча. В остальном изменяется только техника. ЛВТ заменили ВВТ; ей на смену попыталась прийти ТВТ (серьезных соревнований с ее применением я не упомяну); и теперь воцарилась безраздельно SRT. Оценку работе начальника дистанции надо давать по количеству новых элементов, используемых при постановке дистанции. \\\

*фото 2. "Вертикальный калибр"
на дистанции спелеотехники,
4 Чемпионата России*

Тогда может и сдвинется что-то.

Вспору конкурс объявлять среди начальников дистанций пятилетнего цикла: кто больше внедрит в практику проведения соревнований новых элементов. Можно даже звания присваивать...

Для любознательных: на границе пятого-шестого десятилетия прошлого века возникло любопытное такое течение в среде, тогда еще, «пещерников», как соревнования по преодолению узостей. Заводилой тогда был вроде бы один из первых спелеологов в Средней Азии – Кучерявых Владимир Ильич. Об этом мне рассказывал еще в сентябре 1976 г. мой первый инструктор на туристической тропе Ирина Владимировна Пташникова.

Сам Владимир Ильич в том году пребывал в должности зам. председателя Самаркандского областного совета по туризму и действительно помогал Гене Пантюхину в организации экспедиции на Кырк-тау.

Было даже название какое-то придумано из латинских ли, греческих ли корней.

К сожалению, не записал тогда – и оно потерялось со временем.

Кстати о **Конкурсах**.

По мысли основателей матчей, равноправным видом среди спортивных достижений должны были стать конкурсы, в которых проявить себя могли простые члены коллективов, не вовлеченные в спортивные ристалища. Однако, здесь был допущен идеологический просчет: конкурсы включались в общий зачет и место команды в Матче определялось еще и качеством конкурсной программы. Такое положение не нравилось апологетам спорта, и, где-то на границе 14 Матча, в положениях остается лишь строчка о конкурсной программе, не идущей в общий зачет Матча. А потом конкурсы вообще исчезли из положений. Как сейчас становится понятным, вместе с мыльной водой успешно выплеснули и ребенка. Была робкая попытка реанимировать конкурсную программу на 21 Матче, но она так и кончилась ничем. Полагаю, что будущие организаторы Матчей неминуемо столкнутся с необходимостью организации конкурсов, хотя бы потому, что сложившаяся на сегодняшний день практика поездки на Матчи делегаций состоит в том, что народа много (кроме команды едет обслуга: костер обеспечивать, еду готовить, кого-то берут в судейскую бригаду отдать, и т.п.). Снаряжения еще больше, приходится заказывать автобус. Чтобы заполнить автобус, проводят агитацию, как у нас все хорошо и интересно. Арифметика здесь простая: чем больше людей, тем поездка дешевле.

Вот этот-то свободный от всех и всего люд и представляет, на мой взгляд, наибольшую опасность. Предоставленные самим себе они и развлекают сами себя привычным для России способом. Что приводит, констатирую это с глубоким сожалением, к скорбным последствиям.

Многие «старые проверенные кадры» тоже отдадут дань подобному развлечению потому просто, что другого времяпрепровождения они не знают. Не помнят публичных защит снаряжения, конкурсов песен, конкурсов лагерей и многое другое.

По заверению молодежи, у них пропало чувство Уральской тусовки. Довести себя до «положения риз» можно значительно ближе от дома и с гораздо меньшими финансовыми затратами.

Конкурсная программа, кроме всего прочего, еще несет и просветительскую функцию. И тогда, как мне кажется, даже у случайных гостей Матча появится интерес, и, главное, понимание того, чем интересно это, в общем-то, чудное занятие казалось бы серьезных в городской жизни людей.

Отговорки типа: это сложно, этого мы не умеем, остаются всего лишь словами, прикрывающими нежелание заниматься незнакомым делом.

Да не такое оно и незнакомое. Достаточно вспомнить простую российскую привычку подвергать обсуждению в курилке любые стороны нашей повседневной жизни и по всему обсуждаемому выносить свой суровый вердикт, как станет понятно, что дело это даже, наверное, привычное.

К слову сказать, автором к 21 матчу была подготовлена методичка, где описывались некоторые простейшие методики проведения конкурсов.

Здесь просто нужна воля организаторов, иначе через **Седьмой** «камень» не перебраться.

ГЛАВНЫЕ судьи. Вот даже не камень, а обуза, которую уже много лет несут на себе организаторы соревнований. В первом круге Матчей, когда должны были складываться традиции, главным судьей (как бы естественным путем) становился представитель города организатора.

Уже к пятому Матчу пришло осознание того, что организация соревнований и их судейство – разные жанры. Одинаково почетные, но существенно разные. Человеку, разгоряченному подготовительной страдой, много сложнее оставаться объективным ко всем командам. При этом в требованиях к набору судейского опыта на присвоение высших судейских категорий выполнение судейских обязанностей в разных ипостасях приветствовалось, так как говорило о понимании претендентом разных сторон соревновательного процесса.

Главный судья соревнований при таком раскладе, во-первых, получает возможность непредвзято контролировать финал подготовки соревнований, во вторых, четче судить сами соревнования.

Поэтому на пятом Матче и было решено, что впредь главным судьей будет назначаться (Ассоциации тогда, напомним, еще не было) представитель иного города. Традиция просуществовала лет десять, и на границе того же 14 матча все вернулось на старые рельсы под прикрытием дымовой завесы слов о престижности быть главным судьей.

Привести доказательство изложенного выше?

Как говорят на одесском Привозе: их много есть у меня.

29 матч – Юрак-тау. Когда откровенно было жалко главного судью, при явном дефиците кадров упрямо тащившего одновременно два воза: организатора матча и главного судьи. Это при том, что работа была проделана большая и качественная.

27 матч – Шихан. Когда организатор соревнований просто физически был не способен быть главным судьей.

Продолжать...?

Считаю это **Восьмым** камнем.

Существуют и другие «бульжники», поменьше размером, но споткнуться на которых совсем нет желания. Из-за недостатка места останавливаться на них, даже кратко, просто нет возможности. Но разговор лучше вести, если мы хотим измениться к лучшему.

Такие вот юбилейные размышления.

Спелеоподвода-83. Уроки первого всесоюзного семинара

рис. 1. Эмблема участника семинара

Чтобы двигаться вперед, нужна точка опоры. Такой опорой могут быть традиции и личный опыт, знания и навыки, и, наконец, история.

25-30 октября 1982 года на турбазе «Заря» поселка Джубга Туапсинского района Краснодарского края проходил Всесоюзный семинар председателей областных спелеокомиссий. Кроме экскурсий на легендарную Малую землю – место Кунниковского десанта и блиндаж примазанного в мирное время «легендарного» звездоносца – занимались тогда обсуждением разных спелеопроблем. В числе которых фигурировали и спелеоподводные погружения. Состояние дел этих было, прямо сказать, никаким.

Существовало правило, принятое еще на заре советской спелеологии, повсеместно нарушавшееся, согласно которому право погружения в пещерах имели исключительно инструктора-подводники.

Не учитывались специфические условия погружений, отсутствовали программы подготовки, не ясно было, каким образом классифицировать сифоны, никак не были прописаны правила производства погружений, не был обобщен накопившийся опыт погружений... – продолжать можно еще долго. Длительные дебаты показали отсутствие не только единого мнения, но и мнения вообще.

фото.2 Заседает редакционная комиссия

Единственным результатом долгого бдения были две странички машинописного текста, озаглавленные: «Временные принципы классификации сифонов» и «Временные требования к подготовке пловца-подводника, допущенного к спелеопогружениям».

Саша Морозов, тогдашний всесоюзный спелеопредседатель, обещал включение части затронутых вопросов в план работы Центральной комиссии только через год (в 1984 г.).

Посоветовавшись с Шурой Вотиновым (председатель Пермской обл. комиссии, которого я сопровождал как завуч месяц назад проведенного семинара ВТП), мы предложили почтеннейшей публике услуги нашей секции по организации и проведению на общественных началах неофициального семинара руководителей спелеоподводной деятельности. Резон прост: зачем терять год?

Собрав адреса и пожелания, уехали домой. Здесь огляделись и, прикинув еще раз, оповестили всех заинтересованных, что семинар состоится с 4 по 12 июня 1983 г. Для обсуждения предлагаются такие вопросы:

- а) принципы классификации сифонов;

- б) критерии допуска к спелеопогружениям;
- в) упражнения для спелеоподводников;
- г) требования к снаряжению;
- д) обеспечение безопасности при спелеопогружениях;
- е) анализ отказа аппаратов;
- ж) анализ несчастных случаев;
- з) документирование спелеопогружений.

Деньги на дорогу заинтересованные добывают сами (письмами-приглашениями от т/к «Компас» мы обеспечивали), легочники, редуктора, гидрокостюмы – свои. Питание, турснаряжение, баллоны, воздух, средства сплава – пермские.

Планировалось (и было исполнено) отпечатать общий отчет со всеми материалами тиражом 25 экз. и объемом до 100 страниц.

В списке на рассылку информации по подготовке семинара были: Симферополь, Керчь, Ялта, Москва, Ленинград, Псков, Красноярск, Омск, Ростов-на-Дону, Свердловск, Салават, Уфа, Челябинск, Хабаровск, Владивосток, Фрунзе, Усть-Каменогорск. Приехать обещали многие.

Организаторы предложили совместить процесс обсуждения руководящих материалов со сплавом по реке Чусовой (36 км) и практическими погружениями в воклюз Голубое озеро (тогда L-180m H-56m) и сифоны Поньшской пещеры.

Дабы не обременять уполномоченных представителей хозяйственными хлопотами, семинар по времени совместили с УТП школы спелеологов, которая, обрабатывая учебные задания, стала хоз. взводом для подводников.

Планировалось прибытие около 20 человек.

5 июля заехало 10 человек: Корнилов А.М., Рыжаков В.В. – Псков; Нохов И.М., Меньшиков А.И. – Уфа; Гладкий В.А. – Салават; Мельников В.П., Миненков П.В. – Красноярск; Яшкин В.В. – Ростов-на-Дону; Кондрашин С.Г. – Свердловск; Марченко Т.М. – Москва.

Принимать решения из этого списка могли только 7 человек, остальные выступали в роли наблюдателей.

К этой десятке добавилось четверо пермских подводников: Баранов Н.И., Вотинин А.В., Даник А.К., Евдокимов С.С. Чтобы не создавать заведомого неравенства, право решающего голоса было дано последнему.

Восемь голосов, призванных определить стартовую планку для спелеоподводников Союза. По прошествии времени надо признать, что не получилось у нас. Задача оказалась не по замаху? Не думаю. Роковую роль сыграли незначительные отличия в подходах к одним и тем же проблемам, нежелание считаться с иным мнением.

Уже в последний день семинара, когда были внесены последние правки в предлагаемые рекомендации, позволил себе задать я сакраментальный вопрос:

– А кто будет выполнять все эти рекомендации?

Красноярец Мельников смертельно обиделся:

– Как это кто? Да все!

– Все. Да только кто захочет себя ограничивать?

– Тогда зачем здесь все мы собирались?

Болезненный вопрос.

Однако последующие события показали, что если бы рекомендации были приняты к исполнению, то многие печальные события, имевшие место, просто бы не состоялись.

Почему же не стали результаты работы семинара руководством к действию?

Возможно ответил на этот вопрос Морозов А., который год спустя в приватной беседе сказал:

– Ребята, своими требованиями вы резко ограничиваете возможность заниматься исследованием сифонов, т.к. требуется очень серьезная подготовка.

Пришлось согласиться, что при нашем раздолбайском менталитете – ограничения болезненны. К чему привело такое отношение – описано выше.

Но вот в 1989 году получаю из Красноярска от Корначова (перевод Дунчевской С.) буклет Национальной ассоциации спелеоподводников (NACD) США (Флорида, США, 1986 г.).

Вот что пишут просвещенные американцы:

– *Не ставьте превыше всего цель. На первое место ставьте безопасность, все остальное на втором плане... Это первая ступень, с которой начинается надежный спелеоподводник.*

– *В правила NACD не входит поддержание и поощрение бесцельных попыток проникновения в пещеру... Запрещение допуска к погружениям тех, кто не отвечает необходимым требованиям.*

– *Безопасность спелеоподводных погружений зависит от разумного планирования.*

– *Физические способности пловцов развиваются сначала в бассейне, на открытой воде... Кто не может достичь при этом необходимого уровня ловкости и координации, должны на этом этапе отсеяться.*

Каждый поступающий на курсы спелеоподводников должен:

– *иметь по крайней мере 30 погружений на открытой воде;*

– *удовлетворять всем первоначальным требованиям, предъявляемым конкретным инструктором.*

В период обучения:

– *совершить минимум 12 погружений в пещерах... Хотя бы одно на глубину 30 м (но не более 40);*

– *необходимый минимум снаряжения: ...глубиномер, часы, основной источник света и минимум 3 запасных.*

Я не пересказываю мощную канцелярскую программу, которую ведет инструктор на КАЖДОГО спелеоподводника.

Еще одна цитата: «...Выход с совместным дыханием из одного аппарата – гораздо менее достойная вещь, чем нормальный благополучный выход. Дыхание из одного аппарата, потеря направления, взмучивание ила или отказ света, потеря плавучести или запутывание – вот условия, свидетельствующие, что выход ваш малоэффективен и бестолков».

К этому можно только добавить, что пока мы не научимся говорить самим себе правду, а не хвалить себя и других: «Ах, какой герой! Да ему памятник надо ставить при жизни!» – до тех пор будем нести невозполнимые потери.

Занимаясь анализом аварий, заметил некий парадокс.

Поразительно! Идущие во след в возникшей аварийной ситуации – тут же проходят много дальше и выполняют работу намного больше, причем практически без единого замечания! С чего бы это?

Вероятнее всего, берегутся больше, с полупустыми баллонами не балуют, ходовыми и страховочными концами не пренебрегают, да и снаряжение – «ешь, не хочу».

А может быть, все – проще? Может, обыкновенная боязнь, что кто-то скажет: «Та-а-ак. Был, да не

нырнул? Слабак!»

Возможно, останься без лишнего подтверждения своих несомненных достоинств, глядишь и остался бы жив?

Риск?

Модное право на риск. Но право на риск имеет тот, кто не оставляет шансов на риск. В противном случае, это оборачивается предоставлением друзьям права на общение с телом. А может быть ввести для спелеоподводников курс общения с утопленниками?

Но это уже другая тема.

Заметки на краях судебных протоколов

2 ВСЕСОЮЗНЫЙ СЛЕТ СПЕЛЕОТУРИСТОВ, р. Гумиста, Сухуми Абхазия 04-07.09.1984 г.

Мини-путч

Главным судьей 2 Всесоюзного слета спелеотуристов мне предложили быть после проведения в сентябре 1983 года Первого Всероссийского слета спелеотуристов, который нам удалось подготовить меньше чем за месяц. Письмо из Российского Совета пришло 16 августа, а уже 7 сентября мы открывали его на общем построении.

Предложение я принял и с декабря 83 года активно включился в подготовку. За неделю до начала соревнований беру на работе все положенные и не положенные отгулы и в компании судей от Перми

улетаем к месту действия.

До Сухуми добираемся только к вечеру. В областном совете тишина (парадокс системы: республика автономная, а совет областной). Никто ничего не знает:

– Завтра, дарагой, с утра, дарагой. Люди устали, дарагой.

Мягкий вечерний бриз, напоенный запахом моря, перегретых камней и эвкалипта, кофеен и шашлыка (совет расположен в полусотне метров от приморского бульвара) располагает, очевидно, к неспешному томлению духа, легкой беседе за бокалом холодного вина. А тут какой-то главный судья тербит чиновный люд. Здешний же чиновник-абориген представляет слет так: сациви, циннандали, нежный барашек; приятные беседы в кругу не менее приятных людей под цветистый кавказский тост.

– Зачем соревнования? Пасматри, какой нежный шашлик.

Само собой рождается смутное беспокойство, не проходящее на протяжении всего слета, временами достигая штормовых отметок.

На рейсовом автобусе добираться до мотеля, где будут расквартированы судьи, раскинувшем свои коттеджи на левом берегу речки Гумиста, чуть ниже ажурного автомобильного моста (через десяток лет здесь будет проходить линия фронта между абхазами и грузинами, а мост, говорят, взорвали).

Дистанции на этом же берегу в двухстах метрах выше по течению, а вот участники – на другом берегу. И, чтобы попасть на дистанцию, нужно минут пятнадцать обходить реку по мосту, или вброд форсировать пятнадцатиметровую водную преграду. Глубина здесь, правда, по самую «развилку».

У самых ворот встречается Лукович (Челябинск). Его амплуа здесь – зам. главного судьи по судейству на дистанции спасработ.

– Серега, там бригада дистанции спелеотехники бузит, – вместо приветствия, со своей неизменной полуулыбкой, кричит он еще издалека.

– Что там еще? – спрашиваю Витальку, насторожившись. «Ну вот, началось», – тоскливо мельтешит всполошенное беспокойство.

– Ну, ты же знаешь. Все, что от Москвы – Вите с Геной, что танцору серпом по... сапогам. Все не так. Уговаривают не проводить слет.

Бригада спелеотехники – представители Украинского совета по туризму.

Да, история стара, как мир. Готовя слет, Центральная комиссия исходила из посыла: два слета, 1 Всесоюзный спелеослет в 1979 г. и Всесоюзный слет туристов в 1981 г. – готовила и судила ГСК с Украины (считалось, что соревнования развиты только на Украине). Пора было дать такую возможность и другому региону – России. И по началу ГСК слета планировалось преимущественно из судей российских. Но еще в мае, в результате усиленного, как говорят буржуи, лоббирования, порешили изменить установку и сделать ГСК смешанное. Отголоски той подковерной борьбы долетали до меня телефонными звонками из Москвы. Сейчас же предстояло ознакомиться с подробностями лично. Бригада эта состоит из трех человек: Главный секретарь – Валера, заместитель главного судьи по судейству на дистанции «спелеотехника» – Витя и начальник дистанции. Для упрощения назовем их просто Секретарь, Витя и Начальник. «Каждый кулик свое болото..», что-то там про одеяло. «Ну да, если Начальника накрутить, а Витя с этим справляется умело (не этот, не челябинский, другой), то крови попорчено будет немало», – мрачно размышляю я по пути к одному из финских домиков, разбросанных по территории кемпинга.

Челябинец благоразумно теряется среди стриженного субтропического вечнозеленого изыска.

В комнате вся бригада в сборе. Трое. Начальник, Витя и Секретарь. В этой команде он держится подчеркнуто интеллигентно и как истый западонец умело подпитывает недовольство общей массы, красиво разводя руками: «Ну хіба ж так можна працювати».

Рта открыть не успеваю. На меня обрушивается поток брани и гнева Начальника. В спокойной атмосфере мы с ним прекрасно ладим. Надежность наших взаимоотношений проверена и Красной, и Киевской, и Каскадной. Но корпоративность... Из всего грязепада вылавливаю лишь крохи информации: «Все дерьмо... к той самой матери... Ты старый (как бы это поинтеллигентнее процитировать, чтобы себя любимого не обидеть...) Веревки нет... Бумаги нет... Надо отказаться от проведения слета... Пускай Москва расхлебывает... (Ага! Это, кажется, истинная цель) Ты не имеешь опыта...» И так далее, и тому подобное на протяжении минут пяти.

Молчу. Внимаю. Как говорится, «обтекаю». К этому моменту жизнь, кажется, приучила меня не делать резких телодвижений в больших делах. Чем больше дело, тем меньше должно быть видимых движений, как души, так и тела. Мысль, конечно, верная, но вот следовать ей... Сейчас я демпфер на навеске при срыве. Вероятно, я в самом деле не много могу. Не набив шишек – не приобретешь опыт. Но это судьба любого Главного судьи. Музыку заказывает тот, кто платит деньги. Аборигены понимают туризм однозначно: вино, шашлык-башлык, море, девочки. «Кто девушку обедает, тот ее и танцует» – вспоминаю любимую фразу одного своего знакомого. Между тем фонтан красноречия постепенно иссякает. Меня дружески облапывает Витя, водит по комнате из угла в угол, интимным шепотом повторяет в общих чертах экзерсис Начальника.

– И что вы предлагаете? – мой незамысловатый вопрос вновь инициирует новую волну дерьма.

– Все! Дистанцию ставить не будем. Собираем майно и уезжаем!

Боже ж мой, ну кому эти эскапады нужны, зачем мне-то их выслушивать?! Но делать что-то нужно немедленно, и делать только мне.

– Ну что ж, – медленно проговариваю мысль, рождающуюся в голове, – от местных деятелей ожидалось безразличие. Что им наши веревки-крючья-карабины. Не с ними спорить – с московскими контролерами, которых тут чуть не пол управления. Сезон-то «бархатный». Спелеология наша им «до фени». От вас такого не ожидал. Мужики со всего Союза приезжают пообщаться (в кои веки деньги для этого выделили). Хабаровск. Владик. А вы предлагаете им голый зад показать? Причем, по вашему мнению, это должен быть мой зад? Хрен вам, мужики. Ну, да бог с вами. Есть кадры на Урале. В Красноярске. Свердловского Голубева поставлю замом. В Красноярске найдем начальника дистанции. В крайнем случае Захар Залиев поставит две дистанции – это для него не проблема. Я догадываюсь, что это только демонстрация намерений. И еще я понимаю, что главные в этом трио – Секретарь и Витя. Начальник по вспыльчивости характера здесь не инициатор. Просто ему сильно много, что называется, наезжали на уши – и вот результат. Но мне-то зачем это выслушивать? А коль скоро сказали «А», то вот вам и «Б».

– Да. Вот бумага... Пишите:

*Главному судье
2 Всесоюзного слета*

от...

Заявление

В связи с тем-то и тем-то, участвовать в подготовке и проведении слета отказываюсь.

Дата, подпись

Самый заведенный хватает ручку и начинает ожесточенно чиркать по листу. Остальных присутствующих мое предложение отнюдь не радует. Меня подхватывают уже с двух сторон и начинают петь что-то про:

– Ты же знаешь Старого, он побузит, – а то я не знаю, кто его заводит – а теперь еще и крайним станет, – и все пройдет. Но, в самом деле, веревок мало – и т.д. и т.п.

Что-то много и быстро всего.

Холодно вопрошаю:

– А вы что? Писать будете?

Краем глаза наблюдаю за столом. Пыл пишущего заметно угасает.

– В общем так. Сейчас поздно. До утра вы никуда уже не успеете уехать. Но утром зайду, заберу заявления. А сейчас я иду к Красноярску и Свердловску договариваться насчет замены.

Велик искус заставить написать заявления сейчас. Обидно за Начальника. Хожено вместе немало. Остальные к бумаге отнюдь не рвутся.

Утром заявления, конечно же, не написаны. Угрюмо буркают нечто невразумительное и уходят на дистанцию.

Я отправляюсь в Сухуми решать текущие вопросы в «высоких» кабинетах, мрачно размышляя о жизни и грядущих перипетиях.

А с Начальником мы чуть позже вполне благополучно договорились о продолжении работ в 1985 году на Кавказе.

Команда пермского ОСТЭ на 2-м Всесоюзном слете спелеотуристов. 04-07.09.1984 г. в районе Сухуми р.Гумиста.

Слева на право: Ковин Дима (с табличкой), Кудымов Андрей, Гизатова Нурзия, Бахарев Толя, Шаров Сергей, Лопандин Вася, Белов Сергей, Вотинцов Саша.

Источник: журнал АСУ №24

Дела столовские

Возвращаюсь из Сухуми, где в Совете по туризму обсуждал какие-то вопросы, только после обеда.

Правый берег Гумисты начинает оживать: прикатили прицепные домики для ГСКа, медика, радиоузла, коменданта. Появляются палатки команд. Целенаправленно снуют цветастые фигуры участников. Народ обживает новое стойбище.

А на меня валятся дела столовские. И не потому что это входит в мои функциональные обязанности, а потому что найти ответственных от Сухумского совета невозможно в принципе.

Сметой на кормежку от Центрального совета выделено 5р.70к. на каждого человека в день (к слову сказать, в Перми в ресторане «Сибирь» обед на двоих (с водочкой по 150г. для аппетита) обошелся в 10 рублей). Готовить брались в кафе кемпинга, причем на вопрос, как будет осуществляться контроль за количеством едоков, сказано было уверенно: «Кемпинг закроем, дарагой! Только твои спортсмены ходить будут. Всех накормим!» Последняя фраза должна была бы возбудить подозрение...

Зевнул. Да и откуда мне было знать тогда особенности местного менталитета. Проводя 2 Матч городов Урала, лагерь участников матча мы расположили на стадионе поселка шахты Северная города Кизел, а кормили участников матча в поселковой столовой, заранее предупредив о грядущем наплыве посетителей. И, если память не изменяет, областным советом выдано было по 2р.50к. на человека в день. И как кормили! Что называется, от пуза.

Первый же день показал: кормят действительно всех (родственников, проходящих мимо друзей), но на нашу долю остается только жиденькая водичка с огромным количеством перца. В меню эта вершина кавказского кулинарного «искусства» именуется почему-то «харчо». Попытки решить вопрос непосредственно на кухне – успеха не имели: «Ти кто такой? Главный судья? Иди, командуй своими судьями! У нас свои начальники».

Начальников, как обычно, много, но под рукой никого не оказывается.

Ближе к вечеру бреду, обречено раздумывая, кого бы из местного руководства озадачить кухонными проблемами. Невдалеке скрипят тормоза новенькой «Лады». Из машины живо выходит цветущий представитель гор и гордо несет свое уважаемое тело, плотно упакованное в светло-серый костюм, прямым к пищеблоку. Вижу я его первый раз, но откуда-то (не свыше же) приходит ЗНАНИЕ: это тот, что мне позарез нужен именно сейчас.

Изображая на лице высшую степень удовольствия, широко раскинув руки, делаю шаг ему на встречу:

– Дарагой! – молнией мелькает в мозгу строка из программки, там, где оргкомитет прописан, – Васо Хотоевич?! – пробую голосом правильность своего озарения.

– Да, – оторопело шарахается достойный представитель аборигенов.

– Товарищ Берулава! – радостно завершаю фразу, добавляя в голос медку, – Гамарджоба, дарагой! Вас-то мне и надо.

– Вы меня знаете? – озадаченно вопрошает не пришедший в себя мужик.

– Дарагой, ну кто же не знает директора Сухумского торга!

Продолжаю напирать, краем глаза наблюдая за тем, как пунцовеют от удовольствия даже уши моего визави. Впрочем, я и сам испытываю немалую оторопь от такого абсолютного попадания в десятку. Ни тогда, ни тем более сейчас, объяснить этот казус я не могу никак. Да, я бегло прочитал

страницу положения, где перечислялись члены оргкомитета, еще раз фамилия эта мелькнула, когда знакомился с билетом участника. Но чтобы вот так... Не понимаю!

– Я – главный судья этих соревнований. Понимаешь, люди съехались от Тихого океана до Балтийского моря – посмотреть на ваши прекрасные места. Понимаешь, ваша прекрасная кавказская кухня (весьма натурально причмокиваю, с дрожью вспоминая «несравненные» кухонные ополоски с огромным количеством перца) не всем подходит. Люди – спортсмены, им бежать надо, работать. Большая просьба: перец на стол выставить, а мясо – в котел положить. Я понимаю, всем надо жить, но здесь вся страна приехала. Что люди подумают? Я своего человека поставлю, чтобы за порядком смотрел, советы давал. Ты возражать не будешь? – все это я выпаливаю одним духом, пытаюсь улыбаться, как мне кажется, чарующе и отвешивая в неумеренных количествах радость от неожиданной встречи.

– Вах, дорогой! Нет времени! Но я сейчас все скажу, и человека присылай.

Он ошарашено убегает от меня. Я же продолжаю путь, изумленно переваривая нетривиальную мысль: «Восток – дело тонкое».

Ставлю на кухню Леню Петеримова. Не хочу лукавить, но подобную ситуацию я предугадывал, потому-то и взял нескольких наших парней, на которых всегда можно положиться. Кое-кто приехал даже за свой счет. Сидя у окна выдачи с черным дипломатом, что он тут-же выпросил у меня, с ворохом талонов и ведомостей (что я на всякий случай прихватил в родном облсовете), Леня выглядел в высшей мере представительно, как и должен выглядеть начальник в представлении аборигенов. Что скрывать, он любит такие роли и исполняет их с блеском.

Стали кормить лучше? Не уверен, что это называется улучшением качества питания. Похлебка стала погуще – это точно, перца сыпать в варево стали заметно меньше... А у меня остренькое не переводилось, и без харчо, каждый день.

Много сомнений вызывает дистанция топосъемки. Нет, не сама дистанция, а ее незащищенность от срисовывания. Дистанция поставлена в пещере. Пещера удалена от места слета на приличное расстояние. Соревнования будут идти два-три дня... Держать сторожей? Выход предлагается простой «технический»: в радиусе 1-1,5 м от точки пикета располагается мощный магнит. Эксперимент показывает, что отклонение стрелки компаса в таких условиях от истинного положения составляет 10-15 градусов. Зная конкретную величину погрешности для конкретного пикета... Чтобы уменьшить вероятность совпадения, устраивается две такие ловушки. Как оказывается потом, увы нам, не зря. Две команды попадают в них. Было забавно выслушивать убежденные высказывания их представителей, что мол-де у них ошибки в этом месте быть не может. А ведь они правы, сняли все правильно, как магниты «приказали». Переубеждать в обратном мы при людях их не стали. Сами себя наказали.

После большой спелеологии

1996. Организатор Пермского общественного информационного технического спелео-туристского центра (ПОИТСТЦ-ВИВ).

1997. Член редколлегии общественного научно-исследовательского и технического спелеологического центра (ОНИТСТЦ).

Май 1997. Главный судья 20-го матча городов Урала. Матч по технике спелеотуризма (1 чемпионат России по спелеотехнике) проводился на территории Челябинской области ст. Силач, оз. Аракуль, скальный массив Шихан.

1999-2003. Президент АСУ.

1999. Заместитель Главного судьи 2-го чемпионата России по спелеотехнике (г. Красноярск).

2004. Вице-президент АСУ.

2006. Главный редактор «Спелеологического журнала АСУ» (№ 1-3). 2008-2020 Редактор «Журнала АСУ» (№ 6-40).

2010. Сергей Сергеевич Евдокимову за выдающийся личный вклад в изучение пещер была присуждена медаль памяти А.Морозова «За успехи в спелеологии».

2012. Присвоено звание Почетный Вице-президент АСУ.

28.07.2020. Сергей Сергеевич Евдокимов умер.

Встреча с писателем В.П.Астафьевым

Красноярск. 14 июня 1999 г.

Занесло меня в г. Красноярск, можно сказать, попутным ветром. С 10 по 14 июня предпоследнего года двадцатого столетия проходил здесь второй чемпионат России по спелеотуризму.

Я оказался в составе Пермской команды по судейской квоте в роли зама главного судьи соревнований на дистанции «Спелеотехника».

Вечером 10 июня, сидя в «кулуарах» в номере Александра Вишневого (Екатеринбург), среди обычного для подобного рода мероприятий гула голосов услышал обращенный ко мне вопрос красноярца Володи Плотникова:

– Серега, с Астафьевым встретиться хочешь?

– А каким же это образом? – изумился я. – Мечтать даже не смею.

– Да он тут услышал про чемпионат по телевизору и в клуб позвонил, спрашивал про пермяков, есть ли.

Приглашал к себе в гости.

Говорил, что хочет встретиться, познакомиться, пообщаться.

– Когда?

– Да тут есть мужичок один, журналист, он приедет, и вы договоритесь.

Я вас на машине отвезу.

– Старик! Надо ехать, – вклинился в разговор хозяин «кулуаров», – я тоже поеду, прикинусь пермяком. Да и прикидываться не надо, в детстве десять лет там у вас прожил.

На том и порешили. Два дня соревнований со всякими перипетиями и погодными катаклизмами (шквальный ветер с дождями и градом, несущимися столь плотной стеной, что не только противоположный склон горы становился невидимым, но и близлежащие скалы совсем не просматривались) как-то притупили ожидание встречи, оттеснив ее в область несбывающегося.

Через день, закончив судейство на своей дистанции, вернулся в пионерский лагерь «Столбы», где проживали команды и судьи. На веранде окликнул кто-то из уральцев:

– Тебя тут какой-то журналист разыскивает. Только что тут был.

Заглядываю в комнату пермской команды.

Мое появление встречают общим возгласом:

– Ну, наконец-то!

За столом сидит бородатый субъект в белой футболке с красно-синей эмблемой на груди. Новомодные очки с круглыми стеклами в тоненькой металлической оправе. Лицо сияет довольной улыбкой...

– Ну, ты молодец, – начинает он без предисловия. – Я тебя у Захар Захарыча на дистанции прождал, а ты не пришел.

– Ну, во-первых, я не мог оставить дистанцию, пока не кончились выступления. Во-вторых, я так понимаю, что это тот самый журналист, который должен организовать встречу с Астафьевым? – не реагируя на него, спрашиваю Наталью Попову, сидящую рядом.

Нас знакомят:

– Миша.

– Сергей.

– Ну, ты фактуристый мужик, – тут же заявляет он, окинув меня взглядом, – настоящая уральская рожа, – воодушевленно продолжает он.

«Ага, – отмечаю про себя, – кажется, мы изрядно приложимшись». Волей-неволей приходится доставать бутылку с тещиным самогоном и шмат копченого сала. Тост за знакомство. Миша от угощения в восторге:

– Обязательно Петровичу возьмите, он, правда, употребляет по чуть-чуть, но будет рад.

На мой вопрос: «Насколько реальна такая встреча?» – следует заверение, что все в наших силах, и как только мы захотим, так она будет проведена.

Пока гость окончательно не свалился, быстро решаем, что 14 числа с утра, часиков в 11, Володя Плотников заезжает за ним домой и отвозит нас в Овсянку, где Виктор Петрович проводит лето. До-

беремся к 12, возьмем книжек, подпишем, прихватим фотографию нашего губернатора Игумнова с Астафьевым, тоже подпишем, сами потом вручим губернатору...

За сим успеваем уложить отяжелевшего Мишу на кровать, где он и забывается в сладостной дреме. В панике разыскиваю Плотникова:

– Володя, это что за тип? Ему доверять можно?

– Кто его знает, вообще-то, алкоголик. Бывают запои по несколько дней, но организовать встречу может: Петровича знает хорошо. Да я знаю, где он живет, организуем, – утешает он меня.

Остается только надеяться на чудо. 13 июня засиделись за столом далеко за полночь, чуть ли не до рассвета.

Утро 14 июня выдалось хлопотливое, как всегда бывает после окончания больших мероприятий. В 8 утра на абаканском поезде должна была приехать от бабушки старшая дочь Ярослава. На всякий случай договариваюсь с шурином Володей и племянником Димой, что, независимо от меня, они тоже будут ее встречать. Вначале просыпаю я, потом долго разыскиваю Плотникова, и, когда приезжаем на вокзал, часы отмеряют начало десятого. Дочери на вокзале нет, звоню шурина – все в порядке, только что приехали с вокзала.

Едем за Мишей. Дом – обычная пятиэтажка. Плотников уходит забирать провожатого. Довольно долго отсутствует. Я успеваю вздремнуть. Погода стоит солнечная, после прошедших катаклизмов даже не верится, что так бывает. Наконец из подъезда выходят трое: Миша, Володя и дама.

– Жена мишкина. Едва уговорил его отпустить. Он в залете был. Едет осуществлять личный контроль, – скупко роняет, садясь в машину, Володя в ответ на молчаливый мой вопрос.

Знакомимся. Жену зовут Наташа. Ситуация внезапно обостряется: свободным остается всего одно место, а ехать нас собиралось трое: я, Попова и Вишневский. Нужно будет искать дополнительный транспорт. Довольный «поднадзорный» протягивает мне шикарное издание:

– Тебе на подпись Петровичем.

– А фотографии? – спрашиваю я, вспоминая недавнее обещание.

– Д-да, понимаешь, не нашел, – нимало не смущаясь, отвечает он.

Едем обратно в лагерь чемпионата. В лагере тихо, народ отдыхает после прощальной дискотеки, затянувшейся почти до семи утра. Сообщаю Наталье Поповой неприятную новость. Она в прострации. Бросаемся искать дополнительный транспорт. Время поджимает, я захожу к Вишневскому – поторопить. Шура не расположен поспешать, не выполнив утреннюю программу сибарита в полной мере (умывание теплой водичкой, омлет, кофий, сигаретка и т.д.), поэтому барственно машет рукой: «Езжайте, только возьмите для меня автограф».

Нашим легче. Разыскиваю едва не плачущую Наталью. И вот мы уже выбираемся от Базаихи на магистраль, уносящую нас от города вдоль Енисея, неторопливо несущего воду Саянских ледников. Течения практически не видно, только изредка от невидимой с дороги какой-нибудь «зацепки» тянутся по его поверхности «усы», будто под берегом моторка направляет свой бег на юг, туда, где в слиянии Бий-Хема и Ка-Хема в купе с Кызыл-Хемом (Большого и Малого Енисеев – обозначено на некоторых картах), рождается самая водоносная река России. Здесь он будет слегка поуже нашей Камы, но холодной мощью веет от зеленовато-серых его вод. Справа, коль скоро мы едем навстречу течению, по левому берегу высится крутой склон, весь в яркой зелени не потускневшего начала лета, периодически прерываемый красновато-коричневыми громадами сиенитовых утесов – столбов.

Стоят вдоль дороги привычные уже для всей России торговцы домашними продуктами.

На неровно оборванной картонке с удивлением читаю: «Раки».

– У вас что, раки водятся? – спрашиваю хозяев.

– Да, нет, – отвечает Миша – живых привозят. Чуть ли не с Украины. Вот и синий дорожный указатель «Овсянка». Проехав с километр, сворачиваем направо. Машина переезжает железнодорожные пути, проезжает пару перекрестков и, свернув еще раз направо, останавливается перед необычным домом, в первый момент скорее напоминающим церковь. Высокий центральный столб с крутой двускатной крышей как бы подпирают с двух сторон два пасынка. Высокие стрельчатые окна фасада, небольшое крылечко на две стороны, как бы в параллель крыше, дополняют сходство.

Два фонаря над входом «под старину», стильные фонари на ажурных столбах вокруг самого здания. Вопрос, очевидно, написан на моем лице.

И, выходя из машины, Миша представляет Дом, как представляют старого хорошего знакомого:

– Библиотека Овсянки.

Под стрехой «пасынков» прилепилось множество ласточкиных гнезд. Мимо воли вспоминаю поверье: «Ласточки вьют гнезда под крышей доброго дома». Поднимаемся на крыльцо и заходим сквозь массивные двустворчатые двери в уютный ромбовидный тамбур. Боковые стороны его образованы застекленными дверями. Открываю наугад одну из них, и сразу оказываемся будто на втором этаже вестибюля.

Вниз от тамбура уходит лестница, окруженная П-образной широкой балюстрадой, несколько стеклянных дверей уводят с нее в глубь других комнат, где виднеются книжные стеллажи. Пространство между дверями заполнено картотечными ящичками. В глубине, напротив входной двери, еще одна лестница, ведущая наверх. Пока вертим головами, к нам подходит невысокая круглолицая женщина и гостеприимно говорит:

– Хотите, я проведу для вас экскурсию по библиотеке?

Такое чувство, будто нас заждались... Мы, конечно же, хотим.

Вход в библиотеку Овсянки

Вестибюль, у входа.

Гобелен

– Здание построено по индивидуальному проекту заслуженного архитектора России Амирханова, – легко начинает она. – Библиотека организована еще в 1975 году. В 1991 году началось строительство этого здания, которое завершилось к 70-летию Виктора Петровича, 4 мая 1994 года. У библиотеки 2000 читателей. Фонд более 30 000 книг. Много работаем с детьми, недавно провели выставку рисунков.

– На этом этаже у нас абонемент и читальный зал. Там, – показывает она на лестничный пролет за балюстрадой, – раздевалка, подсобки, хранилища.

Поднимаемся на второй этаж.

– Вы не литератор? – как бы между прочим задает вопрос, обращаясь ко мне, наша провожатая.

– Нет. Я просто электрик, Наташа – преподаватель, – смущаюсь от неожиданного вопроса. – Мы просто любим книги Астафьева.

– Я, можно сказать, выросла на творчестве Виктора Петровича, – говорит Наташа. – У нас в семье его книги читают просто запоем.

– Вы знаете, в литературной среде сейчас очень сильная раздробленность, мы пытаемся найти общие точки зрения, недавно провели литературную конференцию, приехали наши оппоненты, – называет известного писателя, – и нам кажется, что мы стали понимать друг друга, живем ведь на одной земле и надеемся прийти к взаимопониманию.

Мы откровенно далеки от литературных потасовок, поэтому уводим разговор на архитектуру здания:

– Почему потолок на втором этаже не плоский, а повторяет контуры крыши?

– Архитектор это сделал специально, чтобы увеличить объем помещений. У нас здесь каждый год устраиваются елки, так мы ставим их под самый потолок. В этой части этажа мы планируем организовать гостиную, где будут собираться наши читатели. Пока не успели доделать, – как бы извиняется наша провожатая.

– Пройдемте в Каминный зал, – распахивает перед нами одну из двух больших многостворчатых застекленных дверей.

Стена разделяет второй этаж на две половины, и если эту, где мы находимся, через высокие окна заливают яркий солнечный свет, то во второй половине – почти что сумерки. Дневной свет проникает сквозь четыре высоких узких окна, почти наполовину зашторенных желтыми шторами. Под стенами сплошь стоят мягкие стулья-табуретки, два белых кресла и белый же круглый журнальный столик с букетом из засушенных цветов у центральных окон. Белое пианино стоит среди стульев у правой стены, на полу – огромный ковер почти серого цвета. Весь простенок между дверьми занимает камин. Над дверьми – два полукруглых зеркала, зрительно увеличивающих объем помещения.

– Наша гордость – камин и гобелен. Гобелен изготовлен мастерами Алексеевой и Егоровым.

Камин

Здесь, как и во всем интерьере, использованы мотивы «Царь-рыбы» и «Енисея». Камин выложен тоже с использованием енисейских мотивов. В его отделке использован камень холодных, как воды Енисея, оттенков.

– Мебель и люстры сделаны по заказу так, чтобы соответствовать общему стилю зала. Пианино фирмы, – называет известную в музыкальном мире марку, – изготовлено по специальному заказу. Здесь проводим музыкальные вечера, встречаем гостей, здесь побывали и оба наших Президента.

Проходим в небольшой и невысокий (рукой достать потолок несложно) кабинет. Напротив входа – широкое окно. Перед окном – письменный стол и стул. Простая настольная лампа. По стенам – стеллажи. На полках стоят и лежат книги на разных языках. Толстые журналы. Несколько фотографий.

– Это рабочий кабинет Виктора Петровича, – поясняет наш экскурсовод. – Сюда приходят письма, здесь он с ними работает, пишет ответы. В этом кабинете собраны все издания произведений Виктора Петровича, книги, журналы, в которых он печатался. Здесь хранятся письма, которые он получает.

– А приобрести что-нибудь можно? – задаю вопрос.

– Да, пожалуйста. Жаль, только, нет сейчас десятитомника, который вышел недавно. Кончился, но вы его можете купить в городе.

Справа у входа стоит лоток, на котором разложены книги. Знакомимся с ассортиментом: «Царь-рыба», фотоальбом «Виктор АСТАФЬЕВ. Во глубине России», двухтомник «Проза войны». Набираем книг себе и друзьям.

– Напишите, пожалуйста, что-нибудь в книге наших гостей, – просит наша провожающая.

Наталья протягивает мне ручку:

– Сергеич, пиши.

Голова моя переполнена впечатлениями и ничего путного в нее не лезет. Поэтому пишем просто слова благодарности Большому Писателю и Человеку за книги, за правду, за этот Дворец знаний.

– А вот и Виктор Петрович пришел, – говорит наш экскурсовод. С первого этажа доносится громкий, уверенный, слегка с одышкой, голос.

Миша шепчет мне:

– Отдай фотоаппарат моей жене. Петрович не любит, когда много снимают. Три-четыре кадра и все, а Наталью знает, может и внимания не обратить.

В сопровождении двух или трех человек грузно поднимается пожилой человек, чей прищур глаз давно знаком нам по фотографиям в журналах и газетах. Мы робко здороваемся. Наши личности

Рабочий кабинет Астафьева Виктора Петровича

Разговор. Слева направо: Плотников Володя, Наташа Попова, Евдокимов Сергей, Астафьев Виктор Петрович.

ему ни о чем не говорят, а вот Миша и Наталья приветствуются, как старые хорошие знакомые.

– Здравствуй, Миша, здравствуй. Что здесь?

– Да вот, пермяков Вам в гости привез, – беглый цепкий взгляд в нашу сторону.

– Хорошо. Подождите, я сейчас почту посмотрю, потом поговорим.

Он проходит в кабинет и выслушивает рапорты своей команды. Видно, что его здесь обожают и любят. Мы стоим у двери и молча наблюдаем. Внезапно вопрос прямо мне. Отвечаю, кажется, даже впопад. Через минуту мы уже вовлечены в разговор, спрашиваем и отвечаем. Наташа вспоминает свои школьные годы... Внезапно резкое:

– «Поднятая целина»? Что, ее еще изучают в школе? Вреднейшая книга.

Я протягиваю мишин подарок и прошу оставить автограф. Здесь же, на лотке, шариковой ручкой выводится: «Пермякам-уральцам на память от сибиряка». Внезапно, будто решив про себя какую-то задачу, Виктор Петрович приглашает нас:

– Пойдемте, посидим, поговорим, – и ведет нас обратно в каминный зал.

Рассаживаемся, достаем книги об Урале. Астафьев с интересом рассматривает их, спрашивает, рассказывает сам. Минут через пятнадцать он встает:

– А что это мы здесь сидим? Пошли ко мне домой.

Выходя из библиотеки, сталкиваемся с группкой школьников, робко жмущихся к перилам крыльца. Я иду последим и слышу восторженный шепот учительницы: «Дети, дети, это же Астафьев, живой классик! Вам так необычайно повезло!»

«Какой-то мираж, – думаю я. – Закрой глаза, потряси головой, и все пройдет».

Трясу.

Не проходит.

На улице Овсянки

У ворот дома Астафьева. Хозяин открывает калитку.

На "комлечке"

Прихожая (веранда)

Вот улица, яркий солнечный день. Рубленые избы. Бетонное полотно дороги. За огородами – Енисей.

Противоположный берег. Столбы. Где-то там пещера Караульная... Мы идем в гости к классику... – Здесь недалеко, – приглашает он нас, как будто эти двести метров нам в тягость.

Нарядные палисадники обрамляют кюветы по обе стороны дороги. Крепкие избы, заборы. За ними идет обычная деревенская жизнь. Кто-то ладит ограду. В другом дворе – собирают сруб.

Сворачиваем в проулок. Из-за забора высится настоящий лес. Елка, пихта, лиственница, сосна. Между ними что-то цветущее. Виктор Петрович говорит, охватывая все это пространство рукой:

– Мой огород. Тетка все ворчит, что сажу: «Деревьев нет в тайге, что ли?» А я не могу. И в Быковке [Село на правом берегу Чусовой. Здесь в период работы в Перми был у Виктора Петровича дом, сгоревший этой весной] садил лес. И здесь.

– Кедр уже шишку дал, – продолжает он, открывая калитку и пропуская нас на подворье. Обычный сибирский двор. У тещи в Хабайдаке такой же. Доска к доске, застланное пространство, ограниченное сарайкой, избой, рукотворным лесом.

Меж густых до самого низу ветвей – дощатая тропинка, в конце которой желтеет свежим тесом известное сооружение в виде высокой двускатной палатки. От крыши до «леса» наклонный желоб для отвода воды.

– Президент приезжал, ко мне охраны набилось, ну, я им и показывал, мол, отсюда можно стрелять, отсюда и оттуда. Не рискнули... В библиотеке встречались.

И не понять, то ли ирония звучит в голосе, то ли легкое недоумение.

Дом практически без фундамента. Узко застекленная веранда. Стена, отделанная вагонкой. Над дверью – круглый плафон освещения. У двери простая зеленая садовая лавка из рейки, как в городском саду.

Снимаем обувь – ноги приятно холодят гладко струганные доски. Пространство за дверью, прихожая – веранда. Прямо – дверь в избу. Слева от двери – большая картина в тонкой рамке, нечто копьё-листное в горшках (листья, как наконечники тяжелых сарматских копий).

Через маленькую кухоньку с небольшой русской печкой проходим мы в гостиную.

Три окна. Деревенские половики на полу, где привольно раскинулась шкура медведя, хищно оскалившего пасть. В дальнем углу – телевизоры верхом друг на друге. Внизу – что-то еще советское, на четырех ножках подставляет спину цветному то ли японцу, то ли корейцу, а еще выше поблескивают кнопки не нашего видеоманитона.

Справа в углу – отечественная радиолка. Между телевизорами и радиолой – причудливый диванчик на двоих со спинкой из маральих рогов, здесь же – небольшой натюрморт, горный пейзаж и что-то еще. Между дверью и радиолой – диван-кровать. Раньше их называли, кажется, «рекаме». Второй диван – напротив, в простенке между окон.

Слева простой нефасонистый стеллаж во всю стену, плотно заставленный книгами. Впрочем, книги, газеты, журналы здесь везде, где есть горизонтальная плоскость: на диванах, двух журнальных столиках и под ними. Стены увешаны пейзажами, на диване подушка с китайкой.

Хозяин садится на диван и приглашает рассаживаться. Каждый ищет себе место – я устраиваюсь на медвежьей голове, Володя – на диване, а наша Наташа просто на полу.

Виктор Петрович спрашивает про Пермь, Чусовой, Быковку, где, уже работая в Перми, он с женой купили дом:

– Сгорел дом наш, нынче весной. Ничего спасти не удалось, – сетует Виктор Петрович.

– Да вон он, – и указывает рукой на противоположную стену, где на двух пейзажах изображены деревенские избы, – с кошкой. Вторая – это уже в Вологде.

У Натальи оказываются какие-то общие знакомые в Перми, она рассказывает о них, а я остро сожалею, что не нашел хоть какого-нибудь диктофона. Нет, разговор идет самый обычный, будто давно не видевшиеся люди обмениваются новостями равно интересными всем.

– Ну что, идем, подпишу вам книги, – решает хозяин, и мы идем за ним в его кабинет.

Крошечная комнатка. У окна – письменный стол между столом и стенкой, украшенной лоскутным пристенником, плотно вставлена лежанка с неубранной постелью. В углу ружье – потерянная двустволка. Стул и простая полка с книгами довершают скупое убранство рабочего кабинета писателя. Втроем нам уже и не развернуться.

– Местные бабоньки подарили, – кивает головой на коврик. – Работы нет, так они артель собрали, шьют коврики из лоскута. Японцы в гости ко мне приезжали, чуть со стены не унесли. Связал их с артелью – так они по четыреста долларов за штуку заплатили.

– Виктор Петрович, – задает вопрос Наталья, – вы компьютером не пользуетесь?

– Нет, – улыбается патриарх, – я по старинке, ручкой и чернильницей.

На столе обычная бутылочка с черными чернилами, куда макается авторучка с открытым пером.

– У академика, – называет фамилию, – спер. Уж больно мягко пишет, – лукаво усмехаясь, смотрит на произведенное впечатление. – Потом сказал ему. Так он смеется: «Бери еще, – говорит, – у меня их много».

– Миша! – окликает он. – Чего стоишь? Накрывай на стол. Там все есть. Рюмки на полке, хариус в морозилке. Капуста в банке. Давай, работай.

– Так, надо библиотеке подписать, – выуживает из лежащего на полу вороха книг два экземпляра библиографического указателя.

– Одну – детской библиотеке, с поклоном из Сибири, жаль, нет ничего детского, ай нет, – достает и подписывает «Зорькину песню».

– Это во взрослую... Ну, давай, Наташа, и тебе... Тебя звать как? Запомню, – обращаясь ко мне.

Называюсь еще раз, и перо выводит: «Сергею Евдокимову – пермяку от сибиряка на добрую память. 14 июня 1999 г. Село Овсянка».

– Миша! Там все готово? Идем, посидим за столом, – приглашает нас на кухню. Легонький, из красного пластика стол на кухне накрыт по-мужицки просто. Нарезанный крупно хариус, капуста, хлеб, рюмки и все, что к этому полагается.

Достаю чекушку самогона, шмат копченого сала и говорю, извиняясь:

– Мы тут не с пустыми руками, от уральцев примите от чистого сердца.

– Спасибо. Только я, ребята, со своим диабетом сала не ем, да уже и не пью. Ничего, ничего, угощайтесь... Миша, плесни и мне чуть-чуть. Немного можно.

Миша ждать себя не заставляет, да и сам, находясь под недреманым оком жены, ухитряется-таки виртуозно опрокинуть пару стопок без перерыва, прикрываясь здоровенной кружкой чая, и предусмотрительно подсовывая опорожненные рюмки то мне, то Володе.

Разговор за столом про рыбалку в Перми и Сибири. Охоту. Про ГЭС, погубившие огромные пространства. Хозяин – человек занятой, да и нам пора честь знать. Мы начинаем собираться. Убираем

со стола, несмотря на протесты хозяина. Наша Наталья моет посуду, вытирает стол. Наотрез отказываясь от помощи. «Ты что, Сергеич, да потом можно будет внукам рассказывать, как на кухне у Астафьева посуду мыла», – смеется она. И в комнату Астафьеву: «На Урале нас, Виктор Петрович, держат в строгости».

Прощаемся с домом и в сопровождении Виктора Петровича идем обратно к библиотеке, где лежит не разобранный из-за нашего прихода почта и стоит наша машина.

Провожаем Астафьева до дверей библиотеки и прощаемся с ПИСАТЕЛЕМ.

Обратно в Красноярск возвращаемся молча, переполненные впечатлениями.

Огромное Вам спасибо, наши красноярские друзья: Володя Плотников, Миша и Наталья. Вы сделали возможной эту встречу.

Текст – г. Пермь. 17 июня 1999 г.

Тогда, приехав домой, я в один присест записал все, что было – по горячим следам, для памяти...

Прошло больше двух лет.

29 ноября. Четверг. Обычный, в меру суетный день. Только вдруг напомнило о себе ретивое, неприятной жмущей болью вверху груди слева.

В 19 часов дома отогнал дочерей от ящика, именуемого «телевизор», чтобы посмотреть новости. И вдруг, как обухом: в Красноярске умер Виктор Астафьев...

Два года назад мы вместе шли по улице его родной деревни. Сидели за одним столом...

Достал альбом. Два десятка фотографий живо напомнили ясный день 14 июня, берег Енисея, деревню Овсянку. Этим летом удалось отправить часть семьи к нашей красноярской бабушке в поселок Хабайдак. Отправили с ними фотографии о той встрече, несколько фотографий тех мест, где не мог не бывать страстный рыбак, живший и работавший в Чусовом. Добавили несколько книг поприличней из домашней библиотеки для библиотеки Овсянкинской.

Мы не рассчитывали на встречу. Мы знали, что с мая месяца Виктор Петрович тяжело болен и надеялись, что скромная весточка с Урала согреет израненное сердце близкого нам человека.

Весточку передали.

Побродили по поселку и вернулись в Красноярск.

30-го утром отправили телеграмму со словами скорби и соболезнования.

1 декабря 2001 года в земле родной Овсянки похоронили Великого гражданина России.

А я подумал, что, возможно, подробности той неприметной встречи могут быть интересны для других и поэтому решил опубликовать свои тогдашние записки.

Вспоминая ту встречу, осознаешь, что проходила она как бы в три этапа. Вначале достаточно беглый разговор «на ногах», как бы тест на «интересность», после чего пошел уже обстоятельный разговор за столом в каминном зале. Очевидно, мы выдержали и это испытание – и потому мы оказались в гостях у ПИСАТЕЛЯ.

Евдокимов Сергей, г. Пермь 05.12.2001 г.

Чусовой под пером Астафьева:

1951 г. — в газете «Чусовской рабочий» напечатан первый рассказ «Гражданский человек», 1953 г. — вышла первая книга «До будущей весны». Далее в «чусовской» период жизни писателя вышли: «Дядя Кузя, куры, лиса и кот», «Васюткино озеро», роман «Тают снега», «Перевал», «Сибиряк», «Кровь человеческая», «След человека», «Дикий лук», «Стародуб», «Солдат и мать», «Рассказ о любви», «Звездопад».

Некоторые книги вышли дважды, кроме того, часть астафьевских рассказов в этот период печаталась в сборниках для детей Пермского книжного издательства.

Уральский Следопыт, 06.06.2017 г., Маслянка Владимир. — История России. Река Чусовая. Астафьевский Чусовой.

Огонь, вода и медные трубы

Чтобы попасть в Дивью пещеру, в советское время было два варианта.

Во-первых, автотранспортом.

Надо было на автобусе долго ехать на север Пермского края через Березники, Соликамск и Чердынь, аж до паромной переправы через речку Колву. Паром брал только легковушки, поэтому переправлялись на нем на другой берег «пешим порядком». Оттуда на заказанной машине до Ныроба, где пересаживались на катер и по реке вверх по течению мимо грандиозного камня Ветлан километров шесть до поляны у входа в пещеру.

Второй вариант предполагал использование малой авиации. На Бахаревском аэродроме местных авиалиний стояли старенькие ЛИ-2 и двухкрылые АН-2 («Кукурузник» в просторечье), исправно доставлявшие пассажиров в райцентры области.

Мы собираемся ехать в самом конце века XX и, в связи с исчезновением малой авиации, в распоряжении нашем остается безальтернативный первый вариант заброски. Через десять дней – домой, все в обратном порядке.

Гладко было на бумаге... Но все по порядку.

Раннее утро солнечного 8 июля 1999 года.

До городского клуба спелеологов наша семейная часть детского спелеолагеря (я – завуч и комендант лагеря, Тома – инструктор, Ярослава – слушатель), добираемся без приключений на трамвае.

В клубе сонная Лысьва (городок такой в нашем крае, если кто не знает) и пара живых пермяков во главе с Сюрой (вообще-то звать его Саша Рожков). Время – около семи.

Потом приходит львовский автобус, потом приходит Попова Наталья (начальник и организатор этого безобразия), и мы начинаем грузиться. Потом долго мы стоим, а Попова по городу мотается на Пухе (Саша Пухов, вы правильно поняли, на пуховской машине, а не верхом на Сашке) в поисках некупленной тушенки.

Чусовской мост

С трудом, но трогаемся, – девять утра.

Автобус петляет по улочкам города, вытянувшимся вдоль Камы и горнозаводской ветки ж/д, с видимой натугой, как больной человек, который тащит обычный для здорового груз, обливаясь потом, задыхаясь и кашляя.

Гоню мысль, что все время зудит надоедливый гнусом: «Что-то давно мы без поломок на автобусах разъезжаем. По закону распределения подлости как бы чего не случилось».

* * *

Ну вот, накаркал.

Едва перебравшись через Чусовской мост, трудно вскарабкавшись по пологому склону на ровное место, мотор кашлянув, для порядку, раз двадцать – заглох окончательно. Водила прижимает автобус к обочине, и не торопясь, лезет ему в «кишки».

Не торопясь, и я бреду к лесочку, что в полусотне метров от дороги, по своим делам. Не торопясь, возвращаюсь к машине. Не торопясь, предлагаю водиле свою помощь. Не торопясь, возвращаюсь к двери, где кучкуются женщины, сразу же приступившие к выяснению у меня вопроса о том, а стоит ли загораться с целью принятия загара. Я полагаю, что не стоит, так как обещано через четверть часа продолжить движение в северном направлении. Трогаемся минут через тридцать пять. «Пришлось переставлять бобину, так как провода были в натяг и от тряски выпадали из трамблера», – объясняет водила.

Следующие десять минут движемся не очень уверенно, но ровно: мотор с трудом вытягивает даже некрутые подъемы. Проезжаем Полазну и уже на выезде из города, едва оставив справа церковь, на подъеме глохнем второй раз. Поскольку последние полчаса тревожное чувство во мне только усиливается, то успеваю выскочить из салона, найти два подходящих камня и засунуть их под колеса, пока водила жмет на тормоза (ручник, ясно дело, машину на склоне не держит).

С третьей или четвертой попытки мотор схватывает и нехотя тащит нашу развалюху дальше в гору. В кабину заскакиваю на ходу.

Некоторое время (отъехали километров на десять) движемся довольно спокойно. Потом на задворках нашей колымаги возникает суета, и чей-то голос требует остановиться – сильно пахнет паленым. Машина сворачивает к обочине и довольно резко тормозит. Мимо меня, под крышей салона автобуса, прокатывается нечто серое, мохнатое. Ударившись в лобовое стекло, «это» превращается в банальнейший клуб дыма.

«Горим!» – кричат одновременно несколько голосов.

Оглядываюсь.

В салоне огня нет. Тянутся из-за груды рюкзаков, что сложены на задних сиденьях, тоненькие струйки дыма, кучкуясь под потолком в солидный уже клуб. Протискиваюсь на выход, выглядываю из двери.

Ага! Действительно, горим. Корма автобуса окутана сизыми клубами. Из воздухозаборника моторного отсека веселыми чертенятами, нечаянно вырвавшимися на волю, скачут завораживающе-оранжевые языки огня.

Дюжина шагов бегом вдоль борта к моторному отсеку.

Водитель уже здесь, открывает люк...

С ликующим ревом из отсека на волю вырывается пламя. А как же, свежего кислорода на растопку подкинули. Успеваю разглядеть, что эпицентр «огневого веселья» внизу у правого борта. Падает крышка люка. Занавес опускается... Дюжина шагов к кабине. Где-то у входа закреплен огнетушитель. Выдергиваю красный баллон из гнезда. Глухо рвется удерживающая его проволока. Дюжина шагов обратно. На ходу отлепляю куски черной изоляции, прижимающей ручку. Рву... Обломки ее вываливаются наземь. Изоляция, оказывается, скрепляла их в единое целое, придавая

вполне исправный вид. Ошметками пластмассы, оставшимися в руках, еще пытаюсь подцепить скобу, что в глубине крышки, а ноги отсчитывают очередную дюжину шагов к кабине, где в проходе, помнится, стоит дюралева десятилитровая канистра с питьевой водой. На ходу откручиваю пробку, сую ее кому-то в руки.

Народ начинает понемногу («не создавая паники») освобождать салон.

Все, я на исходной позиции. Водила уже в верхонках. Командую: «Давай!» Люк открывается, и я плещу из горловины в середину багрового цветка навстречу взметнувшимся хищным его лепесткам. Раз... Другой... Третий... «На тебе! Охолонь малость». Руки больше не терпят жара, и, повинаясь моей команде, крышка занимает исходное положение. Будто в отместку, на скругленной поверхности воздухозаборника быстро расплзается коричневое пятно, мгновенно чернеет и взрывается порослью оранжевых лепестков. Горит краска. Полное ощущение, что огонь пророс сквозь металл. Пару порций воды на пятно: «Ага! Не нравится! Шипишь. Ну что ж, продолжим водные процедуры».

Крышка вверх, и, пока жар терпят руки, плещу и плещу в нутро, а в качестве променада – на борт. Внутрь... На борт... Еще раз... И еще. Огонь распадается на несколько частей, и воевать с ним становится значительно проще... Ну, вот вроде и все. Клубы пара. Шипение, тонкие завиточки дыма.

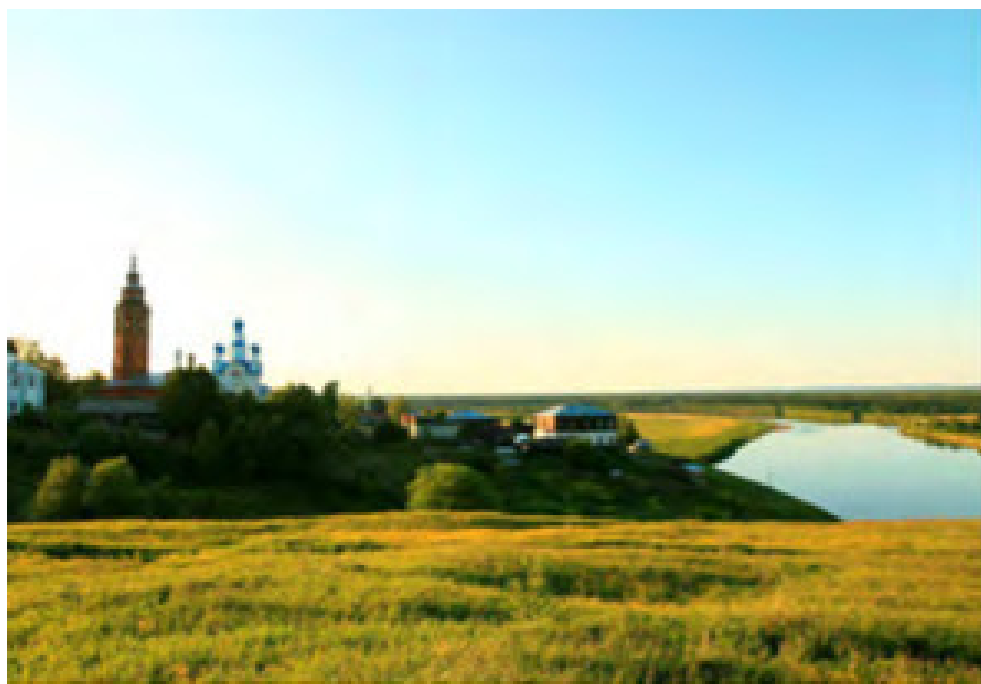
Оглядываюсь. Ого! Оказывается, прибыло подкрепление. Сзади стоят три легковушки, их хозяева с красными баллонами наперевес готовы сменить уставших «бойцов», а через дорогу, от тормознувшего «Запорожца» спешит симпатичный дедуля с баллончиком миниатюрного огнетушителя в протянутой руке: «Ребята, вам не надо?» Устало улыбаюсь: «Спасибо, мужики, вроде справились сами!» С чего вдруг устал? По внутренним часам не прошло и минуты.

Потом еще с полчаса караулим случайные и неслучайные дымки, плеская для острастки остатками воды в подозрительные места.

Теперь можно осмотреться. Стоим в 10 метрах за километровым столбом шоссе Пермь-Березники, 53 километра едва проехали.

Смотрю на часы: стрелки едва за десять перевалили. Разгружаем автобус. Выбираю место для кострища. Отправляю детей за хворостом. Надо как-то дать о себе знать на Автобазу, что так удружила нам.

Наталья предлагает съездить в Добрянку, там у нее знакомые, и оттуда прозвониться в Пермь (эра сотовых телефонов еще не наступила, но уже на подходе).

Чердын

By Andrey Bogdanov

Пока кормим детей, обеду-завтракаем сами.

Проезжающие ГАИшники (спасибо им) отвозят женщин с канистрами к святому источнику за водой (он дальше по дороге километрах в пяти).

К 12 часам появляется главный инженер автобазы, сокрушенно разводит руками и через час обещает другой автобус.

Солнце, не торопясь, совершает свой привычный небесный маршрут. На небе ни облачка, и дамы с удовольствием принимают загар, вызывая легкий ажиотаж в среде ГАИшников. Машина их с завидной регулярностью притормаживает возле нас, и служивые интересуются разными всякостями. Заодно пару раз еще отвозят наших дам за водой.

Солнечная колесница, между тем, перевалила через зенит.

Готовим полноценный обед.

Второго автобуса все нет, и мы начинаем слегка нервничать. Часам к трем вдруг возникает смешной вопрос: «Сергеич! А у тебя водки нет?» Смущенно развожу руками: «Дети же». Оказывается, все поступили абсолютно одинаково, и снять нарастающую тревогу нечем. Попова опять едет в Добрянку: во-первых, необходимо прояснить ситуацию с нашим автобусом, во-вторых, на переправу через Колву мы уже не успеваем, а там, на другом берегу, нас должна ждать машина, чтобы довезти до Ныроба. Ну, и заодно восполнить пробел в продуктовой корзине экспедиции.

Возвращается после четырех. Ситуация такова: посланный к нам резервный автобус... сломался, даже не доехав до Полазны. Начальство в тревоге, но все-таки подыскало еще одну машину, и она вот-вот отправится в путь. Машину из Ныроба отменили, перенеся заказ на завтра. Продуктовая корзина пополнилась. Нет только тушенки.

Пока дети перебирают снаряжение, укладывая то, что ввиду аварийной ситуации успели разворошить, взрослые собираются у километрового столба, и Сюра разливает в кружки грамм по пятьдесят. Наталья просит: «Сергеич, скажи слово». Слово простое: «За успех нашего безнадежного дела!» Дело и впрямь выглядит безнадежным.

Едва его произношу, как рядом тормозит туристский автобус, открывается дверь, и молодой человек спрашивает: «Это вы в пещору едете?»

Спешно сливается все обратно, и начинается погрузка. Все! Поехали! На часах – начало девятого вечера. До Березников чуть поболее сотни километров. Там нужно забрать проводника из тутошних спелеологов, и таки докупить тушенку.

* * *

Из Березников выбираемся 9 июля (на часах – полночь), прикупив-таки в попавшемся по дороге гастрономе недостающую тушенку.

С нами едет пара березниковских «полупроводников». «Полупроводники» они потому, что знают только старую часть, а в новой не были, но это выясняется только за Чердынью.

Водитель крутит баранку, магнитофон «крутит» Митина (Митин – это популярный тогда бард). Мокрое шоссе, послегрозовые сумерки середины июльской белой ночи, неудобное автобусное кресло мало располагают к спокойному отдыху. Однако, день был насыщенный событиями, и тяжело задремываю еще на полпути к Соликамску...

* * *

Резкий толчок врывается в тревожную дремоту.

Лениво приоткрываю глаза:

Темно.

Я внутри чудной колесницы, что с огромной скоростью несется в нелепо искривленном пространстве, угрожающе скрипя и подпрыгивая на его неровностях, призрачные тени за занавесками скачут в бесформенном танце, то проваливаясь в неверную мглу, то выныривая в холодных отблесках уральской белой ночи.

Далеко впереди, правее и много выше, льдисто громоздятся мрачные торосы грозových облаков. Чуть левее, прямо за кресельными силуэтами, на слепящем фоне сигнальных огней командирского пульта – черные силуэты голов, невнятный зуд восторженных голосов, охваченных азартом безумной погони. За чуть теплящимся лобовым стеклом в ужасе мечется корявая лента пути, норовя вырваться из всепоглощающей пасти нашего вместилища, то ныряя в подворачивающиеся скопления абсолютно непроницаемого ослепительно молочного тумана, то взбираясь на пригорки и горушки, то проваливаясь в темноугольные пади.

Тицетно...

Ненасытная утроба поглощает посекундно ее десятками, сотнями метров. Вспокоенно разлетаются по сторонам из-под колес блески катафотов дорожной ограды, тяжело пересекают путь мрачные тени неведомых птиц.

Из очередного туманного сгустка вываливается безмолвная фигура велосипедиста с огромным мешком за спиной, уверенно педалирующего невидимые колеса.

Редкая тайга, проросшая сквозь тьму бесформенных пятен, вплотную подступает к самым занавескам.

– Может, можно потише ехать? – неожиданно звучит робкий голос.

– Да нет! Ты что? Хорошо ведь идем! – азартно отвечает одна из фигур у пульта. Повинуясь магии человеческого голоса, недвижно замирает полотно дороги, вытянулось в струнку, уплотнилось. Дисциплинированно взяли на караул столбики ограждения, прочертив сходящимися в бесконечности рядами серебряных многоточий восходящую дугу траектории нашего пути... Траектория эта плавно приподнималась над вершинами деревьев, над лесом. Выше... Еще... Еще... Дальние столбики вопреки всем законам перспективы вдруг резко шагнули ввысь, кокетливо склонив изящной дугой нам навстречу свои головки. Дорога возносится уже над вершинами елей и где-то впереди явственно обрывается в неизвестность.

– Да это ж стартовая эстакада!... – испуганно скачет в бездну запоздалая и единственная, за все время после пробуждения, мысль...

Выхватенное светом фар, справа синим сполохом мелькает прямоугольное пятно дорожного знака: «р. ВИШЕРА».

Наваждение пропадает. Остается новый Вишерский мост с двумя рядами погасших фонарей, изящной дугой соединивший оба берега зыбкая предутренняя гладь реки с неровными пятнами рыбацких лодок, изрезанные сумрачным предутренным зеркалом застывшей воды, берега. Причудливые космы тумана, вязко заползающего во все ложбины и вмятины прибрежного рельефа.

Редкие огоньки далекой деревушки. Темные безмолвные дома на том берегу. Спертая духота ЛАЗа, знакомые фигуры членов нашей команды.

– Это ж сколько я проспал? – задаюсь я вопросом.

Просыпаюсь окончательно. За мостом деревня Рябинино.

Автобус размеренно наматывает километры шоссе, мимо проплывают в неверном свете ураль-

ской белой ночи куски тайги, изредка прерываемые темными деревьями, в которых нет-нет да проплывет светлый прямоугольник окна. Знать, не спит чья-то мятущаяся душа.

Мелькает табличка «СЕРЕГОВО».

Какие все вкусные названия: Рябинино, Серегово, Чердынь, Покча, Вильгорт. Ощутимо пахнет от них Северным Уралом.

Чердынь. Старинный русский город. Около 500 лет назад данник Великого Новгорода, плативший дань мехами и «закамским серебром» (что это такое, сейчас не знает никто, сведения утрачены). В плане город очень прост.

Чердынь это сеть из улиц, протянувшихся практически на север, на которые выходят фасады домов, и перпендикулярных им улиц, преимущественно из сплошных заборов, ограждающих участки сбоку. Тем не менее, блуждаем минут сорок, в поисках выезда из города.

Пока не отлавливаем одинокого «языка» и не уточняем направление движения.

Камгорт. Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы

Бу Алексей Змеев

Уже на самом выезде, откуда-то сбоку шальной ветерок приносит мелкий дождь, который сопровождает весь наш оставшийся путь.

Вильгорт. Здесь на нас обрушивается просто стена воды. Полное ощущение наступившего потопа. Видимость сокращается до полутора десятка метров и водитель буквально «по-черепашьи» («всего» минут за сорок) преодолевает оставшиеся три с половиной километра до конечной точки нашего автобусного маршрута. Камгорт. Наш транспорт дальше не пойдет. В последнем порыве он буквально сползает к переправе, где стоит уже с пяток легковушек, ожидающих утра и начала работы парома. Ливень между тем не унимается. Противоположного берега не видно. И мы сидим обреченно в автобусном нутре в тягостном ожидании перемены к лучшему.

Время 6.00. Робкая попытка сбегать по естественной надобности оборачивается насквозь мокрыми «испытателями».

Задремываю. Просыпаюсь от внезапно наступившей тишины. Ливень прекратился. Стрелки часов показывают 8.13. Откуда-то налетевший ветерок деловито и энергично сгоняет грозовые облака куда-то к окоему. Солнце радостно заливает светом все окрест, и мы освобождаем приютившее нас нутро от своего присутствия и наших вещей.

Переправа начинает работу в девять утра. Так что народ разбредается по своим надобностям. Наводим справки.

Деньги берут только за транспорт, пешеходы переправляются так.

Переправляемся с первым паромом. Вещи поднимаем на высокий берег. Внизу, у воды, разводим костер и готовим завтрак. Машина заказана на десять утра, и у нас есть время. Завтракаем. Моем посуду. Ждем.

Проходит 11-й час, стрелки подкрадываются к двенадцати – и Сюра не выдерживает: «Сергеич, боюсь, бутылка перевернется. А пробка там – просто палка. Прольется...» и без дальнейших лишних слов разливает по инструкторским кружкам содержимое. Не успеваю донести кружку до усов, рядом тормозит огромный МАЗ. Из кузова сыплется народ, а из кабины выходит здоровенный мужик с бородой и благожелательно улыбаясь, говорит: «В Пещору деток повели? Это хорошо. Возвращаться будете, заходите в церковь, побеседуем». Потом выясняется, что это – батюшка из Ныробской церкви.

Попова говорит многозначительно: «Раньше надо было наливать, машина бы раньше приехала». Допиваем-таки. Грузимся.

Медаль памяти А.Морозова «За успехи в спелеологии»

В 2010 году Сергею Сергеевичу Евдокимову за выдающийся личный вклад в изучение пещер была присуждена медаль памяти А.Морозова «За успехи в спелеологии».

О присуждении медали было объявлено на заседании Комиссии спелеологии и карстоведения МЦ РГО 22 апреля 2010 г. Вручение состоялось в г. Пермь. Медаль вручил Николай Марченко.

Алексей Шелепин (заседание Комиссии спелеологии и карстоведения МЦ РГО, 22.04.2010):

В этом году за выдающиеся заслуги в «личной» номинации было принято решение вручить медаль имени Морозова Сергею Сергеевичу Евдокимову. Он начинал заниматься спелеологией еще в 1962 году. Он один из организаторов АСУ – Ассоциации Спелеологов Урала, ну, а кроме того, вспомним, что Снежная долго была рекордом Союза, а одним из руководителей и участников первопрохождений тех самых двух пещер, которые в разное время отодвигали Снежную на 2 место (то есть

в определенном смысле «Антиснежных»), был как раз Сергей Сергеевич Евдокимов. Это пещеры КиЛСи и Пантюхинская.

Сергей Сергеевич Евдокимов также организовал издание спелеологического журнала АСУ и лично выпустил несколько номеров, написал очень интересные мемуары про КиЛСи – «По каменным ступеням Кырк-тау», которые лежат на сайте нашей комиссии. Там же можно найти и его воспоминания про пещеру им. Пантюхина. Медаль ему будет вручена Николаем Марченко, который для этого поедет в Пермь.

(использован текст с сайта www.rgo-speleo.ru)

Сергеичу (к 70-летию)

Век длиннее – дни короче,
их бессонница не может
растянуть до новой ночи.
Важно дни наполнить делом
и сейчас уже не важно,
что там завтра будет с телом.
Только Бог поведать может,
как скрестились путь и дело,
нет которого дороже.
Век ломал и так, и этак,
все выбрасывал на берег,
не поддавался блуду денег.
Был по молодости жестким,
цель важней соплей, эмоций,
на житейских перекрестках.
Но не «гнобил» за монету
Жил душой навстречу к людям
И всегда готов к ответу.
Дал Господь творить дорогу,
Так твори, пока есть силы,
Даже, если понемногу.
Память вспыхнет, отзовется
свистом брошенной рапели
и звездой на дне колодца.
ВАДИМ ЧУХЛАНЦЕВ, г. Березники

Небо Евдокимова

Медные рудники в Татарстане, подземные выработки мела под Воронежем, палеолитические ри-

сунки в Игнатьевской пещере Южного Урала, как самая древняя карта в России, материалы по изучению жесткокрылых насекомых памятника природы «Ледяная гора и Кунгурская Ледяная пещера», история исследований пещер со льдом – от времен Леонардо да Винчи.

Все это можно найти в последнем 35-м выпуске научного сборника «Пещеры», выпущенного Естественно-научным институтом Пермского государственного национального исследовательского университета. Сборник выходит с 1947 года и является первым периодическим изданием по спелеологии в России.

Знакомство с материалами сборника вызвало сильный интерес и привело меня к человеку, который знаком с пещерным миром уже сорок лет. На стенах в квартире Сергея Сергеевича Евдокимова множество фотографий в рамках: входы в пещеры, сталактиты, сталагмиты, невероятной длины скальные гребни, вершины гор. Кавказ, Средняя Азия, Крым. А началось все в детстве.

Сергей Евдокимов родился в семье офицера, вернувшегося с войны и поставленного охранять советско-венгерскую границу. С одной стороны – Придунайская низменность, с другой – Карпаты. Однажды в руки попала чудесная книга – «Сердца трех» Джека Лондона. А потом были Майн Рид и Фенимор Купер. Начал листать фолианты о географических открытиях. Рядом была небольшая гора Кухля, изрезанная древними штольнями золотодобытчиков. Ребята ходили туда с факелами, и штольни казались им пещерами. Он увлекся туризмом и решил на всю жизнь: буду путешественником!

Подолия – место в Западной Украине, куда он постоянно возвращался из Перми, потому что именно там находится множество интересных пещер, в том числе «Оптимистическая» длиной 350 километров. Поражал сам лабиринт пещеры.

Представьте себе тетрадь в клеточку – это и есть план пещеры. Два метра сюда, три метра - туда, сплошные ходы и развилки, в которых ничего не стоит заблудиться. Мы ходили с проводниками. Ходы высокие, но случалось передвигаться ползком, за миллионы лет пещера оказалась забита глиной, поэтому она стала известной достаточно поздно, ведь ходы приходилось прокапывать. Именно эта пещера произвела на меня наибольшее эстетическое впечатление – от множества кристаллов гипса, которыми усеяны стены пещеры. Есть монокристаллы гипса: подойдешь, а там красноватый блок, посветишь с другой стороны – он прозрачный. Поэтому, когда идешь по ходам пещеры, кристаллы блестят, мерцают в темноте – и возникает такое ощущение, будто идешь по звездному небу. А небо это – под землей.

Сергей Сергеевич участвовал в первопрохождении километровой «Киевской» пещеры в 1976 году. В Фанских горах, что в Средней Азии, у Самарканда. Первоначальное название пещеры – КиЛСи (Киевская лаборатория спелеологических исследований). В темноте, в потоках воды они спускались под землю на такую глубину, которую в СССР еще никто не покорял. Команду возглавлял Геннадий Серафимович Пантюхин из Крыма, приехавший со своими ребятами, были там спелеологи из Львова, Перми, Красноярска, со всей страны. Всего около пятидесяти человек.

Читаю воспоминания руководителя экспедиции: «Вот и озеро, это – конец. Оно лежало в огромном зале, своды которого терялись во мраке. В лучах фонарей его поверхность отсвечивает изумрудом. Нет, это не его естественный цвет. Такую окраску кристально-чистой воде придает сильнейший органический краситель – флюоресцеин. По появлению краски в источниках можно будет судить о пути, который проделает под землей вода. Евдокимов отбирает образцы известняка. «Со дна КиЛСи», – многозначительно говорит он, улыбаясь».

Смотрю на фотографию команды спелеологов, сделанную сразу после подъема из пещеры. Обвязки, каски, а самое главное – чумазы и радостные лица.

– Меня больше интересовала вертикальная спелеология, – продолжает Сергей Сергеевич, – мужику надо что-то преодолевать. Конечно, для этого более других подходят пещеры с колодцами, идущими в глубину. Подольские пещеры – те горизонтальные. Есть много подходящих пещер в Крыму. Есть колодцы по восемьдесят метров, сто. А пещера «Бездонный колодец» – глубина 160 метров. Красивые пещеры, с натечными образованиями – сталактитами. Мои товарищи во главе с Сашей Козловым открыли там новую пещеру в мраморовидных известняках. Из крымских самая глубокая – Солдатская, более пятисот метров в глубину. Она спортивная – это значит, что нужны хорошая физическая подготовка, владение техникой спуска и подъема.

В советское время спелеологи были предоставлены сами себе. Они собирались вместе, например, для того чтобы восемь лет самостоятельно исследовать часть Бзыбского хребта над Сухуми. Открыли там несколько пещер. По сорок человек приезжали только из Перми. Карт нет – Советский Союз! Все секретно... Одновременно занимались топографической съемкой местности, привязкой пещеры, поиском новых входов. Стали подбираться к полутора километрам глубины. Дальше начались сифоны, пришлось заниматься подводным плаванием.

– Когда еще только приехал в Пермь, меня поразило здесь количество рек, которые в межень исчезают под землей, дальше идет суходол, и появляются на поверхности через несколько километров. Начал осваивать с ребятами акваланг. Лучший результат был – погружение на глубину 56 метров в Голубом озере. У меня больше пятидесяти воклюзов – мест погружений. В основном это притоки Чусовой. И в самой реке множество подземных выходов воды. Сейчас наши ребята пытаются пройти в один из таких выходов.

В Пермском крае пещеры двух типов – гипсовые и карбонатные. Кунгурская – гипсовая, как и Ординская, получившая известность недавно, после того, как ее стали исследовать дайверы, она оказалось длинной, сегодня известно пять километров. Она является самой протяженной подводной гипсовой пещерой на Земле! Недаром эти две пещеры и уникальный карстовый ландшафт данного района предлагается включить в список Всемирного природного наследия ЮНЕСКО.

А самая большая пещера – Дивья в Чердынском районе, горизонтальная, длиной 11 километров, Кизеловская-Вишерская – 7 км, остальные меньше. Конечно, если брать украшение таких пещер – натечные образования (сталактиты, сталагмиты), то мы выглядим скромнее того же Крыма. Но людей привлекает необычность среды – из привычного тебе мира ты попадаешь в другой, будто в параллельный мир. Появляется драйв. Но любители слабо представляют себе, где находятся.

– В 1983 году мы проводили в Губахе Всероссийский съезд спелеологов, тогда там была открыта новая пещера, которую в честь мероприятия назвали «Российской», – продолжает рассказ Сергей Сергеевич, – года два назад там погибли двое неопытных ребят, на осыпи, в обвалоопасном месте. Проводились спасательные работы. Пещера – необычная среда для неподготовленного человека. Он может заблудиться или остаться в непроглядной темноте. В одном уральском городке два пацана пошли в пещеру с собакой. Многие уверены, что собаки в темноте видят, на самом деле это не так – должен быть хоть небольшой свет, чтоб они видели. Свет у пацанов погас. Их нашли недели через две, в обнимку с собакой, на дне каменной чаши... Поэтому ходить в пещеры надо только с подготовленными людьми, спелеологами, лучше всего – после занятий в секции.

Еще отрывок из воспоминаний спелеолога Пантюхина: «Последним из дыры вылезает Сережа

Евдокимов. Тихое «ура» разносится над долиной. Вся шестерка в сборе. Страшно грязные и мокрые ребята крепко обнимаются, целуются. Глаза радостно горят. Поистине, что-то святое в этом моменте. Все смотрят на звездное небо. Над КиЛСИ горит созвездие Лиры. Наверное, природа специально создала такие пропасти, чтобы больше любить жизнь земную».

Узунов Г., газета «Местное время», 2013-03-13

Воспоминания друзей

Мария Стальбовская (Балакина)

Самое ценное в жизни — добрая память о надежных спутниках, прошедших с тобой какую-то часть пути.

С Сережей Евдокимовым мы подружились еще школьниками, в 1963 году в Ужгороде. Тогда в секции «Вперед и выше!» (ВИВ) «клубились» люди, которые серьезно ходили в пешие и лыжные походы, увлеченно занимались альпинизмом, спелео- и велотуризмом. Сергей до конца жизни сохранил верность духу той замечательной вивской компании, с ее оптимизмом и тягой к общению, к активному преодолению трудностей. Позднее эти же основы жизни он возродил и на Урале, куда попал в 70-х после армии, организовав спелеосекцию ВИВ. Недаром этот человек когда-то сказал: «Я основ и клубов не меняю!...»

Василий Самсонов

С глубоким сожалением сообщаем, что вчера ушел из жизни Сергей Сергеевич Евдокимов. Сергей Сергеевич начал заниматься спелеологией в 1962 году. Он стоял у истоков нашего движения в Перми, на Урале и во всем Советском Союзе. Старший инструктор, судья республиканской категории, инструктор подводного спорта, основатель Ассоциации Спелеологов Урала и инициатор Матчей городов Урала, Президент и Вице-президент АСУ.

Он руководил первопрохождением пещер Киевская и Пантюхинская. Долгое время был бессменным редактором журнала АСУ, систематизировал и анализировал информацию по безопасной работе в пещерах, по происшествиям, организовывал работу комиссии по безопасности АСУ и многое другое.

В последнее время в связи с болезнью, к сожалению, Сергей Сергеевич не мог очно принимать участие в спелеомероприятиях.

Человек большой душевной теплоты и нескончаемого оптимизма, он всегда живо и с большим интересом узнавал про все наши события, работу в пещерах, соревнованиях. Только его строгий голос, просьбы и постоянные звонки могли заставить меня, да и многих моих друзей, сесть и написать отчет, статью для журнала.

Для меня он всегда останется в памяти как старший товарищ и друг, большая потеря для нас.

Михаил Полозов

Евдокимов Сергей Сергеевич – это целая эпоха в Спелеологии. Это и создание ассоциации спелеологов Урала, и редакторская работа журнала АСУ, и рекордный штурм КИЛСИ.

Наконец, Серега – это Пермская спелеология, знаменитые спелеоконференции, на которые съезжались со всего Союза.

Александр Осинцев

Это не только потеря для Урала, это потеря для всех нас, спелеологов России. Покойся с миром, Сергей Сергеевич. Прости нас.

Андрей Филиппов

Хоть и говорят иногда, что незаменимых людей нет, но я уверен, что это не так.

Уход Сергея Евдокимова оставил зияющую брешь в рядах не только уральских спелеологов, но и спелеологов всей России.

Кому еще удастся повторить его подвижнический труд – 15 лет держал он на своих плечах единственный в России регулярный спелеологический журнал – «Журнал Ассоциации спелеологов Урала»? Ведь все остальные спелеожурналы России были бабочки-однодневки, запала энтузиастов хватало максимум на несколько выпусков...

Светлая память Сергею Сергеевичу!

Пластинин Александр

Ушел из жизни Сергей Сергеевич Евдокимов. Он стоял у истоков спелеологического движения Советского Союза и Урала, исследовал глубочайшие пещеры Кавказа и Средней Азии. Он был одним из инициаторов проведения Матчей городов Урала и создания Ассоциации спелеологов Урала.

Последние годы, не имея возможности лично участвовать в спелеологических исследованиях, он поддерживал нас, издавая журнал АСУ и собирая архив спелеологических событий.

Сергей Сергеевич, без преувеличения, был одним из отцов-основателей спелеологического движения на Урале и в России.

Сергеич был светлым и энергичным человеком. Рядом с ним всегда было тепло и интересно. Это невосполнимая утрата для родных и друзей. Память о нем надолго останется в наших сердцах.

Логинов Вадим

Совсем еще недавно создавали статью о Вишневром. Так или иначе пришлось перечитать много всего из того, что было у Сергея Сергеевича на сайте.

Закончили статью, перечитал еще раз, вроде нормально получилось. И тут я осознал, сколько всего Сергеич сделал и какой бесценной является его работа. И как нам повезло, что он все это тянул и требовал от нас.

Набрал его номер, поблагодарил, поговорили о будущих делах. И как-то оба порадовались, что снова получилось сделать что-то важное и интересное.

Он всегда праздновал вместе с нами победы и переживал наши неудачи. И когда у нас происходило какое-то событие, я точно знал, что он через недельку позвонит, все расспросит и скажет: «Ну, когда там статья будет?»

А теперь не позвонит...

Невосполнимая утрата, будем помнить и стараться брать пример.

Борис Максимов, КС Подолье г.Тернополь

Наше глубокое соболезнование родным и близким Евдокимова Сергея Сергеевича, Уральским спелеологам. С таких, как Сергей, все начиналось...

Абрамов Иван Павлович

От лица томских и алтайских спелеологов и себя лично приношу соболезнование всем родственникам Сергея и всем спелеологам Урала в связи с уходом корифея спелеологии Сергея Сергеевича Евдокимова. Я помню Сергея по сборам 1971 года, где руководителем был Полуэктов. Я там работал инструктором, и, похоже, Сергей был в моем отделении. Пусть земля будет ему пухом. Светлая память.

Западно-украинский региональный союз горизонтальной спелеологии

Сложно написать что-то хорошее, когда приходят такие неприятные новости. Сергей был веселым человеком. Кажется, еще совсем недавно ранним утром мы ушли в только что открытый новый район пещеры Оптимистическая с одной целью – найти что-то неординарное. Ведь это был необычный день: у Сергея Евдокимова был юбилей. Выход оказался очень удачный.

Несмотря на открытые периметры нового района, почему-то копались тупики на северо-востоке, так было открыто самое большое озеро. Было принято решение назвать его в честь юбиляра – озером Сергея Евдокимова.

После выхода на поверхность толпа ликовала. Я позвонил Сергею, поздравил его с юбилеем. Сергей очень обрадовался такому необычному подарку и сказал: «В мои года быть причастным к такому открытию очень приятно, но я не могу принять такой подарок, это как-то нескромно».

Тогда я передал ему право первооткрывателя назвать озеро самому. Через час он позвонил и сказал, что хотел бы дать ему название – озеро Пермское. В честь всех пермских спелеологов. Так в пещере Оптимистической появилось самое красивое и большое озеро, с названием Пермское.

Ушел неугомонный организатор, осталась масса незаконченных проектов и дел... На Оптимистической траур. Вечная память!!!

Пирожков Семен

Нас покинул замечательный человек, отец и спелеолог Сергей Сергеевич Евдокимов! Мы с ребятами из Пермской спелеошколы познакомились с Сергей Сергеевичем в 2009 году перед поездкой в спелеолагерь на Караб́и-яйле в Крыму. Захватили от него гостинцы для тамошних спелеологов и уехали, пообещав зайти еще раз по приезду.

Так началась мое с ним знакомство, длившееся десять с небольшим лет. За это время мы с ним занимались сайтом viv-asu.ru, немного журналом, изучали окрестности Голубое Озеро и готовили доклад по нему. Также я начал писать первые статьи под его руководством, это было сложно, но, как говорится, тяжело в ученье – легко в бою.

Как то раз обсуждал с ним что будет с журналом, в будущем, Сергеич довольно скептически относился к тому будет ли продолжаться работа над журналом АСУ после его смерти, и мы с ним часто спорили на эту тему, где я доказывал что его дело будет продолжаться. Время прошло, журнал выходит дальше, а теперь вышла и наша с Дашей книга о Сергей Сергеиче.

Сергей Сергеич был целеустремленным и упорным человеком, пунктуальным и всегда доводившим начатые им дела до конца. Нам всем будет его очень не хватать, это огромная потеря для спелеологии!

Грустно, что мы больше не сможем встречаться по вторникам и четвергам, пить чай и обсуждать Пермскую спортивную спелеологию.

Клуб «Циклоп», Остьянов Валентин

Трудно, когда уходят.

Сергей – один из немногих, кто стоял «в строю» до конца, до последних дней. На каком-то этапе мы дистанцируемся, отдаляемся от «строя», прикрывшись жизненными обстоятельствами, слабым здоровьем. Наверняка, у него были тоже эти причины, да и покруче, пожалуй. Но он выстоял вахту спелеологии, отдав ей всего себя.

Сегодня мне позвонили ребята из пещеры и сообщили, что они решили новый район Оптимистической назвать ЕВДОКИМОВСКИМ.

Мы уходим, традиции и память живут.

Пильский А.В., Совет медали памяти Александра Морозова «За успехи в спелеологии»

Не стало лауреата медали Сергеича, Сереги Евдокимова... Человека, жизнь которого последние годы была мучительна, но до последних минут полезна всем нам.

Я был с ним только «хорошо знаком», просто не было у нас возможности сильно сдружиться, так как встречались лично всего два раза. Один раз он проездом был в Москве и заехал ко мне домой, и еще один раз встретились в Перми на вручении Дублянскому медали памяти Морозова.

Сергеич был велик и объемён — я поэтому про себя называл его «атомоходом». Строй его мыслей был подобен курсу огромного корабля, которого никто и ничто не может увести от намеченной цели.

Теперь, когда его не стало, все человеческие качества и поступки Сергеича предстают для нас в другом, новом свете. Ведь, если даже очень бегло осмотреть все, что он смог сделать в спелеологии и для спелеологии, то выяснится, что на своем пути в ней он смог соединить три очень разные ее области:

- первопрохождение пещер, и еще каких пещер;
- сложную, требующую дипломатичности отличного понимания сил, движущих людьми, деятельность по созданию АСУ и организации ее текущей работы;
- организацию информационного контента для всего спелеологического сообщества, то есть написание собственных текстов, а также редактирование и составление сборников из текстов других авторов.

Удивительным образом он смог достичь огромного и неоспоримого успеха по всем направлениям

этой огромной для одного человека работы.

...Хотя ведь жить-то ему было очень тяжело. Он сильно и долго болел. Но! Он постоянно трудился и трудился, стараясь успеть сделать все, что было им задумано, вот только смерть не дала ему такой возможности.

Теперь, когда его нет, я думаю, что он мог не спешить... Уж кто-кто, а он точно мог и имел право отдохнуть перед концом своей жизни. Но! Не такой был человек...

На странице реестра лауреатов медали памяти Александра Морозова «За успехи в спелеологии» можно ознакомиться со спелеологической биографией Сергея Сергеевича Евдокимова.

Евгений Захаров, спелеологи Краснодара и Сочи

Сергей Сергеевич Евдокимов (17.03.1946 – 28.07.2020) принадлежит (рука не поднимается написать «принадлежал») к тому поколению советских спелеологов, время вхождения которых в состав спелеологического движения совпало с официальным признанием технической (спортивной, практической) спелеологии как вида самостоятельного туризма, функционирующего под эгидой Центрального совета по туризму и экскурсиям ВЦСПС, включением его во Всесоюзный квалификационный перечень и созданием Центральной секции спелеотуризма, дебютным массовым мероприятием которой стал Первый всесоюзный слет спелеологов в августе 1962 года на Ай-Петри в Крыму с его 110 участникам. Им руководили «отцы-основатели» В.В.Илюхин (Москва), В.Н.Дублянский (Симферополь), Б.С.Коган (Севастополь), И.П.Ефремов (Красноярск), Ю.Е.Лобанов (Свердловск) и другие корифеи. Ну а товарищами Сергея Евдокимова на пещерных маршрутах, одновременно с ним или с небольшой разницей во времени начавшие заниматься спелеологией, были симферопольцы Д.А.Усиков и Г.С.Пантюхин, красноярцы Ю.И.Ковалев и В.Д.Бобрин, новосибирский спелеолог Н.К.Мороз, москвичи Е.И.Черенков, М.М.Зверев, Е.К.Мухин, В.Я.Алексинский, А.П.Ефремов, ленинградцы В.Я.Демченко и И.В.Козырев, В.Д.Чуйков (Томск), С.М.Баранов (Челябинск), М.П.Савчин (Львов), Л.Н.Суховой (Одесса), краснодарцы П.К.Скобелев, Б.М.Соголовский и М.Н.Комнатный, сочинец А.Ш.Попов и другие исследователи тайн подземного мира.

Это поколение советских спелеологов смогло достичь и сделать очень многое из того, что раньше представлялось просто невозможным и невероятным. За относительно короткие сроки был довольно легко преодолен полукилометровый рубеж глубины в пещере Назаровская (1969 год); дважды преодолевался «первый километр» – сначала в 1976 году в КиЛСИ (Киевской) на плато КыркТау (заявленная в 1082 м глубина затем «ужалась» до 990 метров) и в 1978 году в Снежной (Бзыбский хребет), была достигнута глубина 1508 метров в пещере имени Вячеслава Пантюхина на Бзыбском хребте. Сергей Сергеевич Евдокимов был в числе тех шести спелеологов, которые в августе 1976 года под руководством Г.С.Пантюхина достигли сифонного озера на дне пещеры Киевская. В сентябре 1986 года в экспедиции, руководителем которой был С.С.Евдокимов, был преодолен «непроходимый» сифон и глубина пещеры Пантюхинской возросла с 650 до 1025 метров; ну, а летом следующего года Сергей Сергеевич дошел до дна этой пещеры в составе экспедиции, которой руководил Г.С.Пантюхин.

Однако спелеологическая деятельность С.С.Евдокимова отнюдь не исчерпывалась только первопрохождением глубочайших пещер СССР. Он занимался исследованием пещер на территории

Пермской области, в Крыму, в Подолии, на Кавказе; нырял в сифоны реки Чусовой; участвовал в подготовке кадров спелеотуристов на городском, региональном, всероссийском и всесоюзном уровне, включая руководство Всесоюзным семинаром ВТП (сентябрь 1982) на Бзыбском хребте в качестве завуча; последовательно получил звания младшего инструктора пеше-лыжного туризма, инструктора подводного спорта, старшего инструктора спелеотуризма; организовывал и судил Матчи городов Урала; был главным судьей на Первом Всероссийском (сентябрь 1983 года, Губаха) и Втором Всесоюзном (сентябрь 1984 года, Сухуми) спелеослетах; стал одним из создателей Ассоциации спелеологов Урала, был ее Президентом и являлся вице-президентом; длительное время редактировал «Журнал АСУ» и издавал «Библиотеку «Журнала АСУ», возглавлял общественный КСО-спелео; был многолетним председателем Пермского клуба туристов «Компас» и спелеосекции «ВиВ» («Вперед и вниз»); собирал и обобщал материалы по спелео ЧП в регионе. В 1978 году С.С.Евдокимов был награжден знаком ЦСТиЭ «За развитие туризма и экскурсий»; в 2009 году стал лауреатом медали памяти Александра Морозова в номинации «За личный вклад в изучение пещер».

Несмотря на тяжелую и продолжительную болезнь, и даже вопреки ей, Сергей Сергеевич Евдокимов до последних своих дней занимал активную жизненную позицию и вел интенсивную переписку с десятками спелеологов РФ, ближнего и дальнего зарубежья и продолжал осуществлять издательскую деятельность. Одной из последних публикаций С.С.Евдокимова стал сборник воспоминаний о его друге Г.С.Пантюхине.

Многие из нас были знакомы с С.С.Евдокимовым; некоторые довольно тесно с ним общались и участвовали в общих мероприятиях или реализовывали совместные проекты. Но все мы – независимо от времени или продолжительности знакомства – хорошо знаем, помним и будем помнить этого крупного (и в прямом, и в переносном смысле) спелеолога; рукастого мастерового, прекрасного педагога-воспитателя, «безаварийного» руководителя сложных походов, всегда стремящегося вперед и вниз; спокойного, твердо стоящего на ногах, уверенного в себе и в своих товарищах, надежного и обязательного человека, громкий голос и строгое выражение лица которого не могли скрыть ни его душевной теплоты, ни прекрасно развитого чувства юмора, ни обаятельной улыбки, почти невидимой за затемненными стеклами очков.

Залиев Захар, Красноярск

Я не могу вспомнить, где мы встретились в первый раз. В памяти остались только самые яркие и значительные моменты встреч.

В 1982 году в Дзيناге на Всесоюзном слете туристов команда Красноярска готовилась выйти на трассу по спелеотехнике. Перед нами стартовали москвичи и Киев, их выступление снимали какие-то ТВ новости. Когда мы подошли к старту, корреспонденты пошли вниз от скалы, а вслед им ехидный голос Евдокимова: «Куда вы? Чемпионов снимайте». Он в нас верил – и мы не подвели.

Россия в Губахе. ВТП на Снежной, я был у него в отделении. Классно поработали. Вообще с Серегой было хорошо, комфортно работать, а его трактат о судействе – это шедевр, но только для порядочных. Жаль, конечно, но таких судей на соревнованиях, как Евдокимов, уже, наверное, не будет. На России в Красноярске Вова Плотников свозил Серегу в Овсянку к Виктору Астафьеву. Посидели поговорили, попили.

Это была последняя наша встреча.

Просто Бакировна, или Матушка (так называл Сергеич)

У МУДРЕЦА СПРОСИЛИ: СКОЛЬКО ВИДОВ ДРУЖБЫ СУЩЕСТВУЕТ? ЧЕТЫРЕ, ОТВЕТИЛ ОН. ЕСТЬ ДРУЗЬЯ, КАК ЕДА – КАЖДЫЙ ДЕНЬ ТЫ НУЖДАЕШЬСЯ В НИХ. ЕСТЬ ДРУЗЬЯ, КАК ЛЕКАРСТВО – ИЩЕШЬ ИХ, КОГДА ТЕБЕ ПЛОХО. ЕСТЬ ДРУЗЬЯ – КАК БОЛЕЗНЬ, ОНИ САМИ ИЩУТ ТЕБЯ. НО ЕСТЬ ДРУЗЬЯ, КАК ВОЗДУХ – ИХ НЕ ВИДНО, НО ОНИ ВСЕГДА РЯДОМ.

Сергей Сергеевич был для меня невидимым большим другом. Он был всегда рядом, мы могли не созваниваться, не переписываться в соцсетях, виделись нечасто. Но он был всегда рядом. Он был ненавязчивым и умным другом, мудрым наставником, интересным собеседником. Друг, с которым можно было доверительно делиться чувствами и мыслями. И существование Сергеича в моей жизни давало мне ощущение безопасности. Такое ощущение, что он знал обо всем и всех делах, оберегал.

Как заслужить такого друга, как Сергеич? Скорее, самой стать таким же другом... воздухом для кого-то. Многое, взятое от Сергеича – требовательность, самоорганизованность, ответственное и чуткое отношение к близким, к любому делу, к жизни в целом, умение дружить по-человечески, быть нужным и полезным, не стонать, не ныть – и сегодня помогает мне жить в нашем быстром мире. Живу уверенно, честно и открыто. Спасибо Сергеичу.

Миненков Петр, Красноярск

Впервые с Сергеем я встретился в 1981 году на Всесоюзном слете туристов в Дзинаге – турбазе в Северной Осетии. Наша команда заняла тогда первое место по спелеотехнике. На этом слете были и такие известные в спелеосообществе личности, как Сергей Евдокимов и Геннадий Пантюхин, имевшие звания инструкторов-методистов.

И тут кому-то из нас пришла в голову идея впервые сдать экстерном экзамены на инструктора, что допускалось при наличии в экзаменационной комиссии двух инструкторов-методистов. Прихватив магарыч в виде пяти литров вина, мы робко постучали в дверь домика, в котором обитали Евдокимов и Пантюхин.

Запомнился душевный прием старших товарищей, экзамен вылился в расспросы о нашей экспедиции в Напру, где этим летом была достигнута глубина 950 метров. В итоге – получение инструкторских званий мы тут же обмыли за ужином.

Вторично я встретился с Сергеем в Перми в 1983 году, где проводился семинар спелеоподводников. К этому времени в нескольких спелеоорганизациях Союза культивировалось направление подводных исследований в пещерах. В Перми лидером этого направления был Сергей.

Широкую известность получили его достижения в источнике Голубое озеро на реке Чусовая. Преодолеть достигнутый им рубеж удалось лишь спустя сорок лет. Благодаря инициативе и организационным усилиям Сергея удалось собрать практически всех представителей спелеоподводного направления в Советском Союзе. Во время сплава по Чусовой были разработаны инструкции по проведению спелеоподводных исследований, состоялся обмен опытом по используемому снаряжению.

Последние годы мы общались лишь по телефону. Сергей занимался редактированием журнала «Вестник АСУ», и я ему изредка посылал материалы по нашим исследованиям источника Мчишта.

В памяти он навсегда останется светлым, доброжелательным человеком.

Желудков Сан Саныч

Пишу, а мысли и воспоминания перебивают друг друга!!!

Ушел после длительной болезни старший товарищ, надежный друг юности и замечательный Человек – наш Сергей Сергеевич Евдокимов. Для спелеологов Перми моего поколения (70-х годов) – это невосполнимая утрата, прощание с Юностью. Именно благодаря ему из пещерников-спелеотуристов (так называли тех, кто лазил по пещерам в 60-х и 70-х годах) образовался костяк будущей известной теперь спелеосекции ВиВ – сильнейшей спелеосекции на Урале!

С 1970 г. Сергеевич начал организовывать первые ШПП: сначала Кизеловско-Губахинский район, спелеослеты и Матчи городов Урала, совместные экспедиции. С Генной Скоробогатовым и Сергеевичем начинали снимать фото и кино в пещерах, осваивали технику изготовления и использования спелеоснаряжения. Наши самохваты были на мокрых веревках в пещерах надежней жумаров – недаром чехи в совместной экспедиции 1982 г. на Бзыби отдавали за пару наших самохватов кучу своих лучших альпинистских веревок!

Нам, туристам Перми, очень повезло, что осенью 1970-го года Сергеевич женился на пермячке Надежде и переехал в Пермь! Он на тот момент уже был опытным спелеологом: со своими друзьями львовянами и крымчаками побывал в серьезных экспедициях и был знаком с корифеями спелеологии СССР Илюхиным и Пантюхиным. В Перми Сергеевич начал организовывать спелеосекцию в городском турклубе «Компас». Ему пришлось повоевать с руководством и клуба, и областного совета по туризму, чтобы добиться признания спелеогруппы и выделения места и времени для занятий в турклубе, где тогда всем заправляли и распределяли финансы пешельжники, горники и альпинисты. Но наш Фидель (так мы его звали за глаза, когда он отпустил бороду, как у Фиделя Кастро) пробил упорное сопротивление – и потом тот же областной совет с гордостью отчитывался на конференциях и мероприятиях, что у них появилась сильная секция спелеологии! Я помню эти годы...

Потом мы проводили семейные вечера по праздникам в клубе. И уже и горники, и альпинисты признали нас и участвовали в наших первых слетах на Ермачонке. А когда с нами начали ходить студенты кафедры карстоведения знаменитого Максимовича, то тем более уважения стало предостаточно, хотя трения, конечно, были. Более того, Сергеевич добился, чтобы нам выделили средства на акваланги и бассейн для тренировок прохождения сифонов в Геологах и других пещерах. Наши ребята участвовали в прохождении могучего сифона КиЛСИ, преградившего путь в 1976 г.

Вот такой он был, Евдокимов Сергей Сергеевич – наш замечательный друг, инструктор, старший товарищ – который, несмотря на высокие посты в АСУ и разных мероприятиях, оставался до самой смерти простым, душевным и дружелюбным в общении, с которым можно было поговорить на любую тему. В то же время, он был строгим, требовательным и даже порою жестким в экспедициях и походах! Но там и нельзя иначе – поэтому у нас не было ни одного смертельного случая.

Светлая ему память!!!

Александр Назаров-Поздеев

Для начала расскажу коротенький эпизод из жизни геолога. Итак, начало полевого сезона, забро-

силы вертолетом в тундру 3 итээров, 1 студента и 5 рабочих. Все работяги – отсидевшие по 2-3 срока, а то и больше (главное, чтоб статьи были не тяжелые). Поставили каркасные палатки, отмечаем начало полевого сезона. У нас свой интерес был: чтоб работяги нажрались в хлам, зато весь полевой сезон трезвые бегали. На следующий день началась нормальная работа, а один пьяный шарается.

В обед начальник отряда спрашивает:

– Ты какого ..., нехороший человек, пьянствуешь, когда все работают?

– А ты мне вообще не указ! Хочу – пью, хочу – работаю.

– Я вообще-то вчера всем сказал, всех предупредил.

– А кто ты мне, указывать и предупреждать?

– Вообще-то начальник.

– Ты мне начальник?!

И, тут медленно встает из-за стола Николай Семенович, ростом под 190 и кулаком, как моя голова:

– А кто я тебе?

И пока встает начальник, бывший зэк медленно опускается на колени со словами:

– Неее наачальник... ты же мне ОТЕЦ РОДНОЙ!

В итоге все ржут, и инцидент исчерпан.

Так вот, Сергеич был для меня как отец родной. Соответственно и отношения были дружески-родственные. Помню, как после его развода выбирали ему холостяцкое жилье. И ведь нашли, очень дешево, в центре города – пещера с русской печкой. Для одного лучше не найдешь. Как мебель на трамвае перевозили, как это дело отметили, как новоселье с Новым годом встретили. Да кто ж знал, что в этой халабуде вскоре появится Тамара Ивановна и родит ему пятерых Славок. Не знаю уж, но лет десять, наверно, они промаялись в этой пещере, пока не переехали на Елькина – ширь да гладь – божья благодать, большое место для «собраний».

Сергей Сергеич, а попросту Сергеич, не для меня одного был отцом родным, мог любое дело организовать – от празднования старого нового года до экспедиции в Азию или на Кавказ. Везде можно было ездить, и везде нас принимали как родных – а все заслуга Сергеича: везде у него были друзья, знакомые, сподвижники, потому так зарекомендовал себя как достойного человека. В общем, это был ГЛЫБА – со всех сторон виден хороший человечиче. И детки стали все туристы-оптимисты: все хороши, и в кино снимались, и в горы ходили, и в недра спускались. А Рада – так настоящим спасателем стала. Много народа добрым словом Серегу вспоминают и смеются до слез, и слезу скупую пускают.

Светлая ему память.

Любовь Красовитова (Меньших)

Со временем многое, что, казалось, будет вечным, рассыпается на мелкие осколки, порою больно ранит, раны заживают, остаются шрамы. Как много хорошего можно было сказать людям, с которыми объединяло одно общее дело – поиски, исследование пещер. Нас многих с разными характерами, профессиями собрал один человек – Сергей Сергеевич в клубе «Компас», в секции «ВиВ». Талантливый организатор, требовательный, особенно касаясь техники безопасности в пещерах, пользующийся неоспоримым авторитетом у нас, всегда приходящий на помощь в решении каких-то житейских проблем. Для кого-то наш «клубик» становился, можно сказать домом, пусть и

временным. Всегда хотелось сюда прийти, общаться со своими друзьями, узнать и услышать что-то новое. И, в конце концов, готовиться к новой экспедиции. Иногда возникали случаи, что негде было остановиться на ночлег, и тогда, с разрешения С.С., оставались здесь, правда на стульях, но все же в тепле.

Вспоминаются сегодня, конечно, совсем глупые и смешные моменты той прошлой жизни: сварила я варенье из кураги с грецкими орехами, работала на тот момент вахтой в геологии, банка 3-литровая стояла на нижней полке в зале в шкафу. И вот как-то приезжаю, достаю банку и начинаю уплетать. Вдруг на пороге Сергей Сергеевич. Ну, и, конечно: «...Ага Любка одна, пожирает варенье, никому не дает, да еще большущей ложкой!» Мы за словом в карман не лезем: «Мое варенье, что хочу с ним, то и делаю».

Другой, очень приятный момент: 8 марта, понятно, Международный женский день, уж как я оказалась в клубе, не помню, просто зашла. Тут приехал к С.С. из Крыма кто-то из спелеологов, его старый друг и товарищ, и привез огромный букет мимоз. И, о, С.С. большую половину букета дарит мне. Колоссальное было ощущение праздника! Я до сих пор помню запах этих классных весенних крымских цветов.

Иногда хочется вернуть то время, когда мы были молоды, бесшабашны, смелы, на многие вещи плевали с большой колокольни, и с нами был рядом самый настоящий атаман наш – Сергей Сергеевич.

Елена Меньших

Сергеевича в первый раз я увидела на конкурсе туристической песни, когда мы приехали в Пермь всем составом Кизеловской спелеосекции. Поскольку секция у нас была молодая, и песни мы только-только начали узнавать, самой крутой композицией в нашем арсенале была «Песня про белого спелеолога». Приехали мы в Пермь в шесть часов утра.

С вокзала долго шли до турклуба «Компас» и гор. спелеосекции. В памяти остался момент, как после нашего выступления с вышеназванной песней, кто-то забежал за кулисы и сообщил, что Евдокимов и Петеримов веселятся над нами. Выглянув в зал, я увидела колоритного бородача в середине зала и сидящего рядом сублильного дяденьку, которые весело обсуждали что-то, перемежая диалог веселым хохотом. «Смеются – значит понравилось», – подумалось мне тогда. После я узнала, что бородач – это Евдокимов, а другой – Петеримов.

А в ноябре я перебралась в Пермь и пришла к ВиВам.

Сейчас с улыбкой вспоминается, как эти вивовские корифеи проверяли дамскую часть новичков, пришедших в секцию. А тогда это было обидно. Ибо, когда в твой стакан с чаем погружался чужой палец, это приравнивалось к нарушению личного пространства. Я, кажется, этот тест тоже не прошла, мне предстоял второй этап.

Вообще, я любила по определенным дням приходить в этот подвальчик.

Погружаться в воспитательную атмосферу осенней ШПП, наблюдать или готовиться к лагерю первого года в Ладейном или к очередной летней экспедиции. В то время некогда было анализировать, как исподволь или напористо Сергеич умудрялся распространять свой воспитательский талант. Я только отмечала для себя, как постепенно новички становились матерыми спелеопутешественниками или замечательными скалолазами, или так же, как Сергеич, страстно увлекались тем, что сейчас называется дайвингом.

Оглядываясь, я осознаю всю необходимость сурового отношения Сергеевича к самостоятельным личностям и разного рода отступникам. Дисциплина должна была поддерживаться изначально с момента вливания новых людей в спелеоряды. С этапа «чайной церемонии» и до выезда в серьезную экспедицию новички проходили испытания на «профпригодность». И этим со всей ответственностью руководил наш бессменный Сергеич.

Помнится, когда мы поехали на Бзыбский, он поставил меня во главе поисковой группы. Я, в первый раз заполняя журнал выходов, в графе «Возвращение» поставила 22 ч. Увидев это, Сергеич мне безапелляционно заявил: «Чтоб в лагере были в 20!» Даже возразить не дал, только еще настойчивее повторил: «Я сказал, в 20 быть в лагере». Весь выход меня сверлил вопрос: «А почему, собственно?» И только к наступлению этих 20 я поняла, в чем дело.

Оказывается, на Кавказе темнота наступает мгновенно и именно в это время. И когда я представила, что бы мы делали вдаль от лагеря в этой почти осязаемой темноте, где не видно вытянутую руку, то в голове пронеслись благодарные мысли о том, что хорошо, когда на руководстве опытный человек.

Вот Сергеич читает лекцию перед слушателями первого лагеря в Ладейном...

Вот говорит новогодний тост в теплой компании всех, кто пришел отмечать праздник...

Его заразительный смех с мужиками на очередной стоянке по пути на Бзыбский...

«Гусарские» шуточки, отпускаемые в адрес слишком изнеженных особ...

... все это исподволь и незаметно закаляло характеры новеньких ребят, которые каждый год вливались в наши дружные ряды.

С теплотой и улыбкой вспоминаю то замечательное время. Всех ребят, с которыми ходили в пещеры, пели песни под гитару у вечернего костра, ездили в экспедиции. Как весело было и сколько было смеху во всех наших вылазках. И все это под чутким руководством Сергея Сергеевича Евдокимова.

Татьяна Беляева

Сергей Сергеич много лет был редактором журнала АСУ, а также способствовал выходу в свет брошюрок о несчастных случаях в пещерах, сборников воспоминаний об известных спелеологах, монографий. Я в качестве корректора с удовольствием ему помогала. В последние 13 лет (в связи с рождением детей) я отошла от активной спелеологии, и журнал помогал быть в курсе происходящего. Очень интересно было читать о последних экспедициях, соревнованиях, исследованиях, а также материалы о давно минувших днях, о людях, которые стояли у истоков спелеодвижения.

Буквально этой весной я написала Сергеичу, что «благодаря ему хорошо стала знать историю спелеологии...». Мне кажется, журнал от корки до корки прочитывали только 2 человека: я и Сергей Сергеевич. Как обычно читают подобные издания? Выбирают любимые рубрики, конкретных авторов... Тем более, что в журнале можно найти статьи «разного уровня сложности»: это и дневниковые записи участников экспедиций, и воспоминания, и рассказы, и отчеты, и научные исследования со специфической терминологией, которая не всегда бывает понятна людям без специального образования (к ним я отношу и себя).

Мы же с Сергеичем читали все, вникая в каждое слово... Материал от авторов поступал неравномерно: то ничего, а то сразу все вдруг присылали обещанные статьи. А если у меня на работе завал, да еще с детьми уроки делать надо – а тут Сергей Сергеевич присылает кучу статей и пишет

СМС: «Тань, посмотри почту». Пишу ему, извиняясь: «Сяду читать в пятницу ночью». Он в ответ: «Да я не тороплю». Но я же понимаю, что он уже наметил примерную дату, к которой нужно все сделать... Причем, знаю, что он-то уже все это изучил, свои комментарии кое-где написал...

Приходят выходные – сажусь читать. Часа в 3 ночи отправляю проверенное. Не успеваю выключить компьютер, а уже приходит ответ от Сергеича: «Танечка, спасибо» (ага, значит, тоже не спит). В следующую ночь – то же самое...

Часто я писала свои мысли по поводу прочитанного – Сергею Сергеевичу это нравилось, периодически он даже сам просил высказать свое мнение, порой спрашивал, стоит ли, на мой взгляд, это вообще печатать. Не раз у нас начиналось обсуждение какой-то статьи. Мне кажется, это ему особенно нравилось, ведь если у меня возник живой интерес, то и у других читателей он тоже должен появиться. Таким образом, я была своеобразным «подопытным кроликом», на котором можно было проверить тот или иной материал. Часто я задавала какие-то вопросы – Сергеич развернуто отвечал на них, чувствовалось, что он «в теме», прекрасно помнит содержание всех статей.

Сергей Сергеевич был не только редактором, часто он выступал и в роли автора. Довелось прочитать много текстов, написанных им. Часто в них говорилось о том, что происходило много-много лет назад, но описано все было так живо, словно случилось вчера.

Жаль, очень жаль, что Сергеич больше не пришлет статью для журнала, что мы ее не обсудим, как раньше...

Дарья Дымбрылова

Когда в пермском чатике написали, что Сергеич умер, первая реакция – шок. Блин. Я знала Сергеича столько, сколько знаю спелеологию – и все это время он не блистал здоровьем. Этого следовало ожидать – умер не молодой мальчик, упав в пещере. Умер пожилой человек. Но все равно шок: «Как же так, Сергеич, мы думали, ты – вечный!» Мы думали, ты никогда не умрешь, как не умрет спелеология, как не умрет тяга людей к открытиям и исследованиям.

Вы знаете, есть у некоторых пещер свой хозяин или хозяйка. В Кизеловской стоит дядька с бородой и грозными бровями. А в пермской спелеологии был Сергеич: поехали куда – приходите совета спросить, вернулись – придите отчитайтесь. Провели соревнование, открыли новую пещеру или грот – Сергеичу все это очень интересно.

Человек-Вечный-Двигатель, Человек-Локомотив. Он уже с трудом ходил, но спелеологии не бросал до последних дней. Не мог бегать по поисковкам, но просматривать карты, статьи, вести учет – это он мог. И делал. А самое главное – заставлял делать нас: идите сходите, посмотрите – там должна быть пещера, я знаю. И напишите отчет – обязательно. Какое-то глубочайшее уважение не позволяло отказать ему в просьбе написать рецензию, откорректировать статью, поздравить с юбилеем и пр.

И сейчас так странно писать этот некролог о Сергеиче. А не написать не могу – в голове его голос: «Дарья Сергеевна, не обессудь. Нужна статья». Нужна, конечно же. Не статья нужна – как минимум, книга. И то не расскажет всего нашего уважения.

С Сергей Сергеевичем мы познакомились лет десять назад, когда нас, новичков в спелеологии, повели знакомить с ветераном. И вот ветеран сидит на диване – большой, бородатый – и рассказывает эпизоды из жизни: как первый раз спустился по веревке (бельевой и со второго этажа), как собирали

самохваты на работе, как проводили первый Матч городов. И мы слушали, как дети – сказки.

Потом был Крым и Караби – и подарки от Сергеича его крымским друзьям. Тогда мы впервые узнали, что такое спелеодружба. Это когда тебя садят на автобус и везут показывать экскурсионные пещеры вне очереди – только за то, что ты привез весточку от друга.

Потом было еще несколько таких поездок и несколько подарков – несколько знакомств с самыми известными спелеологами. И какая-то огромная гордость за то, что прикоснулся к этой дружбе, стал ее проводником – все равно, что стал ее частью.

И вот этой части не стало. Ушел Пантюхин, ушел Евдокимов. Последние несколько статей, что я писала по просьбе Сергеича – это такие же вот некрологи.

И это как будто уходит эпоха. Эпоха той большой спелеологии, когда все только строилось и создавалось. И это больно. Но давайте посмотрим с другой стороны, как бы нам ни было скорбно: Сергеич прожил много счастливых лет, посвятил свою жизнь любимому делу, воспитал не одно поколение спелеологов, открыл и изучил много пещер, написал огромное количество статей, собирал и анализировал все ЧП в пещерах – труд, аналогов которому я не знаю. Это счастливая жизнь. Благородная. И богатая наследством – не материальным, но интеллектуальным.

Ты сделал больше, чем кто-либо из нас, и прожил жизнь не зря. Память о тебе не в памятниках, а в результатах трудов, в легендах, которые рассказываются уже далеко за пределами спелеомира. Покойся с миром, друг, наставник и учитель. Нам будет тебя не хватать, но мы постараемся продолжить твое дело и не напортачить.

Спасибо, что поделился с нами умением любить природу, ценить дружбу, быть преданным своему делу до конца.

Мальцева (Локтионова) Татьяна

1975 год, главный корпус ПГУ. Висит объявление (дословно не помню): «Приглашаются желающие в секцию спелеологов...». Оказалась необразованной, побежала в библиотеку, чтобы узнать, что такое «Спелеология». Заинтересовало и заинтриговало.

И вот я в клубе туристов на первом собрании. Бородатый (в то время он не был, конечно, бородатым) и грозный Евдокимов С.С. со своими страшилками, что еще больше увлекательным показалось.

Прохождение шкуродера в Кизеловской пещере. Осталось впечатление, как изящно С.С. его проходил, в отличие от стройных девочек, которые застревали и приходилось сзади толкать, а спереди тащить.

Если обычно студенты живут от сессии до сессии, то мы жили от поездки до поездки. Та энергия и заряд, которые мы получили, занимаясь в клубе: тренировки, поездки и дружный коллектив (а слабые и непорядочные долго не задерживались) прошли с нами до сегодняшнего дня и позволили в 44 года и в течение 18 лет ходить по горам. И все это было связано с С.С.

Член секции ВИБ Игорь Вячеславович Мохунов

Я работал с Сергеем Сергеевичем на одном заводе. Сергеич работал электриком в цехе номер 50 и часто привлекал с завода в походы и экспедиции знакомых: Диму Курочкина, Александра Пономарева, Анатолия Даника и многих других. Когда я учился в техникуме, у меня была дипломная

работа: «Изготовить сферодоводочный станок». Все вроде бы сделали, но наш товарищ, который отвечал за электропривод, заболел. И тогда я обратился к Евдокимову: «Сергей Сергеевич, надо!»

«Ну, приходи, посмотрим», – сказал Сергеич.

Через неделю все было готово.

Читаешь публикации в журнале про С.С.Евдокимова: достиг рекордной глубины 58 метров на Голубом озере. Так ведь это надо было все подготовить, достать снаряжение: компрессор, акваланги, глубиномер, свет и многое другое. Даже сейчас при наличии современного снаряжения все не так легко и просто. Все это надо доставить, дотащить до места, организовать, провести не одну экспедицию. В марте месяце встречались последний раз, сидели у Сергеича на кухне за рюмкой чая: я, Поздеич, Вова Ощепков. Сергеич шутил, рассказывал анекдоты: «Ребята переживем и этот коронавирус». Потом речь зашла о пещере Пантюхинской. Конечно, он с нами не ходил в дыру, но все было на нем: и лагерь, и связь, и все руководство. Он часто повторял: «Над нами ангел-хранитель». Хороший рассказчик, когда собирались вечером у костра.

Конечно, Сергеич не был белым и пушистым. Мог и «наехать», выгнать прямо с экспедиции. Но руководителем был от бога.

Анатолий Данник

Евдокимыч – так называли мы его в кругу заводских коллег, а позже – сподвижников. Мы – это Валерий Шмырев, Дмитрий Курочкин и я, Анатолий Данник. Он был пленником увлечения спелеологией, своим энтузиазмом в создании и организации областной (краевой) секции спелеологов привлекал интерес к этому виду спорта многих молодых людей.

До знакомства в 50-ом цеху завода им. Калинина с Сергеем Сергеевичем я мало что знал вообще о спелеологии: есть пещеры, есть люди, которые там зачем-то лазят, чего-то ищут и все... Мое непосредственное участие в клубе спелеологов началось с участия в изготовлении горной оснастки, самохватов, спусковых устройств – БСУ, станковых рюкзаков, шкафов для хранения секционного оборудования и прочего инвентаря. Это происходило во время совместных дежурств в цеху во вторую и третью смены, в свободное от работы время, почти всегда во время положенного отдыха. Благодаря Сергеевичу в процессе этих работ я набирался опыта в работе с металлом, титаном и нержавеющейкой. Не имея особого теоретического и практического опыта, я просто впитывал знания как губка, наблюдая за его работой. Позднее уже понял, насколько мне это пригодилось в жизни.

Оборганizationalных способностях этого человека можно рассказывать часами. Под его руководством я ходил в походы, спускался в пещеры, участвовал в областных и краевых соревнованиях, в Матчах городов Урала, ходил на сплавы по Кумышу и Чусовой, погружался под воду и много чего другого.

Последний телефонный разговор у меня с ним состоялся за месяц до трагедии и прошел в форме добрых воспоминаний о нашем «общем» с первых дней знакомства. Мы прошли по всем ярким и запоминающимся событиям и дням: кавказские восхождения и поиски пещер, Бзыбь, Крым, Чатыр-Даг, пещеры Урала, подводные погружения в Коктебеле и в озеро Кунгурской пещеры, поездка в Севастополь и многое другое.

Мне кажется, вся его жизнь протекала в клубе, в секции. Но при этом все члены семьи его поддерживали и были всегда рядом. Да что говорить, все члены секции – были его большой семьей. Сергеевич обладал способностью покорить, увлечь своим делом, затянуть, погрузить с головой. И

все дружно шли за ним.

Были и жесткие требования. Особенно это касалось исполнения своих обязанностей и поручений. Но без этого никак нельзя в нашем общем деле – каждый отвечает не только за себя, но и других.

Я благодарен судьбе за встречу с таким человеком, а точнее Человечищем с большой буквы!

Пермский городской клуб – его детище. Он в него вложил душу, сердце, жизнь и всего себя. Это его нерукотворный памятник – вне времени, вне всего.

Точку ставить не буду. Словами не выразить, буквами не описать этого человека – таких единицы! Память о нем и о его делах – навсегда во мне.

Вотинова Людмила Викторовна

Оглядываясь назад (лет на 40+), понимаешь, как здорово, что это было и как здорово, что мы попали в ранние годы становления секции «ВиВ». Ведь, приехав в Пермь «за женой», Сергей Сергеевич скорее всего «клюнул» на карстовый «клондайк» Пермского края. И такое ощущение, что он тогда уже понимал, чего хочет – организовал народ, и понеслось... Сначала подготовка кадров: теория, ОФП, тренировки по технике, а затем и выезды, да не просто выезды, а с прикладной целью – составлялся каталог пещер. Но Сергеич стремился все время вперед: изучая отечественный и зарубежный опыт, подвинул ребят на разработку, изготовление и апробацию новых видов снаряги. Тогда ничего ведь не было, а что и было, так практически было не достать. Так сначала появились в секции шахтерские аккумуляторы, а к ним он организовал зарядное и ответственных за это. А затем вместо спусковой шайбы (алюминиевое кольцо, которое сначала пришло на смену спусков методом «дюльфер») стали изготавливать и пробовать новые варианты спусковых; вместо тросовых лестниц для подъема он предложил самохваты; вместо абалаковских мягких рюкзаков стали изготавливать станковые рюкзаки (которые впоследствии «разъехались» по всей стране)... Над вопросами снаряжения он думал постоянно и остальных мужиков держал «в тонусе» на эту тему. Так же и с вопросами безопасности – все было им организовано четко и строго, потому среди пермяков и не было случаев травм в пещерах. А для обмена опытом по его же идее стали проводиться конференции, а потом и соревнования. Я горда тем, что наши спелеологи уже в те «махровые» годы тренировались и участвовали в соревнованиях, очень похожих на соревнования нынешних спасателей. Но ему надо было двигаться все время вперед – организовал подводную подготовку+снарягу к этому, потому пермяки смогли преодолевать и обводненные пещеры. Сергеич не просто развивал спелеодвижение Пермского края и Урала, он стремился вывести секцию на уровень страны, потому благодаря личным контактам пермяки стали участвовать в совместных экспедициях и выезжать сами по пещерам Советского союза – Кавказ, Крым, Закарпатье, Средняя Азия.

Четкая организация, дисциплина и безопасность, все это С.С. – лидер, который сумел собрать и держать долгие годы вокруг себя людей, сумел вывести спелеотуризм края из дикого посещения пещер «для себя» в разряд организованного спортивно-прикладного движения. И потому он сам и его дела оставили глубокий след в судьбах многих людей, контактировавших с ним или прошедших через секцию ВиВ.

Не знаю, кому как, а лично для меня все было внове – теоретическая и спортивная подготовка, сама секция с ее традициями: девиз, прощальное «солнышко» из рук, выезды в пещеры и заботливое отношение наших мужиков к девушкам, совместные праздники... Тренировки ОФП в лесу, а потом

чаепитие в небольшой квартире Евдокимова, куда заваливалось до 10 человек шумной молодежи, а у него маленький ребенок (Денису тогда было не более трех лет)...

Атмосферу создает и задает лидер, а атмосфера была классная, всем хотелось чаще встречаться, выезжать в дыры и заниматься «этим грязным делом»!

Галя Ивутина

Грустный день,

Сергеич – это целая эпоха в спелеологии. Это и создание ассоциации спелеологов Урала, и редакторская работа журнала АСУ, и рекордный штурм КИЛСИ. Наконец, Серега – это пермская спелеология, знаменитые спелеоконференции, на которые съезжались со всего Союза.

Скорбим.

Галина Селф

Ушел из жизни большой спелеолог и хороший друг Сергей Сергеич. Мы и встречались-то всего пару раз, но он остается в памяти с тех встреч очень живой, большой, надежный... Может быть, это мелочи, когда мы, измокшие под ливнем и усталые, пришли ночью в лагерь другой группы, и ребята начали нас переодевать. У древних был такой обычай: меняться с другом одеждой. Сергей Сергеич передел меня в свой свитер. Наверняка, он сам давно забыл ту давнюю встречу. А я помню. Друг, с которым до того момента я еще не встречалась, дал мне свою одежду (понятно, что в мои мокрые тряпки он не облачался!). Потом мы еще раз встретились на Всесоюзных соревнованиях в Бахчисарае. А последние годы, когда Сергей Сергеич был уже очень болен, мы довольно плотно работали в журнале АСУ. Журналу он тоже отдавал всего себя. Меня это всегда восхищало. Скольких людей тяжелая болезнь, невозможность заниматься любимым делом вгоняет в депрессию. А Сергей Сергеич нашел себя (или для себя?) огромное, хлопотное, всем нужное дело в той же спелеологии, которое и тащил со всей страстью своей большой души. Все, кто читал этот журнал, были ему благодарны. Я надеюсь, что журнал АСУ не захиреет. Это была бы лучшая память о друге и прекрасном спелеологе.

Ярослава

Из семейной хроники, 1983 г.

- Март. Рождение дочери. Назвали Ярослава.
- Июль. Сплав по р. Чусовой (Усть-Койва – р. Поньши – Голубое озеро – г. Чусовой). Папа, Мама, Слава.
- Сентябрь. Первый Всероссийский слет спелеологов. Губаха. Ладейный лог. Папа, Мама, Слава.

Моя жизнь с самого рождения, неразрывно была связана со спелеологией, поскольку и Папа, и Мама были увлечены этим чудным делом.

Меня возили во всевозможные походы, экспедиции, на Всесоюзные соревнования, Матчи городов Урала.

Из запомнившегося – это была Бзыбь п. Пантюхинская. Мне было что-то около 4-х лет. Пещеры не помню совсем, но вот жизнь лагеря на поверхности была насыщена событиями. Ночь. Огромные звезды в черном небе – никогда больше таких звезд не видела. Мы при свече сидим в палатке, это была палатка с крышей из серебрянки, очень технологично в те времена. Некий невнимательный архаровец из молодежи заблудился в растяжках палатки и с руганью обвалил на нас потолок вместе с собой. Конечно, свеча погасла, но успела прожечь основательную дыру в крыше. Болтавшиеся на поверхности бездельники соорудили рогатки и охотились на птиц, которых потом при помощи Папы приходилось отбивать и отпускать. Еще временами приезжали к нам местные джигиты, звали с собой покататься, то ли они мне показались слишком старыми, то ли еще по каким причинам, но я отказалась ехать в аул. На обед у нас была чудная зазывалка: «Обед! Кто не успел, тот опоздал! Опоздавшим – кости!»

Особенно она порадовала осенью моих воспитателей в детском саду, которые потом пытали моих родителей: «А где ваша дочь отдыхала летом? А вы кормите ребенка?» На что вполне резонно получали ответ: «На Юге! 2 км от моря». Не уточняя, что 2 км по высоте.

Клуб спелеологов в те далекие времена был любопытным местом: много интересных железок, веревок, котлы, палатки, общительные и доброжелательные люди, которые, как понимаешь, по прошествии времени, были друзьями, проверенными множеством экспедиций.

И кто тут осёл?

Бзыбь 87.

*Поспешаем к открытию лагеря
«Губаха-86»
86.04.29*

В 90-х проводились спелеолагеря в Крыму. Это было грандиозное событие. Много разновозрастных отделений, которые жили в огромных брезентовых палатках и каждый день были чем-то заняты (выходы в пещеры, поисковки, работа по лагерю). Там у нас была компания малолеток, которая мечтала найти новую пещеру, и при каждом удобном случае мы сбегали от работы и шастали в окрестностях лагеря по карстовым воронкам в поисках открытий. Один раз нас застал за раскопками строгий инструктор – Тамара Ивановна, которая поинтересовалась, чего это мы тут копаем без разрешения.

Как тогда перетрусили мои соратники! А надо сказать, что мои родители не делали поблажек для своих детей, воспитывались мы в отделениях на общих основаниях. Пришлось идти спрашивать разрешение на поиски у начальника лагеря, которого все побаивались. Шутка ли – Сергей Сергеевич Евдокимов!

Благодаря спелеологии мне удалось поехать по многим уголкам планеты. Конечно, неизведанного осталось еще больше, посчастливилось приобрести огромное количество друзей в разных городах. И, как говорит мой Папа: «Спелеологи – это мафия! Если в городе есть спелеологи, тебя всегда приютят».

*Встречаем штурмовую группу со дна ш. Пантюхинская.
87.09.17. стоит – Чухланцев Вадим, за ним Игорь Вольский*

